

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
АЛЬМАНАХИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВА
ШИПОВНИКЪ.**

КНИГА 4

**С. ПЕТЕРБУРГЪ
1908**

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

I.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. АГРАФЕНА. Повѣсть.

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ. Походженія Леона Дрея.

Въ двухъ частяхъ.

II.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Исполненное овѣщаніе.

Поэма.

АЛ. БЛОКЪ. Клеопатра. Ты и я.

Стихотворенія.

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Смерть Человѣка.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ

АГРАФЕНА

I.

На дальней зарѣ своей жизни, семнадцати лѣтъ, стояла Груша въ полѣ, ранней весной. Пѣли жаворонки, было тихо и сѣро—апрѣль, подѣ прясломъ блѣдно зеленѣла крапива. Груша слабо вздохнула и пошла тропинкой отъ деревни къ большаку. И когда она до него дошла, издали, отъ лѣсочка лѣдовскаго зазвенѣли колокольчики. Сквозь свѣтлую мглу утреннюю трудно было сразу разобрать, кто ѣдетъ, но, видимо—тарантасъ, тройкой; вѣроятно изъ усадьбы господской кто.

Груша скромно шла сбоку большака, по тропинкѣ богомолокъ; и почему-то заиграло и забило ея сердце, въ смутной истомѣ. Вотъ уже ближе, можно рассмотреть Азіята на пристяжкѣ, какъ онъ шейю дугу вычерчиваетъ, кучеръ Иванъ—ясно: ѣдутъ со станціи, везуть... Черезъ двѣ минуты увидала и кого везуть: въ синей студенческой фуражкѣ съ бѣлымъ верхомъ и темноглубыми глазами «онъ» — худой и тоненькій, съ острымъ лицомъ и нѣжнымъ цвѣтомъ на щекахъ. Какъ ни быстро все было, успѣли они все же увидѣть другъ друга, обмѣнялись вспыхивающимъ взоромъ—и укатила тройка, только веселую сѣрую пыль подняла. А Груша вдругъ покраснѣла густо, малиново, когда уже никого не было, и стала что-то смѣяться; обрывала полынь съ канавки и пугала воробьевъ на дорогѣ.

День же свѣтлѣлъ, надъ озимью текли стекловидныя струи, овсы зеленѣли и были черны пары.

II.

Съ этихъ поръ началось для ней новое. Та усадьба, куда она раньше ходила на поденную — обыкновеннѣйшее помѣстье — стала жуткой и сладкой. Тамъ гдѣ-то вглуби сидѣлъ «онъ», синеглазый, тонкій, занимался со своими книжками, но каждую минуту могъ выйти къ молотильному сараю, гдѣ возили золотую солому, въ поле, къ скотному. И отъ мысли, что глаза ихъ встрѣтятся, снова вся она замлѣвала въ туманномъ трепетѣ.

Идя по полямъ, гдѣ весна разстилала свои зеленѣющія одежды, думала Груша все объ одномъ: вдругъ его встрѣтить. И это давало заманчивую силу путешествію съ холстами къ сажалкѣ, гдѣ плескались утята — желтые, въ пуху; или бродяжничанью въ березовомъ лѣску за вѣниками.

Иногда по ночамъ онъ ей снился — въ синѣющей дымкѣ; утромъ она просыпалась счастливая и измученная, въ свѣтломъ туманѣ слышанныхъ словъ, нездѣшняго счастья и дрожи. Тогда соскакивала съ постели — были раннія зори, бѣлыя и росныя — и по мокрому лугу носилась, точно помѣшанная слегка, проводя босыми ногами темные круги по росѣ.

А потомъ опять шла на работу, вспыхивая и глубоко рдѣя, и тайкомъ высматривала, гдѣ бы можно было его видѣть. Оказалось — онъ взялся бродить съ ружьемъ за усадьбой; особенно по вечерамъ, на тягу. Ужъ не разъ видали его надъ рѣчкой или на бугрѣ у мельницы; тамъ онъ сидѣлъ, и охотился ли, ястребовъ стрѣлялъ или про что думалъ свое, сказать было нельзя: сидитъ и смотреть, бродитъ, пѣсенку насвистываетъ и глядитъ далеко: точно и не самъ онъ тутъ.

Такъ было и въ тотъ вечеръ апрѣльскій, алый и нѣжный; чуть вились комары, березки стояли въ зеленомъ дыму, а Груша съ бьющимся сердцемъ перебиралась черезъ рѣчку въ рощу березовую, по шатучимъ кладкамъ. Было прозрачно: въ плавной водѣ мельк-

нуло слабое Грушино отраженье, легко она перемахнула и съ холодомъ въ ногахъ пошла, похрустывая вѣточками подъ ногой, туда, гдѣ онъ. Онъ опирался на ружье—тоненькій стволъ чернѣлъ въ деревьяхъ—и ждалъ вальдшнеповъ...

— Здравствуй, Груша!

— Здравствуйте!..

Она замялась. Точно что-то сказать хотѣла да не могла.

— За охотой ходите...

Онъ улыбался. Стоялъ, краснѣлъ тоже, и вблизи отъ него, въ зеленой мглѣ цвѣли ея милые каріе глаза, влажнѣли и благоговѣли.

— Да, за охотой. Вальдшнеповъ караулю.

Онъ все улыбался, потомъ вдругъ взялъ ее за руку. Она чуть не упала, онъ прислонилъ ружье къ березкѣ, смутно обнялъ ее и глубоко поцѣловалъ въ губы.

III.

Краснѣлъ май, пролетая въ огненныхъ зоряхъ, росахъ; кукушки медово куковали, точно окуковывали молодую жизнь. Солнце вставало пламеннымъ и пахучимъ, глубокими ароматами дымились луга подъ нимъ и скаты розовѣли, окровавившись «зарей», медвянолипкой пурпурной травкой.

Очень ранними утрами нарывала Груша ландышей, бѣлѣющихъ и одуряющихъ, и бросала тихонько въ «его» окошко во флигелѣ; ей казалось, что съ ними идетъ отъ нея особенный душевный привѣтъ. И цѣлый день въ одинокой и сумрачной комнатѣ сладко пахло бѣлымъ, нѣжнымъ.

Встрѣчались они мало; больше онъ сидѣлъ за дѣломъ—«книжки читаетъ»—какъ говорили въ усадьбѣ: около флигеля запрещалось громко разговаривать.

Но въ іюнѣ начался покосъ, и онъ иногда приходилъ работать. Это было немного смѣшно—слишкомъ

онъ не умѣлъ справляться съ вилами, навивкой воевъ, но когда на лугу, гдѣ Груша съ дѣвками сгребала сѣно, появлялся онъ, въ бѣломъ кителѣ и съ опаленнымъ зноемъ лицомъ, сердце Груши, какъ всегда, ухало и уходило въ преисподнюю. «Господи, надорвется», думала, — а онъ, напрягая все тонкое тѣло, съ раскраснѣлыми щеками, подымалъ на вилахъ стопу сѣна. «Ахнетъ, сразу сердце оборвется, и конецъ». Но онъ не умиралъ, а посмѣивался ей ласковымъ взглядомъ, и хоть она и отъ того раза чувствовала къ нему тайную, трепетную близость, все же былъ онъ и безмѣрно далекъ, какъ блѣдная, чудесная звѣзда на горизонтѣ. И когда послѣ полного блестящаго дня она возвращалась домой и ложилась спать въ ригѣ, мечтая о немъ, — тонкая грусть оплетала ей душу; весь онъ, прекрасный и нѣжный, казался тогда царевичемъ изъ сказки, тѣмъ, чего не бываетъ и о чемъ томятся.

Уже кончался покосъ, часто по небу июньскому плыли бѣлыя, круглыя облачка. Имъ выпало вмѣстѣ ѣхать за рѣку, за оставшейся копенкой.

Груша вспыхивала и гнала рысью; телѣга гремѣла, они оба смѣялись, такъ его бросало изъ конца въ конецъ, онъ перескакивалъ, какъ пичуга въ клѣткѣ. Сѣдя березы, подъ которыми они катили, струились длинными вѣтвями-прядами, будто посмѣиваясь: «знаемъ, молъ, молодыхъ этихъ ребятъ. Дай отѣхать подальше, цѣловаться будутъ». И они на самомъ дѣлѣ цѣловались, убирая эту бѣдную копенку, — шалили, вздрагивая и краснѣя, разгорѣвшись и пылая.

Возъ былъ почти уже навить, они устали и рядышкомъ сѣли въ тѣни за нимъ. Лошадь стояла покорно, душно пахло сѣномъ, солнце сгибалось книзу. Незамѣтно наступилъ тотъ кроткій, предвечерній часъ, когда золотѣе все, умирениѣе, и въ зеркальной глубинѣ свѣтлаго неба какъ бы чуешь правду — чистую и безконечную.

— Умучились вы очень, вѣтеркомъ бы обдуло, —

сказала Груша и глянула робко, будто стѣсняясь, что онъ такъ работалъ.

— Ничего, пустое.

Они сидѣли. Подъ тихую жвачку Прахоннаго умолкали ихъ души. И снова, какъ въ ночныхъ мечтаніяхъ, вдругъ охватила ее томная печаль: точно облако встало. Что-то было въ ней, а сказать она не умѣла и боялась.

Онъ сорвалъ травинку и откусывалъ кусочки. Потомъ сказалъ:

— Отчего такъ бываетъ, смотришь на небо и облачка такія, — кажется, когда-то въ дѣтствѣ видѣлъ это, — а когда, не помнишь. И какъ тогда чудесно было... Вотъ и лѣто, и все, а тогда было другое.

Грушѣ съ этими словами показалось, что опять онъ не веселый и смѣющийся, а тайный, далекій — такой, какъ когда читаетъ книги или смотритъ часами въ одно мѣсто.

— Вы на то лѣто опять приѣдете? — вдругъ спросила она — и подъ сердцемъ прошло что-то. Онъ не отвѣтилъ. Потомъ произнесъ:

— Можетъ быть.

«Можетъ быть». А, можетъ, и нѣтъ? Можетъ только теперь и знаетъ она его, а придетъ августъ, закатится онъ, какъ звѣзда лѣтняя, оставитъ ее здѣсь и будетъ свѣтить и сіять въ другихъ краяхъ? загадочнымъ своимъ, обольщающимъ свѣтомъ?

Груша молчала. Долго они сидѣли такъ, безъ словъ, а потомъ вдругъ теплыя слезы, свѣтлыя и соленыя, подступили ей къ глазамъ, съ такой силой она поняла — никогда, никогда не быть имъ вмѣстѣ, не удержать яснаго и легкаго сокола и не знать счастья, кромѣ сейчашняго, — что уткнулась ему въ рукавъ и плакала обильно, долго.

Понялъ и онъ, улыбался ласково, печально, и гладилъ ее по затылку. Потомъ слабо поцѣловалъ и всталъ.

Въ августѣ убирали овесъ; было тихо; тепло, даже душно; много сѣренькихъ дней, когда куропатки срываются въ кустахъ изъ-подъ ногъ и чертятъ воздухъ острыми крыльями; а вечеромъ спокойная луна, лилово-дымчатая, восходитъ надъ полями въ меланхоліи. Тогда унылѣе и пахучѣй полыни надъ дорогами, и надъ кладбищемъ деревенскимъ низко плыветъ лунь.

«Онъ» въ такіе вечера блуждалъ по дорогамъ на велосипедѣ; заѣзжалъ вдаль, къ одинокому лѣсочку на взгоркѣ среди нивъ, клалъ коня рядомъ и глядѣлъ подолгу на гбнущій закатъ, на деревню, гдѣ жила Груша, и видъ безмѣрныхъ родныхъ равнинъ вызывалъ одно, всегда одно и то же. Иногда поджидалъ у сворота тропинки Грушу, когда она возвращалась домой; спрятавъ велосипедъ въ овсахъ, шелъ съ нею рядомъ. Она напѣвала, а спѣлые овсы шелковѣли во-кругъ, сухо шелестѣли и иной разъ тихую ночную птицу вспугивали они, двое, изъ-подъ ногъ.

Убывали дни, становилось ихъ меньше до конца. Чаше пѣло Грушино сердце пѣсни разлуки и невозможности. Точно сильнѣе и глубже вошелъ онъ въ нее отъ этого, и когда, распрощавшись у ригъ, добредала она до дому одна, то глядѣла на загадочныя облака надъ солнцемъ угасающимъ, и думала, что такъ же растаетъ и онъ, такъ же золотой, недосыгаемо-чудесный — и снова сладкія и смертныя муки томили ее, по ночамъ она не спала и отблескъ того же нездѣшняго, свѣтившій въ немъ, почилъ на ней.

А въ послѣдній вечеръ, когда цѣловалъ онъ ее на прощанье, и овсы премудро шептали, обняла она его колѣни и не могла оторваться. Послѣ онъ уплылъ въ вечернюю мглу, а она стояла на колѣняхъ и молилась вслухъ, въ восторгѣ мученичества, полямъ, овсамъ, небу, Богоматери кроткой и милостивой, посѣтившей въ тотъ вечеръ скромныя нивы. И ея голосъ былъ слышанъ, ея дѣтское и прекрасное горе исхо-

дило свѣтлыми слезами, и какъ таяли облачки, — таяла скорбь въ ея сердцѣ, оставалась заплаканная душа, посвѣтлѣвшая и опрозраченная.

Онъ же покинулъ въ это время тѣ края, не возвращался больше и пребылъ таинственнымъ посѣтителемъ, пришедшимъ въ жизнь Аграфены на ея ранней зарѣ, чтобы растаять синеватымъ туманомъ, оставивъ за собой любовь, томленье, тихіе восторги и нѣсколько не слишкомъ щедрыхъ поцѣлуевъ.

V.

Прошло четыре года. Аграфена жила въ маленькомъ городѣ, занесенномъ снѣгами и тихомъ, у молодой барыни. Она была замужемъ, но съ мужемъ разошлась и дѣтей не имѣла; жить же въ этой свѣтлой квартиркѣ, гдѣ всюду были бѣлые отсвѣты снѣга изъ оконъ, ей нравилось.

Сильно топили; было тепло, а тамъ, за стѣнами, стлались далекіе снѣга, полусонный городъ, мятели; здѣсь же бродила легкой походкой маленькая барыня, выкармливая грудного, а другой мальчикъ ходилъ въ гимназію — первый классъ.

И Аграфенѣ думалось, что, живя здѣсь, хлопоча въ кухнѣ, таская дрова, свѣжепахнушіе, веселые, она ведетъ благочестивую монастырскую жизнь, въ родѣ спокойнаго подвига, какъ древніе отшельники.

По субботамъ, отпросившись у барыни, бѣгала наискось въ церковь, черезъ заснѣженную улицу, увязая, обдаваемая острымъ и жгучимъ зимнимъ духомъ; пила его, какъ дивное вино, въ церкви скромно становилась сбоку, слушая «Свѣте Тихій».

Пѣлъ хоръ гимназистовъ; свѣтло мерцали и струились свѣчи, золотѣли, мигали, какъ далекія дѣтскія души. Сердце ея обнималось тогда благоговѣйной ясностью; и среди тихихъ напѣвовъ неожиданно вста-

валъ нѣкто дивный и грозный; случилось, — вдругъ предъ лицомъ этихъ ризъ на иконостасѣ, отъ голоса отца Дмитрія, высокаго, тонкаго, похожаго будто на Христа, вѣяло такимъ безмѣрнымъ, что она въ ужасѣ спрашивала себя: вѣрю или не вѣрю? Вдругъ если не довольно вѣрю, не живу съ мужемъ, посты плохо чту — вдругъ тогда и конецъ, и спасенья нѣтъ, адъ и проклятье?

Съ этими вопросами обратилась она разъ къ барынѣ.

— У васъ, можетъ, у господь и вовсе въ Бога не вѣруютъ, а намъ какъ?

Барыня улыбнулась, какъ всегда задумчиво и къ Аграфенѣ ласково:

— Въ Бога я вѣрю, Аграфена, вы не думайте. Насчетъ ада плохо умѣю сказать; объяснить не могу, а навѣрно думаю, что нѣтъ. Нѣту такого ада, незачѣмъ; и здѣсь на землѣ достаточно.

Аграфена ушла къ себѣ мыть чашки, все о томъ же думая. «На землѣ достаточно»... Такъ и барыня: спокойная, не сердится никогда, дѣтей ласкаетъ, а сама думу думаетъ, и точить въ ней что, — подъ глазами круги, блекнетъ здѣсь одна въ этой тиши. Ночью, крестясь на лампадку, Аграфена слышала, какъ ворочалась, вздыхая, барыня; будто длинное что, неизбывное, томило ее; и въ тѣ долгія noci зимой должна была она его изжить. Аграфена вздыхала, широкимъ мужичьимъ крестомъ крестясь «за покой» доброй барыни.

VI.

Подошли Святки; бѣло-тихія, точно приплыли по безбрежнымъ снѣгамъ. Барыня дѣлала елку Колѣ; никого не было, кромѣ Аграфены; елка свѣтло сіяла въ скромной квартиркѣ. Барыня улыбалась, радовалась, что нравится Колѣ, и какъ всегда — блѣдная тѣнь ходила по ея прозрачному лицу, а сосѣдки-кухарки

говорили Аграфенъ: «Вотъ смотри, къ вамъ и отецъ Дмитрій не пойдетъ, потому твоя барыня безмужняя». И дальше рассказывали, всѣ по разному—одно: сзади лежала сердечная исторія.

Отецъ Дмитрій, однако, былъ; служилъ молебень, кропилъ, и не только Аграфена молилась, но крестилась и барыня; какъ всегда глубокія струи свѣтились у ней въ глазахъ.

Разоблачившись, отецъ Дмитрій завтракалъ; они съ барыней говорили—какъ два вѣжливыхъ и всегдашнихъ противника.

— У васъ здѣсь весьма тихо, напоминаетъ женскій монастырь.

Барыня улыбалась.

— Это и есть монастырь.

Во взглядахъ отца Дмитрія было одновременно почтительное и внутренне-неодобряющее.

Потомъ опять забѣлѣли снѣга, синѣла по ночамъ лампадка въ большой дѣтской, барыня цѣлыя ночи бродила съ груднымъ: онъ пицаль, кисъ, было безмолвно, и если ночь выпадала лунная, голубѣло и тамъ, въ тихо сверкающемъ снѣгѣ; таинственное, слышное только ей одной, наполняло тогда квартиру и городъ; вспоминалось о далекихъ дняхъ—любви и невозможности, и хотѣлось сѣсть въ этой свѣтлой ночи въ волшебныя сани, унести по бѣлѣющимъ полямъ вмѣстѣ съ тѣмъ, который...

Въ кухнѣ могуче спала Аграфена; барыня, подходя къ двери, внутренне улыбалась на нее; иногда даже смотрѣла по нѣскольку минутъ. «Знала она, или не знала такое?» И вдругъ ей казалось, что она прозрѣваетъ однимъ взглядомъ въ жизнь этой Аграфены, и остро, подробно видитъ, что дано ей испытать, испить и пережить.

Тогда она ходила подолгу съ груднымъ изъ угла въ уголъ, погружаясь въ лунныя колонны и выходя изъ нихъ, и сѣдая печаль повивала ей голову: печаль-ровесница самому міру.

VII.

Глубокимъ шумомъ зашумѣли весны. Вѣтры подули, потекли снѣга, мощный и веселый духъ ходилъ надъ землей, трубя и играя. Масляница была пышная, съ роскошными лужами на улицѣ, весенними ночными бурями и дождями. Ъли много блиновъ, но хотѣлось буйности, пыла. Не могла уже Аграфена быть монашкой зимней; бурно закипало по ночамъ сердце, томилась она и заплакала даже разъ—ручьями, неизвѣстно о чемъ.

Но судьба ей была дана: въ тѣ же дни встрѣтилась она съ кучеромъ Петькой, только что попавшимъ сюда на службу. Онъ былъ молодъ, черноусъ и остръ: точно ястребъ степной. На дворѣ его боялись и не любили; очень больно умѣлъ сказать, сплевывалъ гениально, и когда мчался въ санкахъ на Звѣздочкѣ, глядѣть духъ занимало.

Аграфена такъ и зѣвала на него разъ, когда онъ въѣзжалъ домой на взмыленной лошади, а онъ цикнулъ, ловко перебралъ вожжей, чтобы не задавить и прорѣзалъ у самыхъ ея ногъ, такъ что шарахнулась даже въ подѣздъ.

— Эй, ты, малина!

И по тому, какъ онъ сказалъ это, поняла она, — что бы ни велѣлъ этимъ голосомъ — удалъ, наглость, сила въ немъ, — все она сдѣлаетъ.

Къ вечеру понадобилось достать дровъ изъ сарайчика; сумеречилось, сиреневѣло, чуть жегтѣли огоньки фонарные; легкимъ ходомъ пробѣжала Аграфена къ знакомому мѣсту, вся вздрагивая, внутренно холодѣя; вотъ и дрова, милые такіе, пахучіе — и тамъ у каретнаго кто-то возится, пахнетъ оттуда дегтемъ, шорникомъ, шлеей...

— Али потеряла что, молодка?

Острый запахъ цыгарки, картузь ловкій, крѣпкія какъ изъ жилъ руки.

— Такъ ужъ, потеряла или нѣтъ, про то вамъ знать не приходится...

— Ой-ли?

И все онъ ближе, жутко, голова мутить, — ясно: не уйдешь.

— Ой-ли?

Дверка захлопнута, и какъ онъ дрожить, какъ цѣлуетъ, какъ навѣрное она знаетъ, что ужъ это не то, что тогда, тихой весной, здѣсь кровь и огонь, огонь и беспощадность, — но пусть, пусть попалятъ ее и прожгутъ, могучія силы взяли, пламенные круги въ глазахъ. Весна, бури, бури.

Черезъ четверть часа бѣжала Аграфена черезъ дворъ съ дровами, домой, легко-пьяная и не себѣ уже принадлежащая. А Петька сплевывалъ, курилъ цыгарку у воротъ, и жадный, побѣдный огонь лился изъ его глазъ: весь свѣтъ казался ему добычей, а борьба — жгучей и опьянительной.

VIII.

Изъ огненной чаши пила Аграфена — долго, жадно. Легли дни, такъ же ходила барыня съ ребенкомъ, тепломъ вѣяло съ неба, зазеленѣло все, — а она горѣла, бушующимъ и свѣтлымъ пламенемъ. Казалось, не было лѣтъ сзади, нѣту впереди ничего, да и не надо — вся полна собой, кровавой своей любовью.

Поздно вечеромъ, когда все засыпало, она тушила огонь на кухнѣ и сидѣла въ забытѣи, глядя на звѣзды; а потомъ, легко, сомнамбулически, ведомая дальней властью любовныхъ свѣтилъ, выскальзывала на дворъ и, крадучись, къ сѣновалу. Здѣсь волны сѣна. О, какъ оно пахнетъ! И пока она лежала, въ трепетѣ ждала, майскій мѣсяцъ выползалъ изъ-за сада, заглядывалъ золотымъ лучемъ въ слуховое оконце: тамъ онъ видѣлъ слушавшую Аграфену — потомъ ловкіе шаги — онъ, и пламень объятій, любовная борьба, торжественное, буйное богослуженье: на алтарѣ жизни.

Такъ, въ майской тѣмѣ, задыхаясь въ сѣнѣ, трепеща отъ любви, зачала Аграфена въ своихъ нѣдрахъ новое бытіе. Она почувяла это въ такую же жгучую ночь, и Петру не сказала. Но уйдя отъ него, когда заблѣлъ востокъ, пошла не къ себѣ на кухню, а за сарай, въ садъ. Тутъ было тихо; матовой пеленой одѣли росы траву, молодыя яблони стояли всѣ въ цвѣту, — бѣлыми предутренними кораблями. Только вдали, гдѣ старая береза подымалась у забора, вдругъ слабо и нѣжно завела свое курлыканье горлинка. Аграфена стояла. Подъ сердцемъ у ней билось живое и далекое, никому еще невѣдомое существо. И такъ молитвенно тихъ и мудръ безмѣрно былъ этотъ утренній часъ, что вдругъ показалось ей, теперь она постигаетъ глубочайшую тайну. Точно предстала она передъ Богомъ, какъ покорный сосудъ, скудельный сосудъ Его благодати и ужаса, и нѣкто тихою десницею навсегда отмахнулъ отъ нея время, когда была она беззаботной. Въ величїи и восторгѣ этого чувства она пала на землю, внутреннимъ слухомъ принявъ голосъ, говорившій: «Отнынѣ ты будешь матерью, примешь и понесешь страданія, окрасишь твою душу цвѣтомъ крови, и въ мукахъ и томленїи обрѣтешь вѣчную правду, выше которой не было, нѣтъ и не будетъ ничего подъ солнцемъ».

IX.

Съ того дня Аграфена стала спокойнѣй и строже; даже барыня удивлялась: «Вы, будто, Аграфена, поумнѣли», говорила и посмѣивалась. Аграфена краснѣла слегка и молчала. Но въ душѣ у ней вставало нѣчто, чего раньше она не знала: будто тѣнь отъ дальняго и жуткаго доходила ей до ногъ и стремилась охватить всю: «Петя меня любить, надо-бъ свадьбу сыграть, а чего-то боязно».

На дворѣ надъ ней зубоскалили, говорили, что

вѣшается Петькѣ на шею, да Петька не такой дуракъ, чтобы дать себя бабѣ въ кабалу: пусть бы глядѣла, не равно съ другой спознается.

— Всѣ, милая, измѣнщики они, всѣ ироды, была бь моя воля, всѣхъ бы ихъ на каторгу наладила.

Аграфена пылала.

— Петя не измѣнщикъ. Не лисица какая-нибудь, чтобы лжу лаять.

Лысая кухарка охала. Мало вѣрила Петру, какъ и другимъ.

— Присматривай, дѣвушка, присматривай. Наше дѣло женское.

И на самомъ дѣлѣ, — этого Аграфена не могла отрицать — Петръ сталъ какъ-то ускользчивѣй, мимолетнѣй, и въ его острыхъ глазахъ мелькало какъ бы чужое, тайное и скрываемое.

— Петя, — говорила она: — знаешь ты, я за тебя въ огонь и въ воду, на адскую муку согласна. Вотъ до-служимъ здѣсь, повѣнчаемся, въ деревню поѣдемъ... Господи, мальчикъ нашъ будетъ розовый, назову его Кирилломъ, буду люльку качать, яснаго моего сокола поминать. И она припадала къ его ногамъ, плакала, цѣловала руки, но онъ и правду былъ похожъ на дикаго ястреба: скучно сидѣть здѣсь на одномъ мѣстѣ, взялъ бы, расправилъ крылья да сверху, споднебесья и ударилъ бѣлую лебедь — знай силу соколиную! — и какою ни взялъ, все его.

— Наживу денегъ, — говорилъ: — уйду на Волгу, или въ степи, табуны заведу. Буду пиры водить, лошадей выѣзжать... Эхъ ты, кура, кура.

И ласкалъ буйно, небрежно, — вѣрилось, правда не здѣсь ему мѣсто, а въ дальнихъ временахъ, въ ватагахъ Разина, въ грабительствѣ широко-волжскомъ, въ красныхъ кафтанахъ, кутежахъ и вольно-безбрежной разбойницкой жизни.

Аграфену же плѣняло все, даже, что ея не замѣчалъ. Надрожавшись отъ восторга, жути за ночь, она шла въ бѣлую келейку-кухню, и слушая, какъ медленно

ходить изъ угла въ уголь съ груднымъ барыня, тяжело и сладко засыпала: безъ сновидѣній, съ глубокимъ томленіемъ.

Х.

Онъ пришелъ, пришелъ черный Аграфенинъ день, впился когтями въ красное сердце и грудь бѣлую ея истерзалъ. Надвинулась тѣнь, потопила бѣдную душу и размяла, истоптала ея цвѣтъ, свѣтлую ея любовь.

Пусть будетъ рассказано объ этомъ.

Въ ночь начала іюня, какъ назначено было, накинувъ платокъ и дрожа, озираемая тѣмъ же мѣсяцемъ, что въ дни счастья и зачатія заглядывалъ на сѣноваль, — Аграфена кралась туда же, къ своей завѣтной лѣсенкѣ на сѣнникъ; какъ раньше, сопѣли внизу коровы, телятки бормотали дѣтскими губами и чуть скрипѣли досточки лѣстницы. Вотъ и сѣно — душное и пьянительное, какъ сладкое луговое вино, — и то мѣсто, за поперечной балкой, что было ими облюбовано и гдѣ любили они такъ бурно. Но что? Или слухъ измѣняетъ? Движенье. Возьтятся, хохочутъ. Поцѣлуй, такой же, тамъ же...

— Петя!

Смолкли.

Голосъ — злой, чужой.

— Какого дьявола по сѣноваламъ шляешься? Или въ службу нанялась?

— Петя, милый...

Но остановилось сердце, нѣту ему ходу, бѣлы, бѣлы губы и щеки нѣмѣютъ — видитъ она съ нимъ тамъ другую, блудящую дѣвку Федосью, и онъ лѣзетъ отъ нея лохматый, съ сѣномъ въ волосахъ и горящій наслажденіемъ.

— Прочь пошла, слышишь — вонъ!

Пала ему въ ноги — «Петя, Петюшка, развѣ жъ тебя не любила? Развѣ душу тебѣ не дала, Петя, родненькій, за что?»

Онъ не слушалъ. Схватилъ сильными руками и столкнулъ внизъ съ крутой лѣсенки, такъ что упала о землю, разбила верхнюю губу. И лежала долго, въ забытїи. А онъ заперъ дверь.

Но пока текла красная кровь по лицу, отирала она ее рукой, и кровь свою цѣловала, кровь свою — его кровь, потому что была она черезъ него. Острый ножъ разрѣзалъ ея душу, и была сладкая мука — лежать здѣсь внизу избитой — униженной, пить сокъ своихъ ранъ, вѣрной быть ему до глубочайшихъ своихъ нѣдръ и принимать восторгъ мученичества.

Много позже встала она медленно и пошла домой. Тамъ сидѣла тихо, тихо всю ночь у окна; было безмолвно въ ея душѣ, стояла великая пустота, палимая безплотнымъ огнемъ. И только временами чужла жажду какую-то, пила; потомъ слабо задремала, передъ разсвѣтомъ, сномъ тонкимъ и больнымъ, готовымъ каждую секунду лопнуть; проснувшись — сразу вспомнила, что выѣдено все у ней внутри и одна зияетъ огненная рана. Тогда стала плакать — медленными, безграничными слезами. Такъ застала ее барыня, выйдя утромъ въ сѣренькомъ своемъ халатѣ, блѣдная и сухенькая.

И какъ была она женщина, сразу поняла все. Тоже слезы вышли изъ ея прозрачныхъ глазъ, двѣ слезинки, какъ бѣлые голуби. Расправили крылья и стояли свѣтлыми стражами души.

— Не плачьте, Аграфена, не тужите. Вотъ полюбите еще, новое счастье узнаете.

Барыня положила руки на Аграфенину голову и говорила что-то глазами. Дивными и скорбными, прошедшими черезъ многія печали міра и вынесшими изъ нихъ свою кроткую мудрость.

Аграфена повалилась ей въ ноги и руки цѣловала. Такъ познала она первую свою женскую муку, огнепалимую и ненасытную. Муку отверженной,

XI.

Къ новому году Аграфена родила. Въ это время она уже не жила у прежней барыни, которая внезапно уѣхала куда-то и навсегда пропала съ ея глазъ. Также не было и Петра; онъ ушелъ оттуда еще лѣтомъ, чужой и недругомъ. Но теперь все это было для нея далекимъ, щемящимъ, надъ чѣмъ время возводило свои усыпляющіе терема.

• Съ дѣвочкой на мѣста не брали; поэтому пришлось отдать ее въ деревню. Это тоже было горько, но необходимо. И Аграфена, которую боли любви и ревности научили скрежетать зубами, снесла это твердо, только блѣднѣла.

Оставшись же одна, она стала внутренно собранной, готовой на нелюдимую тяжелую жизнь, и вступила въ кочевое состояніе женщины, переходящей отъ хозяевъ къ хозяевамъ, видящей разныя семьи, разныя драмы, счастья и предательства,—но хранящей суровую отчужденность и только временами плачущей, въ одинокія ночи, о невозможномъ.

Такъ блуждала она довольно долго. Понемногу годы, утомляя своимъ волнообразнымъ всплескомъ, качая на своихъ гребняхъ, ввели ее въ возрастъ тридцати лѣтъ, когда жизнь кажется наполовину прожитой, въ головѣ пробѣгаетъ волосъ серебряный и сѣдая печаль-морщина врѣзается въ лобъ глубже.

XII.

Теперь мѣсто Аграфенѣ вышло въ домѣ госпожи Люце, въ томъ же городѣ. Она была кухаркой; жила въ подвальномъ этажѣ, въ тѣсной кухнѣ, и видала оттуда медленную жизнь, протекавшую вокругъ и наверху.

Госпожа Люце имѣла мастерскую; въ ней шили и вязали чулки, жили мастерицы, и сама «тетушка Люце»

вела скромное существование, весь день работая надъ сматываніемъ нитокъ. Хотя всѣ съ ней были привѣтливы, Аграфена дичилась и старалась быть въ сторонѣ, внизу у себя. Тамъ жила старая няня, взростившая госпожу Люце, и ея старикъ-мужъ: Мунька. Этотъ походилъ на снѣжно-серебряную копію; двигался медленно, иногда въ низенькой закопченной кухонкѣ разговаривалъ съ Аграфеной. На нее это дѣйствовало тяжело: стоитъ Мунька старый-старый, восьмидесятилѣтній, какъ древнее привидѣніе, и рассказываетъ:

— Было это въ пятьдесятъ пятomъ году. Въ Останкинѣ тогда жилъ покойный императоръ, Александръ второй.

Или.

— Много нашихъ подъ Силистріей легло. И мы тамъ съ бариномъ были.

Темная тѣнь, скорбная тѣнь годовъ, императоровъ, битвъ, войнъ ложилась тогда на душу Аграфены. Казалось страшнымъ дожить до такой старины; и когда не спалось, мысль настойчивѣй направлялась къ тому: какъ же? когда? что будетъ «тамъ»? И въ началѣ какъ ни билась, духъ нѣмѣлъ передъ возможностью не быть, передъ тѣмъ, что же будетъ, когда не будетъ ея? Прежнія полудѣтскія мысли объ адѣ, о томъ, что «вдругъ есть Богъ» и покараетъ за грѣхи, ушли давно; съ теченіемъ времени сталъ также проходить тотъ дикій ужасъ—а если убьютъ, отъ болѣзни внезапной умрешь, соришь — отъ котораго она холодѣла въ прежнія времена.

Теперь, съ годами и размышленіями, смерть представлялась надвигающейся мѣрнымъ и торжественнымъ ходомъ. Она шла неотвратимо, какъ крылатая царица, звуча бархатно-чернымъ тономъ. Но на фонѣ этого мрака просвѣтленнѣй и трогательнѣй сіяли видѣнія дальнихъ лѣтъ: нѣжный романъ среди полей, съ полунезнаемымъ и мѣ, съ тихой весной и апрѣлемъ; слабо мерцающая гдѣ-то сейчасъ дѣтская жизнь,—

собравшая въ себѣ свѣтъ и кровавыя боли любви — земной и мученической.

Теперь Аграфенѣ казалось, что ея жизнь приметъ ровное и бѣдное теченіе, будучи отдана этой дѣвочкѣ; но ей было назначено за первымъ переломомъ бытія узнать еще огни и печали передвечеря.

XIII.

Въ ноябрѣ, среди раннихъ дикихъ мятелей въ домъ госпожи Люце пріѣхала барышня Клавдія съ братцемъ. Клавдія приходилась тетушкѣ родственницей, сняла комнату себѣ и братцу отдѣльно — и стала ходить въ музыкальное училище; а братецъ въ гимназію. Клавдіи поставили піанино въ комнату, и теперь нерѣдко въ пустынной квартирѣ бывалъ Бетховенъ и старыя мудрыя нѣмцы. Подъ ихъ звуки тетушка мѣрнѣй вертѣла колесомъ и туманнѣе думала о дняхъ былыхъ, когда съ покойнымъ нынѣ мужемъ они вели ясную жизнь: въ любви и дружбѣ.

Также въ Аграфенину кухню сходили эти голоса. Она мало ихъ понимала, но почему-то оттого, что барышня умѣла играть, она казалась Аграфенѣ не совсѣмъ обыкновенной: точно жило въ ней смутное и слегка загадочное. А въ то же время и простое: сбѣгала внизъ къ ней, могла хохотать, картошку ѣла съ плиты недоваренную, наверху же вносила въ жизнь тетушки нѣкоторый кавардакъ. Но страннѣе всего былъ братецъ, совсѣмъ молоденькій. Тоненькій, тихій, часами просиживалъ въ своей комнатѣ, что-то всегда рисовалъ, тщательно пряталъ, молчалъ и иногда вдругъ густо и безпричинно краснѣлъ.

— Нашего Костю никогда не слышать, — говорила тетушка. — Право, живъ ли, мертвъ ли, не узнаешь.

Клавдія улыбалась — точно была съ нимъ въ заговорѣ.

— Онъ думаетъ.

— Ахъ, Клаша, всетакошь рано съ этихъ поръ думать.

Братецъ же, если слышалъ, что при немъ о немъ говорятъ, имѣлъ неопредѣленный и полуневидающій видъ, а потомъ, допивъ чай или кончивъ обѣдъ, вѣжливо благодарилъ и уходилъ въ свою комнату. Спокойно занимался уроками, потомъ много мучительно рисовалъ, бродилъ мечтой надъ рисунками, блѣднѣлъ и горѣлъ надъ ними внутренно и беззвучно ложился спать.

Утромъ въ потемкахъ вставалъ и шелъ въ гимназію; и ноябрьскіе дни, замая снѣгами улицы и тротуары, свинцовой вереницей брели надъ городомъ, ведя единую нить жизни дальше, въ глушь, въ черноту ночей.

XIV.

Аграфена уставала. Сзади стояли годы, оттуда сочилась черная влага, стекала въ душу и скоплялась ѣдкими каплями. Теперь она не могла бы рыдать, выбрасывая себя въ бурѣ слезъ, сухая печаль ложилась вокругъ рта кольцомъ, вѣдающимъ и маловиднымъ снаружи.

Мысли о смерти приходили чаще; что-то недвижимое и сѣдое загораживало дорогу, тускнѣло все прежнее; прожитая жизнь казалась ненужной. Временами пріятно было глядѣть на камни, стѣны—какъ они тихо лежатъ, и какъ долго! какъ спокойно! А иногда вдругъ, передъ вечеромъ, когда бѣдныя, сѣверно-розовѣющія тучки неожиданно разлегались надъ закатомъ, что-то манило и слышны были точно слова—дѣтскія и обаятельныя. Становилось возможнымъ невозвратное; на минуту сердце замлѣвало, будто ожидая чего. Но закатъ гасъ и опять только закопченная кухня, темень, Мунька. Сверху музыка Клавдина, томная и родная умирающимъ тучкамъ, да невидимый братецъ.

Мунька умеръ въ очень глухую ночь. Уже много дней былъ онъ плохъ, лежалъ и стоналъ, закатывая глаза, какъ курица. Всѣмъ было ясно, что нельзя ему жить больше: отмѣрилъ восемьдесятъ лѣтъ и уходи. Няня давно приготовила ему смертныя одежды, но по ночамъ о немъ плакала. Онъ же лежалъ, какъ серебряная копна, что-то бормоталъ и слабѣлъ, слабѣлъ.

Въ три часа съ четвертью Аграфена вдругъ, въ безпроглядной тьмѣ соскочила съ постели; жарко было, заливалось сердце бѣшеной дробью...

— Бабушка! крикнула она нянѣ.

Не отвѣтили.

Въ сосѣдней каморѣ хрипѣло и возилось, свѣтъ вдругъ рѣзко ударилъ сквозь щель, легъ тоненькой жилкой, и оттуда быстрыя слова:

— Кончается. Барыню буди.

Въ смертельной тоскѣ кинулась наверхъ — и сразу въ чернильную тьму комнатъ влилась съ нею струя безпокойства.

— Барыня, голубушка, Мунька кончается!

Тетушка Люце спала на широкой постели, съ слабымъ отсвѣтомъ лампадокъ; старинно и печально было въ этой комнатѣ. Стояло древнее трюмо, рѣзное, и въ ночномъ поблескиваньи призрачное; сладковатый и глубокий духъ царилъ.

— Царство небесное, Господи, упокой душу!

И какъ старый человекъ, мудрый и выдавшій скорби жизни, стала тетя Люце на колѣни, вознося къ безбрежному, грозно-сіяющему, многоопытныя молитвы.

Сразу зашумѣли въ домѣ, и, пробѣгая мимо комнаты брата, Аграфена машинально отворила дверь и вошла. Онъ сидѣлъ на кровати, тоненькій, бѣлый, встревоженный, какъ молодой голубенокъ; сзади мгновенно палъ кусокъ свѣта, бросилъ его въ глаза Аграфенѣ, и потомъ, когда она притворила, худенькое бѣлое видѣнье съ голыми ногами запало ей вглубь, вызвавъ странный темный ударъ.

— Что такое?

— Мунька померъ.

Но теперь она не думала уже о мертвомъ; смутная сладость пронизала ее глубоко, до костей, и на черномъ фонѣ ночи, смерти, страха, вдругъ поплыло нагое тѣло, дѣвичьей бѣлизны, съ тонкой, чуть рождающейся прелестью мужчины.

Аграфена выскочила и сбѣжала внизъ; опьяняющій кинжалъ къмъ-то былъ воткнуть въ нее, и, увидѣвъ въ кухнѣ огонь, свѣтъ въ Мунькиной комнаткѣ, его самого недвижно лежащимъ съ тонкой повязкой смерти—она бѣшено зарыдала, сама не зная отъ какой пронзительной сладости-боли.

Древняя няня молилась истово и правильно, въ дверь выглянула Клавдія въ ночной кофточкѣ, потомъ проковыляла тетя Люце.

Ночь шла. Ея великія панихиды простирались за-ываніемъ вѣтровъ, свистомъ мятели и безмѣрнымъ мракомъ. Такъ продолжалось до утра.

XV.

Въ сороковой день смерти Муньки няня съ Аграфеной ѣздили на кладбище. Извозчику было шестьдесятъ, онъ зналъ все про всѣхъ въ городѣ, и ему можно было бы не говорить, куда собственно ѣдутъ. День былъ зимній. Глубокіе снѣга, какъ и прежде, укрыли городъ; тихія санки плыли по нимъ съ великимъ спокойствіемъ. Аграфена глядѣла по сторонамъ. Давно не бывала она такъ далеко отъ своей норы, и теперь, когда съ окраинныхъ улицъ виднѣлась вдали Ока, зимне-синѣющіе просторы и горизонты, лѣса въ снѣжныхъ инеяхъ—ей вдругъ представилось, что жизнь широко раздвинута, тамъ на огромныхъ пространствахъ также обитаютъ люди, также можно куда-то уйти, стоять въ снѣговыхъ поляхъ, дышать острымъ и опьяняющимъ воздухомъ прежнихъ лѣтъ.

Отъ этихъ мыслей у ней затуманилась голова. Между тѣмъ близко было кладбище. Оно лежало почти за городомъ, на широкой возвышенности, господствуя надъ всѣмъ. Отъ инеевыхъ деревьевъ оно казалось бѣлымъ облакомъ.

Съ большой тишиной и серьезностью вошли женщины въ его ворота; на нихъ не было ничего написано, но сразу другой воздухъ охватилъ: еще прозрачнѣе, суше, таинственнѣй. Особенно деревья обольщали; о, какъ они замлѣли подъ бѣлѣйшими ризами! Они рождали тишину и глубокой миръ, холодный миръ.

«Какой тамъ Мунька теперь?» И нельзя было повѣрить, что не такой же, не хладно-серебряный, не пронизанный молчаніемъ снѣговъ и инеевъ.

На могилѣ женщины совершили обряды; были тутъ поминальныя яства, кутья и изюмъ; птицы—красногрудые снѣгири—перепархивали въ вѣтвяхъ, осыпая бѣлый туманъ; ожидали, когда онѣ удалятся.

— Ты, милая, уйди теперь, дай мнѣ одной побыть.

Старческими колѣнями стала няня въ снѣгъ и начала молиться. Аграфена бродила межъ могилъ и чувствовала себя въ странномъ, морозномъ раю; точно вся полегчала и опрозрачнѣла, душа стала насквозь видной льдинкой. У ограды дальняго конца она остановилась. Надъ ней вились щеглы, она оперлась на снѣжный парапетъ и глядѣла долго на зарѣчныя дали. И вдругъ въ тишинѣ снѣговъ, нѣжащее, острое видѣнье выплыло изглуби и наполнило ее сладкой болью. Въ этомъ не было ничего страннаго, но какъ разъ та секунда сказала ей съ безпредѣльной ясностью, что близко, близко...

Назадъ съ кладбища Аграфена возвращалась одна. Проходя по плотинѣ мимо катка на пруду, осѣненнаго вязами, она увидѣла брата; онъ скользилъ увѣренно и стройно на американскихъ конькахъ, а передъ нимъ, убѣгая, несясь, летѣла дѣвушка въ бархатной шапочкѣ. Аграфена чуть пріостановилась, ахнула и пошла домой.

Въ воскресенье, съ самаго утра, почувяла Аграфена необычную тоску. Она была одна; всѣ ушли, и ея мысли, бродя за плавными снѣжинками, летѣвшими съ неба пеленой, погружались во мракъ. Тогда ей пришло на умъ, что она можетъ пить. Первый разъ въ жизни въ тотъ день она пила и узнала туманный хмель, сладкую призрачность, встающую изъ него — глубокую его рану. Гдѣ-то въ подземельяхъ распластывалъ онъ сердце тонкимъ лезвиемъ и поилъ горьчайшей печалью. Полусонъ, ѣдкій, скорбный, и стоитъ долгая жизнь, годы уходящія,жигающій образъ его, бѣлаго брата, съ невѣроятнo острымъ пламенемъ отрочества и тяжкимъ влечениемъ къ нему.

Къ вечеру хмель ушелъ. Но остался трепеть и какъ бы буйность. Въ полусумеркахъ онъ возвратился, и, какъ ей показалось въ передней, острая мужская дрожь пробѣжала по немъ. Съ тайной сладостью стала она мечтать, сидя въ своей комнатѣ, вспоминала, какъ хмуръ и безпокоенъ онъ, какъ таитъ въ себѣ вскипающее, и опять съ больюплыли передъ ней голыя ноги, бѣлыя, бѣлыя, какъ у дѣвушки.

Въ поздній часъ, за полуночь, она, безумѣя и задыхаясь, кралась черезъ черный домъ, полный сна, къ его комнаткѣ. Какъ и тогда — отворила, замкнула и дрогнула: заскрипѣла пружина, съ постели вдругъ метнулось что-то.

— Кто тутъ?

— Я.

Стало тихо, она подошла, прильнула, потопила его въ себѣ — рѣжущей сладостью утоляла свою любовь — такую плотскую, больную такую, темную, непонятную любовь, и какъ навѣрно она знала — послѣднюю.

О, какъ метался онъ въ ея объятіяхъ! Какъ вилось его тонкое тѣльце подъ поцѣлуями распаленными, какъ былъ онъ близокъ къ дѣвушкѣ, а она въ мрач-

номъ бѣшенствѣ—къ мужчинѣ. Когда раннимъ утромъ, вблизи разсвѣта она уходила, сѣрѣли пятнами окна; на постели лежало измученное тѣло-бѣлый-цвѣтъ и дикій, теплый запахъ звѣрей стоялъ. А она не могла наглядѣться на это вчера еще невинное со-твореніе, не могла натрепетаться отъ остраго, сорван-наго цвѣтка: рождающагося мужчины.

Потомъ она проходила по пустыннымъ комнатамъ въ зачинающемся утрѣ. Холодная тѣнь, цвѣта пепла, легла ей на душу. Нѣчто темное невидимо встало, загородивъ дорогу.

Такъ взяла она его.

XVII.

Очень скоро познала, что не на радость. По преж-нему былъ братецъ худъ и жалобенъ съ виду, а те-перь сталъ еще и стыдиться. Когда, встрѣчаясь днемъ, она обливала его долгимъ взглядомъ, онъ вспыхивалъ и нырялъ скорѣе въ свою комнату, а еще хуже полу-чалось, когда приходилъ кто-нибудь.

Къ Клавдіи часто забѣгали подруги: молодья ба-рышни и гимназистки. Была между ними и та, съ кѣмъ она его видѣла въ зимній день на каткѣ. Съ нею онъ почти не говорилъ; блѣднѣлъ въ ея присутствіи, дро-жалъ. Аграфена, подавая, унося, разглядывала ихъ обоихъ тяжелымъ взоромъ, и мутное чувство селилось въ ея сердцѣ: сидять, смѣются, можетъ, любить ужъ начинаютъ другъ дружку, а того не знаютъ, съ кѣмъ онъ по ночамъ... Медленная злоба затопляла ее. О, какъ ненавидѣла она этихъ легонькихъ барышенъ, съ духами и тонкими ножками,—кому и жить только, чтобы цѣловаться да на балахъ плясать—пусть бы сошли къ ней, въ подземную кухню, хлебнули ея горечи.

Когда братецъ бывалъ въ гимназіи, она, убирая его комнату, не разъ разглядывала его вещи, и скоро

увидала, что въ бумагахъ появилась тайная карточка, портретъ той. Аграфену обожгло, но она сдержалась и молчала, онъ же, какъ прежде, трепеталъ и блѣднѣлъ, ходилъ на катокъ чаще, и по тѣмъ улицамъ, гдѣ ничего ему не надо было.

Передъ масляной однажды къ вечеру налетѣли рои барышень, гимназистокъ: устраивался балъ. «Стрекочуть», — думала Аграфена — «все стрекочуть». Какъ всегда въ этомъ было крайнее неодобреніе. Весь вечеръ послѣ нихъ Клавдія съ братцемъ разговаривали; волновались, спорили даже, что и какъ снаряжать. Аграфена же хмуро ворочалась, не могла заснуть и опять мысль о винѣ и горькомъ хмѣлѣ вставала въ ея мозгу.

Въ день бала братецъ съ утра былъ не свой: точно рѣшалось что-то для него. Напяливалъ мундиръ, доставалъ бѣлыя перчатки и душился. Въ восемь часовъ заѣхала та, и какъ вошла въ комнату въ платьѣ своемъ бѣлѣющемъ, съ легкимъ духомъ вокругъ и тоненькими дѣвичьими ножками — показалась Аграфенѣ невѣстой: сіяющей и ослѣпительной.

— Ну, хорошій мой человекъ, покажись! — говорила тетушка Люце. Доброе ея лицо расцвѣло глубочайшей улыбкой. — Хорошо одѣлась, ангелъ мой, очень хорошо!

Потомъ лукаво она глянула на брата и сказала вдругъ, посмѣиваясь:

— Вотъ бы, Костя, тебѣ невѣсту такую. Я бы благословила.

Костя вспыхнулъ, повалилъ стулъ и выскочилъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа они уѣхали. Аграфена была блѣдна.

Бѣлое облако молодости, сіяній, бала, люстръ, приняло ихъ. Въ блѣднозеркальномъ воздухѣ они носились до утра среди бѣлѣющихъ колоннъ въ вальсахъ и нѣжныхъ танцахъ, свѣтло общаясь юными душами. Робко созрѣвала и благоухала любовь. Ее окутывали тучи тканей, прозрачныхъ и мятущихся,

и всѣ эти толпы молодыхъ голубей были однимъ взлетающимъ существомъ, обливаемымъ золотымъ свѣтомъ огня въ хрусталяхъ, въ рамѣ мрамора.

Аграфена же томилась въ черномъ прозябаніи, безъ сна. Тяжкія волны били въ ея мозгу; раненое сердце источало кровь. И когда силой воли унимала она его на мгновенье, съ великой силою чувствовала, что иначе быть не можетъ; надежды ей нѣтъ. Тогда будто черную сѣтку накидывали на нее, душили и стягивали, ей хотѣлось громко кричать, крикомъ отчаянья и безнадежности, добываемаго звѣря, котораго поднимаютъ на рогатину.

Братецъ возвратился на разсвѣтѣ туманный счастіемъ и полупьяный имъ.

— Хороша невѣста-то? — спросила Аграфена деревянно, отворяя дверь.

Онъ ничего не отвѣтилъ, прошелъ къ себѣ.

XVIII.

Темны были ночи Аграфены, черны, черны. Дикія мятели крутили на улицахъ, собираясь погresti подъ собой городъ и бѣдную жизнь; но сердце, гибнущее въ любви, мрачнѣе снѣжныхъ ночей.

— Чѣмъ меня приколдовалъ, ангелъ мой бѣлый, голубь сизокрылый? Голубь мой, Господи, пей мою кровь, жизнь мою возьми, всю меня!

Опять туманъ опьянялъ, братецъ отдавался, и шли буйныя ночи и дни безпросвѣтные, на днѣ которыхъ вѣчно одно: не любить, не любить!

Иногда, измучившись въ конецъ, Аграфена молила Бога, чтобы растопталъ онъ ея жизнь, взяла скорѣе смерть — кончилась бы мука.

Но смерть не шла, братецъ не имѣлъ силъ рвать, уступалъ голосу тѣла пробуждающагося и днемъ ненавидѣлъ еще острѣй, еще жестче былъ.

А уже въ домѣ знали о ихъ связи — кто посмѣивался, кто шипѣлъ; не было недостачи въ шпионахъ. Сама Клавдія стала серьезнѣй: разъ Аграфена услышала кусочекъ фразы, которая не ей предназначалась, а Клавдіиной подругѣ, сидѣвшей съ ней въ столовой.

— Одну любить, съ другой живетъ.

Аграфена остро почувствовала бѣду въ этихъ словахъ; но привыкши терпѣть многія скорби, не дрогнула и вошла спокойно.

Протекла недѣля; стоялъ великій постъ и «оно» грянуло. Снова, какъ тогда, въ роковой день, Аграфена осталась одна въ домѣ. Въ первый разъ походило на весну. За день растопило даже лужи, розовый закатъ сіялъ въ нихъ пятнами, и опять багрянецъ надъ липами голыми сквозь сѣтку грачей говорилъ о несбыточномъ, пронзительномъ...

Вдругъ звонокъ въ прихожей. Аграфена кинулась. Онъ, братецъ. Но какой! Что съ нимъ? Отчего губы дрожать и такой блескъ, зеленый, ужасный, въ глазахъ?

— Мнѣ тебя нужно, Аграфена.

Молча прошли къ нему въ комнату.

— Я давно зналъ, что подлецъ. Слышишь? Давно.

Аграфена качнулась, слабо, и взялась за ручку кровати.

— Я все время былъ подлецомъ. Я люблю не тебя... понимаешь, не тебя... Мучился... Хорошо это — тебѣ и ей разомъ въ глаза смотрѣть? Легко? О-о...

И дальше — слова. Безсвязно, больно, а она все стояла, все смотрѣла и стеклянѣли ей глаза. Какъ чужая понимала она его, будто изъ другого государства.

А, однако, поняла. Да, душа его давно томилась одиноко, но теперь загажена его любовь, та тоже знаетъ, чѣмъ былъ онъ, не могъ онъ больше такъ впотѣмахъ, сказалъ...

И палъ онъ тутъ на подушки, на свою кровать-ложе, рыдалъ мальчишескими рыданьями, въ первый

разъ вкусивъ мракъ и тяготу жизни. Аграфена же стояла, онѣмѣлая и мертвая, и не знала, что дѣлать.

Онъ вскочилъ.

— Вонъ! Уходи, не могу, вонъ, вонъ!

И опять упалъ. Она ушла. Это былъ конецъ.

XIX.

Послѣ того дня Аграфена смолкла сразу.

Братецъ заболѣлъ, скоро его увезли на недѣлю изъ города отдохнуть, а она прожила еще нѣкое время у госпожи Люце въ оцѣпенѣннн.

Стояла ранняя весна; звонили звонари къ вечернямъ, отъ тихаго звона тянуло давно забытымъ, дѣтскимъ, что безвѣстными тропами ведетъ къ покаянію и горѣ, откуда жизнь въ ея скорбяхъ видна дальше.

Аграфена говѣла. Скромнымъ вечеромъ, купивъ вербочекъ съ бѣлыми пушками, первыхъ дѣтей весны, она пошла къ исповѣди. Небесные отсвѣты, розовыя пятна облаковъ бродили по иконостасу. Тамъ она на колѣняхъ передъ старенькимъ отцомъ Досиѣемъ повѣдала свои печали, плакала великими слезами и взывала къ Богу, прося дать силъ. Отецъ Досиѣей мирно крестилъ ее крестомъ, въ свѣтломъ куреніи ладана, и голосомъ яснымъ, давно извѣдавшимъ и мудрымъ, далъ ей отпущеніе и облегченіе душевныхъ тяготъ.

— Возвратись къ дочери,—сказалъ онъ.—Ты мать, твое сердце полно чистой и неизсякаемой любви къ ребенку. Проведи оставшуюся тебѣ часть жизни въ служеніи ему.

Аграфена ушла просвѣтленная и тихая. Дома лежало письмо изъ деревни, гдѣ писали, что тамъ становится трудно, дѣвочка выросла, нуждается въ уходѣ. Аграфена поняла эту вѣсть, какъ голосъ Провидѣнія, загадочно воззвавшаго къ ней въ пучинѣ ея горе-

стей и направляющаго повелительно въ ему лишь вѣдомый путь.

Тогда она пошла къ госпожѣ Люце и сообщила ей, что оставляетъ мѣсто. Потомъ взяла свои вербочки, водрузила въ стаканъ съ водой и снесла въ комнату брата, поставивъ на столъ. Этимъ молчаливо хотѣла она дать чистое нынѣ, братское и страдальческое лобзаніе юношѣ, тайно сжегшему ея сердце. Она постояла довольно долго такъ, около этого бѣднаго букета, и ея простая душа въ тотъ мигъ разставанія таинственно обручилась съ душою невѣдомаго жениха, прихода котораго она такъ долго и тщетно ждала.

Опустившись на колѣни, она поцѣловала край одѣяла съ постели, тѣ мѣста пола, гдѣ ступали его стопы, перекрестила всѣ углы комнаты и вышла. Больше въ эту сладкую и больную комнату она не возвращалась. Черезъ два же дня, когда госпожа Люце нашла себѣ вмѣсто нея другую, она, собравъ убогій свой скарбъ, навсегда покинула тетю Люце, и этотъ домъ, и этотъ городъ.

XX.

Уже въ вагонѣ третьяго класса, проѣзжая мимо полей и дымно-зеленыхъ весеннихъ лѣсовъ, она поняла, что тяжелое и огромное осталось сзади; а сейчасъ такъ тихо и просто покойно на душѣ, какъ не запомнить давно. «Ну, были разныя дѣла, а теперь ничего нѣтъ», вотъ подъ яровое пашутъ, грачи ходятъ по комьямъ, зеленыя взошли. Хорошіе зеленыя, нельзя ничего сказать: хорошіе.

Напротивъ на лавкѣ сидѣла баба во вдовьемъ платочкѣ, черномъ съ бѣлымъ. Аграфенѣ показалось, что и она теперь такая же вѣчная вдова. И съ этимъ нѣчто бѣло-траурное, ясное привзошло въ ея сердце. Унялось оно, отлюбилось, одѣлось въ скромныя одежды зрѣлости.

Отъ станці Ферязи до родной деревни считали тридцать верстѣ. Она купила на базарѣ вдовій платочекъ, надѣла зипунъ, какъ богомолки, палку выломилла толстую и боковой тропкой большака, священнымъ путемъ странниковъ, мѣрящихъ родимыя пустыни, тронулась въ путь.

О, ты, родина! О, широкія твои сѣни-придорожныя березы, синѣющія дали верстѣ, ласковый и утोलительный привѣтъ безбрежныхъ нивъ! Ты, безмѣрная, къ тебѣ припадаетъ усталый и загнанный, и своихъ бѣдныхъ сыновъ, бездомныхъ Антоновъ-Странниковъ ты берешь на мощную грудь, обнимаешь руками многоверстными и поишь извѣчной силой. Прими благословенія на вѣчныя времена, хвала тебѣ, Великая Мать

Такъ брела Аграфена, широко ступая ногами въ лаптяхъ, упираясь рукой въ длинный посохъ. И ея душа была раскрыта, дѣтскими глазами глядѣло въ нее вѣчно-синѣющее небо и вѣтерокъ-ласкатель звенѣлъ въ ухахъ, опьянялъ. Въ горлѣ стояли свѣтлыя слезы, временами онѣ истекали изъ глазъ, падали на землю и были очень, очень соленыя; а ихъ спутниками на лицѣ шли морщины, прокладывавшіяся по немъ, какъ мудрыя овраги.

На полпути, у взгорья, откуда были видны съ дѣтства любимыя Усты, село-приходъ, она пріотдохнула подъ екатерининской березой. Вынула хлѣбъ, пожевала и слегка заснула. Не прилегла даже, а полусидя, прислонясь къ зеленому откосу. На лицѣ ея въ это время была спокойная улыбка, чуть печальная.

И въ тотъ весенній часъ, въ полу-днѣ пути отъ дому, случайно задремавъ на большакѣ, она видѣла торжественный сонъ: мимо, по блѣдно-зеленымъ зеленымъ, медленно и нестрашно шла черная монашка. Въ рукахъ у ней сосудъ. Подошедши спросила: «ты раба Аграфена?» Она отвѣтила: «я». Монашка постояла, медленно голову склонила, какъ бы привѣтствуя ее и, неся свою чашу, какъ она ясно помнитъ—полную до

краевъ, послѣдовала дальше. Все это длилось недолго, черезъ мгновеніе она проснулась. Солнце уже шло кънизу, надо было торопиться. Взявъ котомку и палку, полная страннымъ сномъ и великой ясностью, Аграфена зашагала далѣе.

XXI.

Она вернулась въ родныя Кременки на закатѣ дня. По-прежнему лежала маленькая деревня на склонѣ косогора, въ одну линію домовъ и глядѣла окнами за оврагъ, въ сады арендатора. Такая жъ липкая и черная грязь была на улицѣ, гусятинная травка пустила свой зелененькій коверъ подъ вербами, ковыляли желтые утята и неизвѣстныя Аграфенѣ дѣти кучкой глядѣли на нее, какъ желторотые скворцы.

А вотъ домъ, что взрастилъ ее, — старуха мать къ ней кинулась, и онѣ рыдаютъ, рыдаютъ послѣ многолѣтней разлуки.

— Красавица ты моя, думала ль тебя увидѣть ужъ? Все ждала, всѣ глаза выплакала, тебя ждучи. Эхъ, состарилась, ласточка, уходили года-бури.

— Теперь навсегда воротилась, маменька, — Аграфенѣ сладко и жутко, что ее, такую пожилую, обнимаютъ и плачутъ съ ней, какъ съ ребенкомъ. — Буду вѣкъ свой съ вами коротать. Что Анютка-то? Здорова ль?

А Анютку она не узнала бъ, если бы не здѣсь встрѣтила. Только на мгновенье опять острымъ ножомъ полоснуло бывшее, Петръ... но сейчасъ же ушло, и она матерински ласкала ее.

Ужинали, захлебываясь въ разказахъ; тутъ узнала она, какъ было трудно матери, какъ билась, недоимки выплачивала, — но теперь Аграфена рѣшила, на свои мужицкія, могучія плечи она возьметъ хозяйство и выведетъ на путь.

Послѣ ужина долго не могла спать. Въ небѣ слабо сіяли звѣздочки весеннія, она вышла и прошла къ ригамъ. Здѣсь тогда отуманивали конопельные духи, до этихъ ригъ провожалъ онъ ее тайной тропой. Теперь онѣ угласто вырѣзались на закатѣ гасшемъ, что алѣлъ съ прежней нѣжностью, оболещеніемъ. Струйка журавлей тянула къ западу; ихъ клекотъ, утопавшій въ красной мглѣ, былъ похожъ на зовъ: изъ дней далекихъ, прекрасныхъ.

Аграфенѣ жилось дома хорошо. Въ давно незнакомой работѣ, подъ вольнымъ небомъ, она трудилась честно; ея тѣло, уставая за день, казалось ей легкимъ. Какъ бы сохнуть начинало оно. Загарало подъ солнцемъ, принимало прекрасную силу крестьянъ. Она легко вскакивала въ колымажку, крѣпко держала ручку сохи, и босикомъ, полурысцой поспѣвала за боронами. Крылатые дни неслись вереницей, благоухающей и здоровой. Колосилась рожь, догоралъ красный май; июнь жегъ сочнымъ пламенемъ, вспаивалъ луга поемные, куда выѣзжали всей деревней повозками на нѣсколько дней; тамъ жили, какъ цыгане, косили и везли все сразу. Потомъ сухой июль; мѣсяцъ бѣлаго жара, страды, бабьей муки. Въ длинной бѣлѣющей рубахѣ, обливаясь потомъ, жала Аграфена свою полосу, а Анютка подсобляла, таскала жбаны кваса изъ деревни и потомъ вязала. А дальше, въ лѣтне-золотѣющіе вечера июльскіе, онѣ навивали снопами огромные возы и мирно везли ихъ въ риги. Анютка сидѣла [наверху, напѣвала, кусала колосики, внизу шагала Аграфена, ласково и съ думой глядѣла на нее: вотъ виденъ милый ея очеркъ, тонкой двѣнадцатилѣтней дѣвочки. И пройдетъ четыре года, пять, какъ мать погрузится она въ муки и восторги любовные, какъ мать припадетъ къ загадочной чашѣ — что дано будетъ испытать ей тамъ? Кто скажетъ?

Подобныя мысли туманили голову Аграфены; но о себѣ она знала, что такая жизнь, какъ она ведетъ, — безъ счастья и мыслей о немъ, суровая рабочая жизнь женщины, отдающей себя, — есть наилучшая, честнѣйшая и самая ясная жизнь; какъ ни глубока печаль, коренящаяся въ темныхъ ея истокахъ.

XXII.

Въ звонкій сентябрьскій день, когда дымчаты дали, опалово-лиловое разливается въ воздухъ и кротки поля сжаты, Аграфена вела Анютку въ усадьбу: старая барыня вызвалась отправить ее въ городъ въ школу вмѣстѣ со своей воспитанницей. Ночью Анюта плакала, и сейчасъ покраснѣвшіе ея глаза были овѣяны вѣтромъ, на нихъ набѣгала слеза.

Аграфенѣ страннымъ казалось подходить къ той усадьбѣ, гдѣ когда-то, такъ давно! протекала ея любовь. Все поветшало; но безсмертно пахло осенью, амбарами, ссыпаемымъ зерномъ, молотьбой; барыня встрѣтила ихъ у мучныхъ закромовъ, въ черной кофтѣ, съ всегдашне спокойнымъ и умнымъ лицомъ.

— Здравствуйте,—сказала Аграфена,—вотъ привела дѣвочку.

— Ну и хорошо.

Анютка стѣснялась немного, но барыня опытно-ласковой рукой погладила ее, ободрила.

— Вотъ и хорошо. Кончить школу — мѣсто получить, въ учительницы или еще куда.

Аграфена провела въ имѣніи съ часъ; встрѣчалась съ знакомыми рабочими, признала даже Дамку, обратившуюся изъ щенка въ старую, обильную сосками праматерь. Чувство тишины и тонкой печали, блѣдной и безплотной, стояло въ ея душѣ. Жаль было Анютку, она нѣжно ее цѣловала и, наконецъ, сдавъ вѣрной женщинѣ Сашѣ, поблагодаривъ барыню, тронулась.

— Прощай, соколочка, прощай, дѣтка родимая!—

сквозь слезы говорила она, и оторвавшись, ушла через садъ. Чуть видныя, молочно-пепельныя облачка тянули въ небѣ; гроздья рябинъ краснѣли и внизу лежалъ прудъ: кристальный, глубокій, — зеркало. У его берега не могла Аграфена не остановиться, и смотря на прозрачныя отраженья въ немъ—деревьевъ, облаковъ, на свой зыбко-облегченный обликъ, глянувшій изъ глубинъ, прожила она мгновенія безсознательной мудрости, когда вся жизнь взглянула въ отвѣтъ оттуда, чуть заволокнутая легкой слезой міра, но также обожествленная и просіянная. Ея дни, скорби, утраты, та печаль разставанія, что глодала ее сейчасъ, на мгновение были приняты въ свѣтлое лоно. И тамъ преобразились.

Помолчавъ, вздохнувъ, улыбнувшись, она продолжала путь. Когда подходила къ Кременкамъ, розовая заря разлеглась на западѣ, и отъ нея вѣяло тонкой, скорбной осенью.

XXIII.

Наступила зима, съ ней деревня стала строже и монотоннѣй. Мать много болѣла, Аграфенѣ одной приходилось нести бремя тяготъ. Это ее закаляло. Волосы ея сѣдѣли, но нѣчто морозное и суховатое въ ней появлялось. Будто становилась она прозрачнѣе, и всегдашній внутренній трауръ выводилъ на лицо ясныя морщины, спокойную привѣтливость,

По Анютѣ она скучала, хотя знала, что ей живется не плохо; получала отъ ней письма иногда, которыя читать было большой радостью. Но приходилось искать чужой помощи въ чтеніи—«пусть, пусть свѣту глотнетъ»,—думала, «не то, что мы темныя, будетъ».

А сама работала. Зима вышла тяжелая. Уже въ ноябрѣ легъ могучій снѣгъ, и къ святкамъ Кременки были занесены по уши. На улицѣ ухабы изрыли дорогу такъ, что у самой Аграфениной изба была

крутая яма; всѣ хаты оцетинились соломой, которую набивали отъ крыши до полу, прорѣзая въ ней для оконъ узкіе люки; черезъ нихъ бѣдно лился внутрь свѣтъ. И долгія ночи проходили въ завываніяхъ мятелей или грозномъ блистаніи звѣздъ на небѣ, чуть не трескавшемся отъ морозу. Великіе морозы выпали на тотъ годъ; бродячіе странники, число которыхъ увеличилось замѣтно, замерзали на дорогахъ и во вьюгахъ. Погибло шестеро дѣтей изъ Осовки, шедшихъ за три версты въ школу.

Нерѣдко по ночамъ Аграфенѣ не спалось. Многія думы приходили ей въ голову, и характеръ ихъ бывалъ серьезень. Съ большою силою она убѣждалась, что эта часть ея жизни есть и послѣдняя, но сколько ни думала о Богѣ, смерти и будущей жизни, никогда не могла додуматься до яснаго. Въ усиліяхъ разгоралась голова; воздухъ въ избѣ казался спертымъ. Тогда выходила на морозъ, и зрѣлище синихъ, пылающихъ свѣтилъ и глубокой порфиры неба, священныхъ костровъ-созвѣздій, говорило духу сразу о великомъ и ангелическомъ. Чувство твердости, вѣчности наполняло ее.

Вспоминала она также свой дорожный сонъ; образъ темной монахини, встрѣтившейся на большакѣ, принялъ въ ея сознаніи отблескъ апокалипсиса.

Главной же точкой, какъ и въ прежнее время, все была Анюта, дорогая и единая дочь, свѣтлое упованіе старѣющей жизни. О ней думала она еще чаще, нежели о смерти. Ея судьба была безконечно неизвѣстна и минутами радовала, минутами пугала материнское сердце.

XXIV.

Такъ прожила она — ровно и холодно — пять лѣтъ. Успѣла за это время схоронить мать, видѣла, какъ безбрежная рѣка уноситъ однихъ, старитъ другихъ,

сводитъ на бракъ юныя пары, поселяетъ страданія въ крѣпко-сжившихся, увлекаетъ съ родины, привлекаетъ давнихъ бобылей и скитальцевъ, — и въ своемъ безмѣрномъ ходѣ не знаетъ ни границъ, ни временъ, ни жалости, ни любви; ни даже, какъ казалось иногда, и вообще какого-нибудь смысла.

Анюта тѣмъ временемъ вернулась милой дѣвушкой и по хлопотамъ барыни получила мѣсто — сидѣлицей винной лавки въ деревнѣ Гайтрово, въ пяти верстахъ.

XXV.

Аграфена оставила свой домъ и поселилась у ней. Смотрѣла за хозяйствомъ, была какъ бы престарѣлой ключницей матерью.

Съ Анютой жила подруга — Маня. Обѣ служили. Обѣ носили похожія голубенькія платица, выдавали красноносимъ мужикамъ водку, хохотали весело, а потомъ Аграфена степенно поила ихъ чаемъ изъ пузатыхъ чашекъ: синихъ съ золотыми крестами. На святкахъ ѣздили по очереди въ гости, лѣтомъ гуляли съ учителемъ, пѣли во ржахъ «Укажи мнѣ такую обитель». «Хохотушки, молоды», думала Аграфена и сама улыбалась внутренно, тихо. «Ну дай имъ Богъ, дай Богъ». Но этотъ учитель сразу сталъ ей неприятенъ.

«Долгогривый», рѣшила; «и что патлы жирные — нехорошо».

— Мамаша, знаете, говорила Анюта: Иванъ Васильевичъ замѣчательно образованный человекъ. Онъ читалъ даже Каутскаго.

«Читалъ, читалъ» — Аграфена соображала про себя свое и мнѣнія не мѣняла. «Хоть-бы Господа Бога».

Дѣвушки надъ ней смѣялись весело и любовно; Анюта прибавляла:

— У меня мать консервативнаго образа мыслей. А онъ демократъ.

Другъ Каутскаго могъ говорить разныя вещи, и бывалъ у нихъ часто. Аграфена находила — черезчуръ часто. Анюта сначала хихикала, потомъ стала тише и серьезнѣй, краснѣла и по ночамъ не спала долго, — ворочалась, вздыхала. Аграфена набирала все это на мысленный стержень и тоже отмалчивалась. Но тревога возставала въ ней; своимъ опытнымъ духомъ, закаленнымъ въ бѣдахъ, она сторожила дочь — и странно: не ждала добра, хоть и не было къ тому ничего. Передъ утромъ просыпалась иногда; отирала потъ со лба и внутренно крестилась: дай Богъ Анютѣ, дай Богъ.

XXVI.

Хорошо въ свѣтломъ лѣтѣ ласточкамъ носиться надъ полями, ржамъ шумѣть сухимъ шорохомъ и глубокия думы думать тысячью колосевъ; такъ же счастливы темносиніе васильки въ хлѣбахъ. Такъ же дѣвичье сердце овѣяно вѣчнымъ и сладкимъ безуміемъ любви. Сплетя вѣнокъ изъ васильковъ и скромной кашки душистой, дѣвушка ходитъ тайными тропами среди ржей, обнимая его, и въ ея глазахъ — Анютиныхъ, — цвѣтъ анютиныхъ глазокъ; и давно выцвѣло ея голубое прежде платье, одѣвая сѣро-синеватымъ тономъ. Ея жизнь раскрыта передъ ней, какъ великая небесная книга, оттуда сияетъ ослѣпляющее солнце; а душу такъ затопила свѣтлая его сила, что голова кружится; за руку съ милымъ, съ другомъ Каутскаго, она убѣжала бы на край свѣта. Но лучше — сбѣжать съ зеленаго откоса просто къ извѣ, пруду серебряному и туда бросать вѣнокъ и хохотать...

Вѣнокъ тонетъ. Почему? О, думать объ этомъ некогда, столько еще счастья впереди.

Такъ идетъ въ поляхъ, отражая вѣчные образы любви, любовь дочери — тамъ почти, гдѣ много лѣтъ назадъ, загадочно и обольстительно любила мать. А мать все это видитъ старою душой — какъ мелькаетъ Анютинъ вѣнокъ васильковый во ржахъ, какъ всегдашняя Офелія сидитъ у пруда: и матери кажется, что это ожили ея года, пришла далекая ея весна, и многолѣтніе глаза вбираютъ со слезой — прощальный свѣтъ полей, солнца, которыхъ скоро не будетъ.

XXVII.

«Ты жила свои дни, дѣвушка Анна, въ любви; это были твои ранніе дни — и опьяняющіе. Но они прошли. Великое предначертанье повернуло отъ тебя лицо любви, любившій тебя полюбилъ другую. Это горе упало на твою дѣтскую душу огненнымъ попаленіемъ; а уже ты носила подъ сердцемъ ростокъ новаго человѣка. И не смогла снести этого. Какъ къ вѣрной своей иконѣ кинулась ты къ старой матери, пріавшей и претерпѣвшей въ жизни горести еще горьчайшія. Старая мать прокляла принесшаго тебѣ несчастье; она ласкала тебя и утѣшала; вмѣстѣ съ тобою она проливали слезы; текуція-слезы-текуція; и на блѣдной зарѣ сторожила твой сонъ. Ты спала бредя. Мать клала тебѣ на голову мокрая полотенца, а ты временами соскакивала и цѣловала ей ноги и кричала — крикомъ смертельной тоски. Мать же въ этихъ твоихъ стenanіяхъ узнавала свою прежнюю муку и черные дни; острые ножи рѣзали материнское сердце. Такъ ты лежала сутки, въ то время какъ твоя подруга Марія уѣхала съ человѣкомъ, любившимъ тебя ранѣе, и обручилась съ нимъ кольцами».

«На вторые сутки, также передъ зарей, твоя мать задремала; проснувшись слегка, она увидѣла у твоего изголовья черную женщину въ одѣянїи монашенки,

въ рукахъ у которой былъ сосудъ съ темною влагой.— И ты, Анна, припала къ этому сосуду жадно и долго пила. Онъ былъ опорожненъ. Тогда монашенка медленно отошла и сказала матери: «подаю тебѣ святѣйшій и великій знакъ». Мать снова въ безпамятствѣ заснула. Ты же тихо встала и прошла въ предутренней росѣ къ серебряному пруду, — къ той ветлѣ, гдѣ сидѣла съ нимъ. Тамъ, подойдя, закинувъ голову назадъ, ты бросилась въ свѣтлую водную глубину. Она приняла тебя, и ты погибла. Мать же твоя продолжала дремать въ странномъ снѣ, какъ бы зачарованная. Когда проснулась, то сразу все поняла и ринулась искать тебя. Нашла твой бѣлый платочекъ у омута и остановилась вкопанная. Но не закричала и не рвала на себѣ волосъ. Она была уже проникнута мудростью нездѣшней».

XXVIII.

Любовь и смерть Анюты были для Аграфены какъ бы сномъ. Это пришло такъ быстро и внезапно, что ей казалось, будто съ одной страницы ея жизни вдругъ, неожиданнымъ вихремъ снесли все, что было тамъ написано. Но и протирая глаза не могла она не убѣдиться, что все это на самомъ дѣлѣ. Мужики сбѣжались, съ лодки достали багромъ трупъ Анюты, уже слегка повитый водорослью. Прибѣжалъ батюшка, охалъ, утѣшалъ, но Аграфена не слушала. Ей сразу открылась чистая даль ея существованія, лишенная всѣхъ земныхъ соединеній и привязанностей; и глядя на это дорогое, единственно любимое и свое тѣло, она видѣла сквозь него далекій — и уже близкій, близкій мѣръ. И не могла плакать. То, что наполняло ее, не равнялось слезамъ, а стояло за горизонтомъ человѣческихъ словъ и чувствъ. Она молча склонилась къ умершей.

Два дня лежало тѣло Анюты у матери. Она сидѣла съ нимъ рядомъ, молчала, и не пускала никого. Ей казалось, что сейчасъ она знаетъ нѣчто, чего сказать никому нельзя и чего все равно никто не пойметъ. Блѣдный же взоръ покойницы, быть можетъ, понимаетъ. Такъ сидя, она смотрѣла, какъ нѣсколько дней назадъ, когда Анюта была еще больна. Тайна ихъ нѣмого разговора осталась между ними.

Потомъ надо было хоронить. Священникъ отказался. Аграфена отнеслась къ этому равнодушно. На краю кладбища за оградой вырыли могилу.

Туда, безъ креста сверху, легла Анюта. Мать собственными руками засыпала надъ ней землю, потомъ вырубилъ изъ блѣдныхъ березъ два неочищенныхъ стволика, въ блѣлой естественной одеждѣ, сбила крестомъ и водрузила. На него повѣсила малый вѣнокъ. Затѣмъ долго ходила, ища дубовыхъ вѣтвей. Нашедши, прибавила туда рябины и повѣсила также. Рябина алѣла вѣчной кровью на зелени дуба. Это нравилось Аграфенѣ. И еще нравилось — старый святой обычай — насыпать зеренъ скромныхъ на гребень могилы и давать ими пищу полевымъ птицамъ. А самой — сидѣть поодаль и видѣть, какъ вѣчные вѣтры овѣваютъ это мѣсто, какъ заходитъ солнце и прощально золотить дубовый вѣнокъ — лавры смерти.

Такъ испила Аграфена послѣднюю чашу жизни. Послѣ долгихъ лѣтъ, мукъ любви, ревности, рожденія и материнства, страха смерти и печали прохожденія она узнала скорбь разлуки. Но ея чистая и не омраченная наслажденіемъ душа, опрозрачившаяся и закалившаяся въ тяжелой жизни, не была склонна къ отчаянію. Она была почти готова къ послѣднему очищенію; одна часть ея присутствовала уже не здѣсь.

XXIX.

Было утро. Тайное и тихое. Солнце медленно вышло къ міру и сквозь блѣдныя облака одѣло землю въ

свѣтло-перловыя облаченія. Они рѣяли надъ полями блѣднозелеными, бродили мягкими пятнами.

Аграфена, возвращаясь въ Кременки, все не могла вспомнить, гдѣ, когда было то же. И вдругъ на поворотѣ дороги, сразу волшебнымъ маніемъ раскрылась передъ ней ея далекая жизнь и предстала свѣтлая заря, семнадцатилѣтняя, когда на этомъ мѣстѣ впервые увидала она синеглазаго посѣтителя ея жизни. Сейчасъ, старой женщиной, подавленной тягостями, она вдругъ затрепетала, какъ отъ таинственнаго тока, пришедшаго къ ней изъ тѣхъ дальнихъ глубинъ. Волненіе ея росло. Изъ подземныхъ нѣдръ всклублялись свѣтлыя силы, приливали къ сердцу съ невѣдомымъ могуществомъ, и задыхаясь Аграфена остановилась: вдругъ показалось ей, что земля подъ ногами легче, все легче, легче, волны божественнаго, ослѣпляющаго нисходятъ навстрѣчу вскипѣвшему сердцу.

Тогда она пала на колѣни, и дивное внутреннее видѣніе осѣнило ей душу: вся ея жизнь явилась ей въ одномъ мгновеніи; всѣ ея любви и муки понялись одинокими ручьями, сразу впавшими въ безмѣрный и божественный океанъ Любви и данными ей, какъ таинственные прообразы любви единой и вѣчной, восходящей за предѣлы жизни. Изъ-за знакомыхъ, дорогихъ когда-то лицъ, къ душамъ которыхъ ея душа была прилѣплена земной основой, восходя небесной къ небу, выплыло новое, потопляющее всѣхъ единымъ свѣтомъ Лицо, принимающее въ сверхчеловѣческое лоно — напоая сіяніемъ нездѣшнимъ.

«Господи, Господи», молилась она: «ты явился мнѣ, ты все у меня взялъ, вотъ я нищая передъ тобой, но я познала тебя въ великой твоей силѣ, Господи, я вижу твою славу, Господи, возьми меня, я твоя, я тебя люблю». И она рыдала и безумѣла, могучіе блистательные вихри ометали ея душу, въ дивномъ коло-вращеніи, и предстояли потоки свѣта и всемірнаго торжества.

Въ эти минуты она познала тайну своей жизни до послѣдняго изгиба, приняла ее и сознала, что на той высотѣ, куда взнесло ее сейчасъ божественное дуновение, жить она больше не можетъ.

Быстро она вскочила, ринулась вверхъ. какъ бы съ тѣмъ, чтобъ летѣть къ огненному посланцу, и всплеснувъ руками, пала на земь безъ чувствъ.

XXX.

Весь тотъ день и весь вечеръ провела Аграфена въ молчаніи. Строго и торжественно было въ ея душѣ.

Она умылась, одѣла чистую бѣлую рубашку и легла на ночь, скрестивъ на груди руки, въ высшемъ напряженіи спокойствія. Теперь она знала все и ждала съ величіемъ. Ночь надвинулась — черныя ея крылья одѣли міръ, и золотая мантия неба разлеглась. Какъ всегда грозныя тайнодѣйствія протекали въ его глубинахъ, какъ всегда было оно неисчерпаемой книгой.

Предъ зарей закричали пѣтухи. Стало сѣрѣть, серебриться, дымно-розоватыя пятна выступили надъ садами. Улица была тиха. Спали собаки, куры; пыль въ серебрѣ росы лежала на улицѣ толстымъ слоемъ.

Тогда сквозь утреннее безмолвіе не спавшая Аграфена услышала приближеніе. Повернувъ голову, такъ что сталъ виденъ уголь переулка, она замѣтила, что не подымая уличной пыли и не будя собакъ, подъ молчащими ветлами къ ней идетъ черная фигура. Она ее узнала. И еще ступенью ровнѣе стало въ ея душѣ. Монахиня приближалась. Въ рукахъ держала сосудъ: «Здравствуй, раба Аграфена». Такъ сказала. «Здравствуй.» «Готова-ли?» «Готова». Монахиня ей поклонилась. «Вкуси». Аграфена медленно приподнялась, припала губами къ чашѣ и долго пила. «Слышишь ли мою сладость? Идешь ли?» «Слышу», отвѣтилъ наполовину не ея голосъ. «Иду».

Монахиня подала ей руку, она взяла ее — медленно-медленно затянулось все туманными завѣсами, какъ бы смѣнялись великія картины, бранныя на вѣчныя, и чей-то голосъ сказалъ: «Вотъ идетъ та, которую называли бѣднымъ именемъ Аграфены, вкусить причастія вѣчной жизни и почить въ лонѣ любви и благоволенія».

Это были послѣднія слова.

СЕМЕНЬ
ЮШКЕВИЧЪ

ПОХОЖДЕНІЯ
ЛЕОНА
ДРЕЯ

Леонъ Дрей застегнулъ пиджакъ на всѣ пуговицы, оттянулъ его со всѣхъ сторонъ, поправилъ передъ зеркаломъ свой ярко-красный галстухъ съ черными крапинками и, видимо очень довольный своимъ свѣжимъ, красивымъ лицомъ, съ пунцовыми полными губами, закрутилъ кончики усовъ вверхъ, надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу. Здѣсь онъ оглянулся на окно, откуда вслѣдъ ему смотрѣла дѣвушка съ черными глазами и длинными изогнутыми рѣсницами, плутовски улыбнулся ей, какъ бы намекая на что-то интимное и пріятное, извѣстное имъ однимъ, кивнулъ раза два головой и медленно поплылъ, ласково и нагло улыбаясь встрѣчнымъ.

Настроение у него было прекрасное. Въ боковомъ карманѣ пиджака лежали пять новенькихъ, сѣренькихъ, хорошенькихъ сотенъ, которыя онъ получилъ отъ отца прелестной Берты, его новой невѣсты, вторые пятьсотъ рублей онъ долженъ былъ получить черезъ мѣсяць, и, вѣроятно, отъ этого ему казалось, что на улицахъ пріятный бодрый шумъ, что хорошенькія дѣвушки улыбаются ему, и что всѣ спѣшатъ сегодня порадовать его глаза, его сердце.

Не спѣша и гордо онъ повернулъ въ другую улицу, болѣе широкую и просторную. Тутъ звенѣли конки, проносились экипажи, дребезжали дрожки, дома съ своими красивыми лавками, ресторанами, конторами шли стройными рядами, и мысли Леона Дрея отъ этого новаго зрѣлища, привычно знакомаго, незамѣтно перемѣнились.

«Развѣ кому-нибудь мѣшаетъ, что я счастливъ, подумалъ онъ, незамѣтно нащупывая бумажникъ, чтобы убѣдиться, не потерялъ ли его. Развѣ я вамъ мѣшаю, мысленно обратился онъ къ какому-то встрѣчному, который шелъ, размахивая палкой? Или вамъ, обратился онъ къ другому,—или, можетъ быть, вамъ?»

«Нѣтъ, Леонъ, ты никому не мѣшаешь!»

«Отчего же они смотрятъ на меня какъ будто враждебно?»

«Нѣтъ, они не смотрятъ на тебя враждебно».

«Въ самомъ дѣлѣ, Леонъ, ты меня не обманываешь?»

«Нѣтъ, не обманываю. Посмотри, всѣ уступаютъ тебѣ дорогу. Они знаютъ, что идетъ Леонъ Дрей, у котораго въ карманѣ пять новенькихъ, красивенькихъ, атласныхъ сотенъ. Они знаютъ, что идетъ человѣкъ, который будетъ владѣть домами, выѣзжать въ своей каретѣ, держать повара, что у него будетъ прелестная жена, и самыя красивыя, шикарныя любовницы».

«Въ самомъ дѣлѣ, Леонъ?»

«Да, въ самомъ дѣлѣ. Это видятъ всѣ».

Успокоивъ себя этими размышленіями, онъ гордо выпрямился, какъ будто уже владѣлъ всѣмъ, о чемъ мечталъ, и, придавъ себѣ видъ человѣка, гуляющаго ради собственнаго удовольствія, то-есть самый пріятный и очаровательный, свернулъ влѣво и вступилъ въ тихую, бѣдную улицу, со скромными домами, съ дурной мостовой и съ узкими, пыльными троттуарами. Вечерѣло, но было еще душно и жарко, и онъ съ неудовольствіемъ выбранилъ природу.

«Сегодня, природа, ты нехорошая, промолвилъ онъ съ негодованіемъ, оглядывая безоблачное небо. Ты сегодня дурно ведешь себя. Почему ты заставляешь страдать Леона? Если бы ты поставила солнце подале и закрыла его тучами, я бы еще простилъ тебя. А такъ я не доволенъ...»

Но у воротъ низенькихъ домовъ стояли дѣвушки, и онъ, забывъ о своемъ неудовольствіи природой, уже

съ пріятностью перехватилъ нѣсколько восхищенныхъ взглядовъ, брошенныхъ на него.

«Вотъ это я люблю, подумалъ онъ, выпрямляясь и стараясь показать всѣмъ имъ красоту своей фигуры. Смотрите на меня, милыя, любуйтесь, дѣвушки, Леонь. Онъ это любить».

Онъ шелъ весело, свободно, увѣренно, съ радостью чувствуя свою красоту, и уже не такъ жалко выглядывала улица и казались пріятными сѣро-желтые дома съ печальными пустырями во дворахъ, а съ дѣвушками онъ не прочь былъ бы поболтать, посмѣяться и ту или иную поцѣловать.

У воротъ небольшого двухэтажнаго дома его остановила миловидная женщина лѣтъ двадцати восьми и радостно вскрикнула:

— Вотъ и ты, Леонъ! Какъ давно мы съ тобой не видѣлись!

Леонъ Дрей узналъ ее по голосу еще раньше, чѣмъ замѣтилъ, и на мигъ сердце его пріятно дрогнуло.

«Это Вѣрочка, жена кондуктора. Но какъ она хорошѣла, подумалъ онъ!.. У нея положительно появился шикъ въ лицѣ!» И глаза его заискрились отъ удовольствія.

Онъ погладилъ усы и голосомъ, пріобрѣтшимъ у него особенную сладость, звонкость, когда ему нравилась женщина, сказалъ, пожимая ей руки.

— Да, это я, Вѣрочка,—иду къ отцу.

— Опять,—промолвила она сочувственно, зная его постоянныя исторіи съ родными.

— Да, опять,—съ легкимъ вздохомъ отвѣтилъ онъ, любуясь ею.

— Зайди, Леонъ, ко мнѣ, когда избавишься отъ нихъ,—попросила она.—Эву я отошлю.

Онъ улыбнулся ея наивности и, оглянувшись, не смотритъ ли кто-нибудь на нихъ, погладилъ ей руку. Онъ могъ бы рассказать кое-что Вѣрочкѣ о сестренкѣ Эвѣ. Какъ славно она когда-то цѣловалась съ нимъ.

— А помнишь, Леонъ, наши ночи?—спросила Вѣрочка, вся въ радости, вся въ восторгѣ оттого, что

она ему еще нравится, и что онъ тоже радъ нечаянной встрѣчѣ съ ней.

Онъ не отвѣтилъ и важнымъ голосомъ спросилъ:

— Какъ тебѣ теперь живется?

— Зайди,—я тебѣ обо всемъ расскажу. Я отъ тебя ничего не скрою. Живу плохо, но это скоро кончится. Вѣроятно, Эва будетъ пѣть въ кафе-шантанѣ,—добавила она вскользь...—Эва сдѣлалась красавицей... Она и меня выгнать.

Онъ удивился и красиво поднялъ брови. Ого, это нужно запомнить!

Изъ воротъ вышелъ сморщенный старичокъ, со спутанной бородой и вывороченными наружу ярко-красными вѣками, товарищъ отца Леона и кивнулъ ему головой.

— Добрый вечеръ,—небрежно сказалъ Леонъ, съ удовольствіемъ отмѣтивъ, что, наконецъ, наступили сумерки.

— Пришелъ таки,—съ негодованіемъ сказалъ старичокъ.—Дома тебя, шарлатана, давно ожидаютъ. Съ кѣмъ это ты разговариваешь?

Онъ съ трудомъ повернулъ свои мутные глаза, взглянулъ въ Вѣрочку и, узнавъ ее, плюнулъ и пошелъ прочь. Вѣрочка звонко разсмѣялась.

— Глупый старикъ,—важно сказалъ Леонъ и опять погладилъ ея руку.—Иди домой и подожди меня. Я приду. Только Эвы не прогоняй.

Онъ кивнулъ головой, улыбнулся ей и вошелъ во дворъ. Тамъ онъ отыскалъ входъ и съ неприятнымъ чувствомъ сталъ подниматься по деревянной лѣстницѣ на второй этажъ, гдѣ жили его родные.

Прошло больше полутора лѣтъ, какъ Леонъ не былъ здѣсь, послѣ ссоры съ старшей сестрой Любой, и онъ не могъ себѣ представить, какъ встрѣтится съ ней. Онъ помнитъ, что тогда на шумъ собрались всѣ сосѣди со двора. Отъ гнѣва онъ что-то разбилъ, мать кричала чертовски злымъ голосомъ, и только дѣвушки

и молодыя женщины выражали ему свое сочувствіе. Конечно, онъ былъ правъ!

«Не сердись же, Леонъ!»

«Нѣтъ, онъ былъ правъ. Зачѣмъ Люба хотѣла помѣшать ему взять двѣсти рублей у этой дѣвушки, на которой онъ не думалъ жениться? Какое ей было дѣло? Дура!.. Однако, Леонъ, довольно. Ты навѣрное побѣлѣлъ отъ гнѣва. Это тебѣ не къ лицу. Перестань, милый, сердиться!»

Онъ покорно погладилъ свои усы, словно самъ былъ подчиненнымъ, и приказывалъ ему кто-то, котораго онъ боялся,—потеръ щеки пальцами сверху внизъ и снизу вверхъ, чтобы вернуть имъ розовый цвѣтъ, и толкнулъ дверь рукой.

Въ комнатѣ было такъ, какъ онъ ожидалъ. Отецъ сидѣлъ у стола и, опустивъ голову, съ безнадежнымъ видомъ барабанилъ пальцами по стакану знакомымъ жестомъ. Мать, низенькая, толстая, безъ кофточки, поразительно похожая на него, вертѣлась по комнатѣ. На столѣ стоялъ пузатый самоваръ, очень старый, съ зелеными пятнами, и Леонъ, взглянувъ на него, вдругъ вспомнилъ о томъ далекомъ прошедшемъ, когда у отца еще былъ кабакъ. По вечерамъ, въ маѣ, всѣ сидѣли за столомъ при открытыхъ окнахъ. Мать суетилась, отецъ, понуривъ голову, барабанилъ по стакану,—нужды ни въ чемъ не было, но царила въ комнатѣ такая же грусть, какъ и теперь. На томъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ сидитъ отецъ, обыкновенно сидѣлъ онъ, Леонъ, и мечталъ о томъ, что когда выростетъ, то не будетъ держать кабака, а будетъ у него большой прекрасный домъ, карета, красивая изящная жена, точь въ точь какъ у богатаго барина, у котораго отецъ снималъ помѣщеніе подъ кабакъ и подъ квартиру. Но кругомъ царила грусть, какъ теперь!..

При входѣ Леона мать отъ волненія и испуга остановилась, какъ вкопанная. Въ глазахъ ея мелькнулъ гнѣвъ. Можно было думать, что сейчасъ она разразится бранью.

«Конечно, лучше было бы пойти къ Вѣрочкѣ», со спокойнымъ сожалѣніемъ подумалъ Леонъ, наблюдая за матерью.

Но такъ какъ та сдержалась, то по привычкѣ, какъ будто все еще жилъ здѣсь, шагнулъ во вторую комнату, темную, съ затхлымъ знакомымъ воздухомъ и наскоро сбросилъ воротникъ, галстухъ и манжеты.

— Вотъ я и пришелъ, мамаша,—ровнымъ, холоднымъ голосомъ сказалъ онъ, появляясь въ столовой и садясь.—Зачѣмъ вы меня звали? Вѣдь вы знаете, что я не хочу приходить сюда.

Въ комнату вошла чистенькая старушка, пріятно суетливая, съ быстрыми, бѣгающими острыми глазами и дребезжащимъ голосомъ проговорила:

— Леонъ пришелъ? Откуда? Когда?

Ей никто не отвѣтилъ. Тогда она усѣлась въ сторонѣ, вынула изъ-за пазухи черный чулокъ съ вдѣтыми въ петли спицами и стала вязать. Мать, набравшись смѣлости, остановилась противъ Леона и, сдерживая гнѣвъ, льстиво сказала.

— Ты, Леонъ, совсѣмъ забылъ насъ! Нѣтъ отца, нѣтъ матери...

— Я никого не хочу знать, — спокойно отвѣтилъ онъ.

— Хорошо,—покорно согласилась она.—Но отдай намъ то, что мы потратили на тебя. Мы ничего другого не требуемъ. Отдай только наше. Верни намъ деньги за одежду, за ученіе, за репетиторовъ, и мы отъ тебя откажемся. Что же ты молчишь, старый паяцъ?—крикнула она вдругъ на мужа.—Скажи ему что-нибудь.

— Сама ты старый паяцъ,—бросилъ тотъ ей равнодушно.

— Ободранная кошка, — крикнула мать съ гнѣвомъ.

— Поссорьтесь, поссорьтесь, — попросилъ Леонъ, съ удовольствіемъ развалился на стулѣ. — Ну-ка, начинайте!

— Отдай намъ деньги, что мы потратили на твое ученіе, — повторила мать, повернувшись къ нему. — Я не виновата, что тебя выгнали изъ седьмого класса гимназіи. Ты еще и умрешь на каторгѣ за свои дѣла, по это не наше дѣло.

— Его непременно сошлютъ, если онъ будетъ обирать бѣдныхъ дѣвушекъ, — вмѣшался отецъ.

Оба вдругъ начали кричать. Папаша обвинялъ мамашу въ легкомысліи, а мамаша обвиняла папашу въ плохомъ воспитаніи сына. Леонъ сочувственно и съ удовольствіемъ выслушивалъ то отца, то мать. Вспомнились и другіе грѣхи. Вѣдь Леону извѣстно, что папаша въ молодости любилъ женщинъ! И мамаша, оглашая комнату криками, въ тысячный разъ рассказала, какъ однажды этотъ старый паяцъ ушелъ къ своей любовницѣ Юстынѣ, когда у нея, Розы, начались роды.

— А кого поймали въ погребѣ съ Мишкой, — забавляясь спросилъ папаша. — Помнишь, Леонъ, нашего застойщика Мишку? Вотъ объ немъ я и говорю.

Стало смѣшно и грустно. Папаша опять барабанилъ по стакану, тонко усмѣхаясь, а мать, извиняясь, шептала:

— Пусть молнія убьетъ меня, если мое тѣло знало кого-нибудь, кромѣ твоего отца. Пусть молнія...

— Ну, ну, — брезгливо сказалъ Леонъ, отворачиваясь отъ нея.

Мамаша промолчала и исподтишка погрозила старику: «будетъ онъ ее помнить!» Подавивъ въ себѣ обиду, она обернулась къ Леону и льстиво сказала ему.

— Мы прощаемъ тебѣ, Леонъ. Ты хочешь дѣвушекъ, женщинъ? Согласна! Я тебѣ разрѣшаю даже обирать ихъ, но только подумай хоть немного и о насъ.

— А я не хочу о васъ думать, — равнодушно отвѣтилъ Леонъ, потягиваясь. — Вотъ еще! Какое мнѣ дѣло до родныхъ?

— И не надо,—подхватила мать, дѣлая униженное лицо.—Дай намъ только немножко денегъ, чтобы мы могли стать на ноги. Мы хотимъ открыть лавку. Отецъ совершенно никуда не годится. Или просто откупись отъ насъ, чтобы мы тебя больше не беспокоили. Что для тебя значать двѣсти-триста рублей?

Въ самомъ дѣлѣ, почему Леону не выбросить двѣсти-триста рублей и навсегда избавиться отъ ихъ просьбъ и требованій? У отца вѣдь весь торговый капиталъ не больше двадцати пяти рублей. А съ лавкой семья оживетъ. Вся улица будетъ у нихъ забирать, потому что никто такъ хорошо не умѣетъ привлечь покупателей, какъ она, Роза. Вѣдь когда у нихъ былъ кабакъ,—кого любили пьяницы? Только ее. Всѣ требовали, чтобы Роза подавала водку. А твоя сестра Лизочка? Вѣдь красивѣе Лизочки трудно найти дѣвушку. Отецъ называетъ Лизочку проституткой, но онъ вѣдь всѣмъ извѣстная, старая, негодная обезьяна, старый паяцъ! Не виновата же Лизочка, что за ней бѣгаютъ молодые и старики? Поглядѣлъ бы Леонъ, какіе люди провожаютъ ее домой, когда она возвращается съ бульвара! На прошлой недѣлѣ офицеръ, кавалеръ Лизочки, попросилъ у нея позволенія зайти въ комнату. Она, Роза, чуть не умерла отъ страха. Шутка сказать,—офицеръ! Какъ его принять, чѣмъ угостить, какъ держаться съ нимъ? А Лизочка смѣется: «Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Иванъ Андреевичъ, смотрите на меня!» «Слушаю, Елизавета Моисеевна». «Какъ вамъ нравится моя мамаша, Иванъ Андреевичъ?» «Ваша мамаша, Елизавета Моисеевна, если сказать правду, очень и очень милая женщина». Вотъ какъ она съ нимъ говорила. Какая же она проститутка?

Леонъ слушалъ, улыбался и переглядывался съ папашей. Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ будетъ прелестно! Хорошая лавка съ большими, какъ въ аптекъ, окнами, красивенькая дѣвушка, разбитная, ловкая, много товаровъ, изюма, корицы, лимона, маслинъ и всегда полный денежный ящикъ, какъ въ кабакъ...

— Это мнѣ нравится, медленно сказалъ онъ, полузакрывъ глаза отъ удовольствія. Расскажите-ка еще... Мнѣ даже какъ будто ѣсть захотѣлось. Дайте пока стаканъ чаю. И всего нужно для этого двѣсти - триста рублей? А можетъ быть пятьсотъ, восемьсотъ, тысячу? Конечно, тысячу, не меньше! Я, можетъ быть, и дамъ. Разрисуйте-ка еще, мамаша, но аппетитнѣе. Вы вѣдь умѣете... И о запахахъ побольше. Я чувствую себя теперь такъ, какъ будто нахожусь въ лавкѣ колониальныхъ товаровъ, гдѣ есть корица, апельсины, миндаль, маслины, бочки съ селедкой...

Онъ сталъ пить чай и заговорилъ о своихъ заработкахъ. «Чортъ знаетъ, какъ ему везетъ! Куда ни повернется, — есть деньги. Чортъ его знаетъ почему! Однако, ѣсть то ему все-таки хочется. Налейте-ка еще стаканъ чаю. Скушалъ бы я теперь хлѣба съ гусинымъ саломъ. Шепнетъ онъ кому-нибудь нѣсколько словъ—и сотня готова! Чортъ его знаетъ почему? Любить золото его руки!»

Папаша, мамаша и старушка слушали, раскрывъ рты. Выдумка смѣнялась выдумкой, и чѣмъ она была нелѣпѣе, тѣмъ казалась убѣдительнѣе. Заглянетъ Леонъ въ контору,—чортъ его знаетъ—готово! Встрѣтится съ кѣмъ-нибудь на улицѣ, хапъ—готово, готово!.. Старики задыхались отъ счастья. Старушка кивала головой. Такъ вотъ каковъ Леонъ! Вѣдь это золото-дѣлатель. Недаромъ они любили его больше другихъ дѣтей. Недаромъ дѣвушки его такъ любятъ! О, дорогой сынъ! Они должны его поцѣловать. Пусть у отца весь капиталъ не больше двадцати рублей, пусть вся семья ничего не стоитъ, но у нихъ есть Леонъ. Дай имъ, Леонъ, сотню, двѣ сотни. У тебя вѣдь сотни просто валяются въ карманахъ. Дай имъ, дай!..

Леонъ разсмѣялся... Такъ онъ имъ и дастъ! Дураки! А знаете на комъ онъ собирается жениться? На дочери господина Шпильмана. Да, да, того самага господина Шпильмана, у котораго одинъ изъ богатѣйшихъ галантерейныхъ магазиновъ въ чертѣ фран-

пузскаго базарчика. Приданого дають пять тысячъ. А сейчасъ у него въ карманѣ лежатъ двѣ тысячи рублей. Пусть пощупаютъ руками этотъ бугорокъ на пиджакѣ. Нѣтъ, они еще не знаютъ своего Леона. Можетъ быть, они воображаютъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ женится на Бергѣ? Тогда онъ ихъ не поздравляетъ. Леонъ не дуракъ. Онъ знаетъ свое дѣло. Онъ, какъ рыбакъ, забрасываетъ сѣти и ждетъ. Попадается и хорошее и дряннъ.. Однако, меньше чѣмъ за сто тысячъ онъ себя не продастъ. Вотъ эту пару усовъ, эту пару глазъ и этотъ чудный цвѣтъ лица никто дешево не купитъ. О, нѣтъ!..

Онъ расхвастался, заврался и уже не могъ остановиться. Всѣ сбились въ кучу, какъ котята, и слушали его, затаивъ дыханіе, поблескивая зрачками, и старались не проронить ни одного слова.

— Дѣйствительно, эта пара усовъ,—сказалъ папаша, любовно глядя на Леона,—стоитъ многого. А глаза даже слишкомъ красивы.

— Дай намъ одну сотенку,—приставала мать, обнявъ Леона такъ, чтобы нащупать бумажникъ.—Хоть одну! Не хочешь? Я не смѣю спорить съ тобой. Ты самъ знаешь, что нужно дѣлать. Я должна, Леонъ, стоять передъ тобой на вытяжку, хотя ты и мой сынъ, мой красавецъ. Покажи же намъ хоть твой бумажникъ.

— Да,—смѣясь говорилъ Леонъ,—это очень интересно посмотрѣть на мой бумажникъ. Но я вамъ его не покажу и сотни вамъ не дамъ, даже если бы на колѣни стали передо мною. А пять рублей я, пожалуй, дамъ папашѣ.

Теперь и папаша сѣлъ чай пить... Пять рублей,—это раньше всего! Пять рублей, да двадцать, что у него въ кошелькѣ, составитъ двадцать пять, да пятнадцать, что у компаньона Лейви—сорокъ. Завтра онъ купитъ корову, нѣтъ, не ту рыжую съ бѣлымъ пятномъ на лбу, и не ту, которая нравится Лейви, а черненькую, черненькую и заработаетъ на ней. Она какъ будто худенькая, а заработокъ дастъ!..

Леонъ же сидѣлъ, положивъ локти на столъ, вперивъ глаза въ одну точку и съ любопытствомъ слушалъ сплетни матери о сосѣдяхъ, о своей старшей сестрѣ Любѣ, къ которой сватался музыкантъ, о тысячахъ пустяковъ, и незамѣтно въ памяти его воскресло то милое, безпечное время, когда еще былъ кабакъ... Въ кабакъ шла возня: кричали, пѣли, пили... Въ окошечко, прорѣзанное въ двери, видны были мрачныя и веселыя лица пьяныхъ людей, слышался звонъ мѣдяковъ, падавшихъ въ денежный ящикъ, а здѣсь, въ комнатѣ было мирно, уютно, тепло... Сидѣли сосѣдки, пили чай и шепотомъ сплетничали. Онъ не отходилъ отъ матери, жадно слушалъ и какъ бы растворялся въ грубо-развратной атмосферѣ женскихъ разговоровъ... Такъ мечтая о старой, тихой, легкой жизни, онъ вспомнилъ о служанкѣ Домнѣ, въ которую, будучи мальчикомъ, безумно влюбился. Какъ приятно было обнимать ее украдкой въ кухнѣ, вечеромъ у воротъ, какъ онъ клялся ей въ любви!..

— Мамаша, помните Домну, — вдругъ спросилъ онъ, — оборвавъ ее на какомъ-то словѣ?

Мамаша вспомнила не сразу, а папаша при вопросѣ поднялъ голову и затрепеталъ отъ удовольствія.

— Мы ее взяли передъ Пасхой, — сказалъ онъ медленно, и упиваясь каждымъ словомъ. — Въ этотъ же день я купилъ себѣ золотыя часы. Это были хорошіе часы, и они стоили семьдесятъ рублей. Часы пропали въ ломбардѣ.

Леонъ растрогался... Какъ будто это вчера случилось. Онъ помнитъ папашу брюнетомъ, съ красивой густой бородой, въ новомъ костюмѣ. Папаша стоялъ съ мамашей возлѣ окна и говорилъ ей:

— Взгляни на мои золотыя часы. Такихъ часовъ я еще не носилъ. Когда Богъ дастъ, Леонъ кончитъ гимназію, я ему подарю ихъ...

Не дать ли ему еще рубля? Голова кружится, словно отъ легкаго угара. Нѣтъ, денегъ онъ больше не дастъ. Да, гимназіи онъ не кончилъ и слава Богу... хотя

лучше было бы кончить. Мамаша, довольно историй, Леону пора уходить... Пожалуй, если у васъ есть что-нибудь вкусное,—онъ скушаетъ. Какъ, сегодня у васъ супъ изъ красной фасоли, мозговъ и тѣста? Въ самомъ дѣлѣ, — ну, тогда онъ останется еще на полчаса. И каша? Отчего же вы не сказали сразу? Вотъ это прекрасно! А голландская селедка у васъ имѣется? Нѣтъ? Тогда купите, мамаша, выберите пожирнѣе и порубите ее съ лучкомъ. И бутылочку пива купите. Какъ, есть и пара пѣтушиныхъ пупочковъ? Почему же вы молчали? Папаша, я остаюсь обѣдать! Мамаша, идите же, идите, не забудьте: жирную голландскую селедочку, но съ молочками, а не съ икрой... И холоднаго пива. А мы, папаша, въ ожиданіи поговоримъ о дѣлахъ. Расскажите, что у васъ слышно. Только не жалуйтесь и не хнычьте. Все равно, я не дамъ больше ни копейки...

Старушка молча вязала. Мать набросила шаль на плечи и вышла. Леонъ сѣлъ рядомъ съ отцомъ, и тотъ сталъ рассказывать. Но Леонъ слушалъ разсѣянно. Онъ думалъ объ обѣдѣ, о Вѣрочкѣ...

Леонъ Дрей проснулся въ самомъ отличномъ расположеніи духа. Спалъ онъ всегда нагишомъ и обыкновенно, проснувшись, набрасывалъ на себя парусиновый халатъ, приготовленный съ вечера, и принимался за основательную чистку своего платья. Платье Леонъ любилъ, зналъ ему цѣну и отъ его строгаго контроля не ускользало ничего: ни пятнышко, ни пушинка, ни ниточка, случайно вылѣзшая изъ шва, ни другое что-нибудь... Онъ становился у окна, выходящаго во дворъ, и переглядываясь съ горничными, насвистывая, усердно чистилъ щеткой брюки, пиджакъ, шляпу, пальто. Но сегодня на перекоръ установленному порядку, онъ остался въ кровати и, лежа навзничъ, разглаживая подъ простыней свое здоровое, упругое тѣло, бѣлое, какъ у женщины, сладострастно

погрузился въ дѣловыя мечты... Въ комнатѣ было темновато и чуть неуютно оттого, что онъ не видѣлъ своего хорошенькаго шкафа, купленнаго по случаю, своего письменнаго стола съ прелестной чернильницей, своего платья на вѣшалкѣ, зимняго пальто, шляпы и модной палки съ красивымъ набалдашникомъ, какую носили всѣ хлыщи. Онъ сбросилъ съ себя простыню, подбѣжалъ на ципочкахъ къ окну, отдернулъ быстрымъ движеніемъ ажурную занавѣсь и, шурясь отъ свѣта, вернулся на кровать и зарылся головой въ подушки. «Если бы здѣсь съ нимъ лежала Вѣрочка, замечтался онъ, или Эвочка! Будетъ и Вѣрочка и Эвочка», утѣшилъ онъ себя и выглянулъ краемъ глаза во дворъ, гдѣ на балконѣ второго этажа стояла голубоглазая дѣвушка и съ любопытствомъ посматривала на его окно.

«Ты ищешь Леона, — подумалъ онъ самодовольно. Не безпокойся, миленькая, я дамъ себя найти, когда нужно будетъ, а теперь уйди. Леонъ долженъ думать о своихъ дѣлахъ!..»

Онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и методически сталъ каяться. Во-первыхъ, на прошлой недѣлѣ, онъ снова подарилъ отцу пять рублей. Пять да пять составятъ десять. Это, Леонъ, не годится, — такъ можно и раззориться! Отецъ отцомъ, а деньги деньгами. Къ чорту отцовъ! Никакихъ отцовъ ты не долженъ признавать. Обѣщаешь? Твердо? И никакихъ матерей? Къ чорту всѣхъ ихъ... Во-вторыхъ, — тогда же ты подтвердилъ отцу, что дашь денегъ для открытія лавки. Какъ не выругать тебя за такое легкомысліе? Обѣщай мнѣ торжественно, что денегъ имъ ты не дашь. Ты не долженъ этого дѣлать. Ну обѣщай же, милый Леонъ! Ты слабъ, какъ ребенокъ, хвастовство увлекаетъ тебя, и Богъ знаетъ до чего ты можешь дойти такимъ поведеніемъ.

Легкая грусть на мигъ омрачила душу Леона. Какъ жаль, что въ его характерѣ нѣтъ выдержки! Онъ умѣетъ быть хладнокровнымъ, но слабъ на лесть. Онъ

умѣть и можетъ быть жестокииъ, но его легко рас-
трогать. Какъ жаль, что у него имѣются недостатки!
Видъ золота, напимѣрь, дѣлаеть его сумасшедшимъ.
Онъ часто сходится съ дѣвушками, беретъ у нихъ
деньги безъ нужды. Развѣ теперь, когда онъ сдѣлался
женихомъ Берточки и получилъ отъ ея папаши вто-
рые пятьсотъ рублей въ счетъ приданого, это допу-
стимо? Какъ жаль, что у него есть недостатки!..

Онъ уже лежалъ, опершись о локоть, обнаживъ
круглое бѣлое плечо и, сощутивъ глаза, мечтательно
глядѣлъ въ окно.

«Конечно, въ этомъ веселомъ, задорномъ, полномъ
приключеній, пути къ богатству и власти, нужно знать
мѣру во всемъ. Хвастай въ мѣру, ври въ мѣру, под-
личай въ мѣру! Вѣдь только идиотъ рѣшился бы ра-
зыграть богача передъ отцомъ и матерью. Нѣтъ, Леонъ,
ты можешь поступать всячески, но глупить я тебѣ не
позволю. Я тебѣ все разрѣшу, жирное тѣло, мерза-
вецъ, осель: развращай дѣвушекъ, наслаждайся ими,
лови на удочку дураковъ, наушничай, лъсти, подли-
чай, пускай пыль въ глаза, но только дуракомъ не
смѣй быть!..»

Успокоенный этими размышленіями, и соображая,
что нужно положить имѣвшуюся у него тысячу ру-
блей на текущій счетъ въ какой-нибудь банкъ, и тепло
вздрагивая и жмуря глаза отъ игравшей въ немъ ра-
дости, онъ не спѣша сталъ одѣваться, выглядывая
мимоходомъ въ окно, и дѣлая глазки горничнымъ.
Иногда, по любимой привычкѣ, онъ обращался съ
пространной рѣчью къ своей бѣлой мягкой сорочкѣ,
укорялъ сапоги въ томъ, что они потеряли свой пер-
воначальный, шикарныиъ видъ, и такъ, незамѣтно по-
смѣиваясь, мурлыча и насвистывая, облачился въ
утренній костюмъ. Теперь на немъ былъ пиджакъ изъ
легонькой, сѣрой матеріи съ крошечными отворотами,
свѣтлыя въ полоскахъ брюки, и широкииъ кожаный
поясъ, вмѣсто жилетки. Передъ зеркаломъ онъ долго
приглаживалъ свои свѣтло-пепельные волосы, и когда

придалъ передней пряди тотъ видъ, какой желалъ, видъ хохолка, небрежно спущеннаго внизъ съ правой стороны лба, и завилъ шпилькой усы, онъ опять повеселѣлъ, раза два ущипнулъ себя, подмигнулъ плутовски глазами, и молодецкато раскачиваясь, прошелъ узенькимъ корридормъ въ столовую, гдѣ уже пили чай его невѣста и ея родители.

Въ столовой было очень тѣсно отъ большого стола, отъ множества стульевъ, съ высокими прямыми спинками, отъ колоссальнаго буфета, уставленнаго сплошь рюмками, тарелками, вазами и отъ круглыхъ столиковъ, покрытыхъ вязаными скатертями. На самомъ почетномъ мѣстѣ, подъ большимъ зеркаломъ, въ которомъ каждый могъ увидѣть себя во весь ростъ, стояла гипсовая, аляповато сдѣланная статуэтка Пушкина, любимца самого господина Шпильмана. Кромѣ Пушкина, въ столовой имѣлись бюсты Шевченки, выкрашенный въ строгій кирпичный цвѣтъ, небольшая статуэтка голой женщины, стыдливо закрывавшей наготу свою несоразмѣрно длинными и слишкомъ худыми руками, гипсовые кролики, умѣвшіе кивать головами и нѣсколько терракотовыхъ собачекъ разныхъ величинъ. На стѣнахъ висѣли портреты Мицкевича и генерала Гурко неожиданно рядомъ съ Мозесомъ Монтефиоре и многими раввинами, а подъ ними фотографическіе карточки господина и госпожи Шпильмановъ, дочери ихъ Берты и сына Юльчика.

Когда Леонъ Дрей вошелъ въ столовую, каждый изъ семьи находился уже на своемъ мѣстѣ за столомъ. Мамаша сидѣла рядомъ съ Юльчикомъ, Берточка противъ дверей. Папаша, въ ночной сорочкѣ, въ стоптанныхъ туфляхъ на босыхъ ногахъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ пилъ чай. Сюртучокъ его висѣлъ на Пушкинѣ, шляпу онъ надѣлъ на Шевченко, жилетку подложилъ подъ себя и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда ему можно будетъ отправиться въ магазинъ.

— Доброе утро, — сказалъ Леонъ Дрей, отвѣсивъ

раньше всего почтительный поклонъ папашѣ и мамашѣ.—Здравствуй, Берточка. Какъ ты провела ночь?

— Мухи мнѣ не давали спать,— скромно отвѣтила Берточка, потупивъ свои черные глаза съ длинными изогнутыми рѣсницами.

Удовлетворившись отвѣтомъ своей невѣсты, Леонъ радушно пожалъ руку папашѣ, мамашѣ и Юльчику, и сѣлъ подлѣ Берточки.

— Налить тебѣ чаю, Леончикъ?—спросила она, стараясь выразить ему свою преданность глазами.

— Налей, милая,— отвѣтилъ Леонъ съ достоинствомъ.

— Остались вчерашніе вареники съ вишнями. Не съѣшь ли ты парочку?

— Пожалуй, я съѣмъ парочку варениковъ,— сказалъ Леонъ, благодарно скосивъ на нее глаза.

— Возьмите побольше сиропу, милый Леонъ, вмѣшалась тутъ мамаша.—Берточка, дай же своему жениху еще сиропу.

— Благодарю васъ, мамаша,— быстро произнесъ Леонъ, бросивъ и на нее благодарный взглядъ.—Дѣйствительно, вареники безъ сиропа...

— А мнѣ дадутъ варениковъ?—саркастически спросилъ папаша.

— Какіе превосходные вареники!—похвалилъ Леонъ и прищелкнулъ языкомъ.—Я ихъ люблю, мамаша,—признался онъ.—Попробуйте, господинъ Шпильманъ.

— Но мнѣ ихъ не даютъ, все о мірѣ... «все о мірѣ...» было его любимой поговоркой—проворчалъ господинъ Шпильманъ.

— Сейчасъ, папаша. Положить ли тебѣ еще парочку, Леончикъ?

Леонъ лишь кивнулъ головой, такъ какъ въ эту минуту уписывалъ очень крупный вареникъ, обильно политый сиропомъ. Юльчикъ, брезгливо слѣдившій за Леономъ, громко сказалъ, стараясь произносить аристократически.

— Не понимаю, какъ можно ѣсть эту гадость? Я

увѣренъ, что нашъ директоръ, господинъ Самовайловъ, ни разу не отвѣдалъ въ своей жизни варениковъ.

— А что ѣсть твоя директорша? — огрызнулся папаша.

Юльчикъ пропустилъ мимо ушей вопросъ и величественно сталъ смотрѣть въ окно, прожевывая кусокъ булки съ масломъ. Наступило короткое молчаніе. Всѣ ѣли, пили и, не стѣсняясь, громко, и сочно причмокивали.

— Мнѣ, мамаша, всю ночь снилась Берточка, — заявилъ Леонъ, передавъ свой стаканъ Берточкѣ.

Юльчикъ расхохотался. Папаша краемъ глаза саркастически осмотрѣлъ Леона, точно хотѣлъ сказать: «знаю я тебя насквозь, но такой, какъ ты, мнѣ и нуженъ былъ для Берты» и пошелъ въ спальню одѣваться. Мамаша, нѣжно любившая своего будущаго зятя, строго повернула разгнѣванное лицо къ Юльчику и, краснѣя, какъ въ молодости, сердито сказала:

— Чему ты разсмѣялся, дуракъ?

— Я, кажется, не сказалъ ничего смѣшного, — съ необыкновеннымъ достоинствомъ промолвилъ Леонъ, красиво поднимая брови.

Тонъ его былъ сухъ, простъ, вѣжливъ, но категорически выражалъ требованіе уваженія къ себѣ. Юльчикъ пріосанился, поигралъ перстнемъ, который носилъ на лѣвомъ мизинцѣ, и еще громче расхохотался.

— Не обращайтесь на него вниманія, милый Леонъ, — сказала мамаша, бросая молніеносные взгляды на Юльчика.

— Но онъ это дѣлаетъ не въ первый разъ, — воскликнула Берточка со слезами въ голосѣ. Какъ онъ смѣетъ оскорблять моего жениха. Дуракъ, нахаль, мальчишка!..

Господинъ Шпильманъ, услышавъ крикъ, пожелалъ предупредить ссору. На минуту онъ появился въ столовой съ брюками въ рукахъ, и, поглядѣвъ съ искусственнымъ добродушіемъ на Леона, участливо спросилъ:

— А въ какомъ видѣ вамъ приснилась Берточка?

— Она мнѣ явилась въ образѣ ангела съ крылышками за спиной, — быстро и не моргнувъ отвѣтилъ Леонъ.

— Вотъ какъ!—удивленно произнесъ папаша и убѣжалъ въ спальню.

Юльчикъ опять прыснулъ громкимъ дурацкимъ звукомъ, забрызгалъ скатерть чаемъ, но на него уже не обращали вниманія. Мамаша и Берточка впились глазами въ Леона, который съ подчеркнутымъ достоинствомъ еще разъ отвернулся отъ Юльчика и продолжалъ горячо:

— Берточка явилась мнѣ въ образѣ ангела съ очень коротенькими крылышками. Она летала вокругъ меня, летала, и я все удивлялся, почему она летаетъ, а не ходитъ. Потомъ я взялъ полотенце, то самое, что виситъ подъ Пушкинымъ и набросилъ его на Берточку.

Всѣ, кромѣ Юльчика, съ удовольствіемъ выслушали этотъ разсказъ, а мамаша весело сказала:

— Значитъ, скоро свадьба. Подойди, Берточка, я тебя поцѣлую.

Послѣ этого Юльчикъ ушелъ въ контору, и съ его уходомъ Леонъ и Берточка легко вздохнули. Въ столовой сдѣлалось какъ будто просторнѣе, разговоры интимнѣе. Но Берточку смущалъ еще папаша. Она чувствовала, что Леончикъ голоденъ, онъ даже сдѣлалъ ей знакъ глазами, — въ кухнѣ лежали нарочно приготовленные четыре хорошихъ свѣжихъ яйца, большой сочный бифштексъ, а папаша, какъ на зло, медлилъ съ уходомъ.

— Папашѣ, кажется, пора уже уходить, — произнесла она какъ бы вскользь. — Который часъ? Неужели девятый часъ?

— Девять?—съ ужасомъ воскликнулъ папаша, появляясь въ столовой. — Все о мѣрѣ и остальное вы знаете! Почему вы молчали? Гдѣ же мой котелокъ? На Шевченкѣ? Почему на Шевченкѣ, а не на колокольнѣ?

— Ты самъ надѣлъ котелокъ на Шевченку, — обиженно замѣтила мамаша.

— Не возражай мнѣ, когда я долженъ итти въ магазинъ. Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ Шевченко! Когда-нибудь возьму и выброшу Шевченку, Пушкина и всѣхъ этихъ дурацкихъ кроликовъ. Выставка тебѣ нужна въ столовой.

— Твой папаша, милая Берточка, — шепотомъ сказалъ Леонъ, — еще ни разу не засмѣялся, сколько я его знаю.

— Тише, — прошептала Берточка, нѣжно наступая подь столомъ ногой на его ногу. — Зато я тебѣ всегда буду улыбаться.

Между тѣмъ господинъ Шпильманъ, надѣвая платокъ на голову и стараясь засунуть котелокъ въ карманъ, угрюмымъ, ѣдкимъ голосомъ говорилъ женѣ:

— Ты всегда безъ четверти девять такъ запрячешь мою палочку, что ея самъ чортъ не отыщетъ. Сейчасъ найди мнѣ палочку! — Мамаша заметалась по комнатѣ, а онъ опять забрюзжалъ.

— А гдѣ же мой котелокъ? Зачѣмъ ты мнѣ суешь палочку, когда мнѣ нуженъ котелокъ, — сердился онъ, тщетно пытаясь засунуть котелокъ въ задній карманъ сюртука.

— Но ты сегодня совсѣмъ рехнулся, — крикнула мамаша, всплеснувъ руками. — Посмотри-ка, Берточка, онъ надѣлъ платокъ на голову, а шляпу суетъ въ карманъ! Сними платокъ съ головы, сумасшедшій!..

Господинъ Шпильманъ сердито вытаращилъ глаза и, помедливъ съ минуту, вдругъ звучно плюнулъ и выбѣжалъ, хлопнувъ дверью. Леонъ расхохотался и, вскочивъ, завертѣлся на одной ногѣ.

— Теперь дайте мнѣ поѣсть! — крикнулъ онъ развязно. — Берточка, милая, я умираю отъ голода. Мамаша, дорогая...

Берточка молча поднесла его руку къ своимъ губамъ, страстно поцѣловала ее и побѣжала, путаясь въ юбкахъ, въ кухню. Леонъ переглянулся съ мамашей. «Ты тоже пойдешь въ кухню», сказалъ его взглядъ. «Да, я пойду», отвѣтили ея глаза. Тогда

онъ ласково взялъ ее за плечи, повернулъ къ себѣ спиной и дѣтскимъ голосомъ приказалъ:

— Ступайте, мамаша, и вы въ кухню. Я боюсь, что Берточка плохо приготовитъ яичницу. Прошу васъ, мамаша, идите! Положите побольше куриного сала и жарьте луковицу! — крикнулъ онъ ей еще и вдогонку.

«Не пойти ли мнѣ самому присмотрѣть за этими двумя канальями», подумалъ онъ. «Еще довѣрятся прислугѣ! Чортъ ихъ знаетъ, какія яйца положить? Нѣтъ, навѣрное, хорошія положить», успокоилъ онъ себя. «Берточка вѣдь обожаетъ меня, а мамаша ко мнѣ расположена. Очень пріятная женщина мамаша», замечтался онъ, — «полная! Люблю полныхъ женщинъ съ короткими, толстыми, круглыми руками. Какія у нихъ плечи! Какія у нихъ спины!..»

У него заблестѣли глаза, и онъ въ волненіи, трепетно вздрагивая усами, сдѣлалъ два шага по комнатѣ.

«Да, хорошо тебѣ тутъ, Леонъ! Купайся въ молокѣ, купайся, милый. А Машенька будетъ ждать меня сегодня въ саду!» вдругъ озабоченно подумалъ онъ.

Послышался шорохъ, и въ столовой появились прислуга съ сковородой въ рукахъ, Берточка съ приборомъ. Мамаша несла горячій, пахучій хлѣбъ.

— Ну, милый Леонъ, — сказала мамаша, когда горничная вышла, — посмотримъ, что вы скажете объ этой яичницѣ и объ этомъ кусочкѣ филейнаго мяса? Посмотримъ, посмотримъ...

Леонъ, тихо чавкая, съ сіяющими глазами и лицомъ, сѣлъ за столъ, разложилъ салфетку на колѣняхъ и, взявъ ножъ въ одну руку, а вилку въ другую, пріятно улыбаясь, весело отвѣтилъ:

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ, что я скажу! Рюмочки водки не найдется у васъ? Дайте-ка намъ эту яичницу. Покажите-ка этотъ нѣжный филейный бифштексъ. Не разрѣжьте же хлѣба, мамаша. Ради Бога, что вы дѣлаете, — испуганнымъ голосомъ воскликнулъ онъ? — Развѣ можно горячій хлѣбъ рѣзать ножомъ? Гдѣ же вы это видѣли, мамаша? Прошу васъ,

передайте его мнѣ. Я его разорву на большіе, вкусные и красивые куски. Посмотрите, какой паръ идетъ отъ него. Понюхайте, какъ пахнетъ!

Но тутъ рѣчь его прервала Берточка. Она положила нѣжно свою прелестную ручку на его уста, и онъ невольно вонзилъ вилку въ сочное, мягкое мясо.

— Берточка,—сказалъ онъ вдругъ съ важностью,— сколько разъ я просилъ тебя не сидѣть, когда я ѣмъ? Я теряю половину удовольствія, если любимая женщина не стоитъ возлѣ меня во время ѣды. Милая, встань же, прошу тебя, если ты меня любишь.

— Съ удовольвіемъ, милый,—отвѣтила Берточка, поднимаясь и влажными отъ удовольствія глазами слѣдя за каждымъ кускомъ, который Леонъ клалъ въ ротъ.

— Берточка,—подсказывала мамаша,— положи ему горчицы въ тарелку. Какъ поджаренъ лучокъ? Можетъ быть, принести огурчиковъ? Будете кофе пить, милый Леонъ? Я положу въ стаканъ много сливокъ.

Онъ кивалъ головой, улыбался мамашѣ, Берточкѣ, бралъ горчицу, глоталъ огурчики, смачно прищелкивалъ языкомъ...

— Это сало—выронилъ онъ, наконецъ,—несомнѣнно отъ курицы средняго возраста, не старой и не молодой. Я узнаю по запаху. Превосходное сало, мамаша.

Незамѣтно Берточка убрала сковороду, горничная безшумно смела со стола крошки и передъ нимъ опять очутилась мамаша со стаканомъ ароматнаго, дымящагося кофе...

— Ты сытъ, Леончикъ,—спрашивала Берточка, не смѣя признаться, что и ей хочется поѣсть.

— Вы довольны, милый Леонъ? — говоритъ мамаша. — Теперь ступайте къ себѣ съ Берточкой. Вѣдь я знаю, что вамъ хочется остаться наединѣ. Идите, милыя дѣти, поворковать. А мнѣ пора уже собраться въ магазинъ.

Торжественно, чуть опьянѣвшій отъ сытнаго завтрака, подъ руку съ Бертой, лѣниво и важно выхо-

дить Леонъ Дрей изъ столовой, но молчить, его рука въ ея рукѣ, и сладостно чувствуетъ онъ, какъ тихо и несмѣло дрожать плечи дѣвушки.

«Она жаждетъ тебя, думаетъ онъ, она хочетъ прижаться своими губами къ твоимъ полнымъ, красивымъ губамъ. О, какъ эти глупыя дѣвушки охотно становятся любовницами до свадьбы!»...

Въ комнатѣ робкая тишина. Берточка сидитъ на колѣняхъ у Леона и играетъ его волосами. И такъ ей хорошо съ нимъ, такимъ добрымъ, красивымъ и сильнымъ онъ кажется ей, что она, закрывъ глаза, пошла бы за нимъ на край свѣта...

Мѣсяць тому назадъ она отдалась ему въ одинъ угарный, незабвенный вечеръ... Какъ умно она поступила! Теперь онъ ея господинъ и однажды уведетъ ее въ свое гнѣздо. Исчезнетъ изъ ея жизни папаша, и она станетъ барыней, какъ всѣ дѣвушки изъ хорошаго дома. Она будетъ носить дамскія хорошенькія шляпки, капоты, ротонду,—мамаша ей купитъ къ свадьбѣ брилліантовыя серьги, и всѣ ей будутъ завидовать... О, милый, милый Леонъ!.. Гдѣ же это она нашла такого красавца? И какъ скоро все произошло! Сваха устроила ихъ первое свиданіе въ театрѣ, и тамъ рѣшилась ея судьба. Онъ сразу ослѣпилъ ее своей красотой... Не хотѣлось вѣрить, что на ней, Бергѣ, готовъ жениться этотъ обаятельный мужчина. Неужели такой красавецъ, нѣжный блондинъ, съ очаровательными бархатными глазами, могъ снизойти до нея! О, она знаетъ, зачѣмъ отдалась ему. Теперь онъ не уйдетъ отъ нея, и никакія красавицы ей не страшны. Поцѣлуй ее, Леончикъ! Подруги изъ зависти перестали ходить къ ней. Всѣ перессорились изъ-за Леона... О, прелестный, милый, какъ она его любитъ! Какъ мягки его свѣтло-пепельные волосы! Губы его словно изъ бархата...

— Ты въ самомъ дѣлѣ любишь меня, дорогой

Леончикъ?—спросила она пылко.—Повтори, повтори! Дай мнѣ свою ручку, я расцѣлюю всѣ твои пальчики.

— Вотъ это хорошо,—самодовольно сказалъ Леонъ, протянувъ ей руку.—Я очень люблю покорныхъ женщинъ. Ай, не кусай! Сейчасъ отправлюсь въ банкъ положить на текущій счетъ мою тысячу рублей, которую получилъ отъ твоего папаша.

— А когда же наша свадьба?—сія спросила Берточка.

— Объ этомъ еще рано толковать,—съ важностью отвѣтилъ Леонъ.—Зачѣмъ намъ торопиться, если мы и такъ живемъ, какъ новобрачные. Кормятъ насъ отлично!

— Такъ наша свадьба еще не скоро?—съ грустью промолвила Берточка.

— Конечно, не скоро, дорогая моя. Намъ надо жить широко. Я хочу одѣвать тебя въ шелкъ и бархатъ. Я хочу, чтобы у тебя было много брилліантовъ...

— Милый Леонъ!—крикнула Берточка, порывисто обнявъ его.

— Осторожниѣ, Берта, ты поцарапала меня булавкой.

— Извини, извини, дорогой мой, я нечаянно.

— Ты всегда нечаянно причиняешь мнѣ боль. Посмотри, изъ пальца пошла кровь.

— О, милый, о, дорогой, дай я поцѣлюю твой бѣдный пальчикъ. Прости меня, пальчикъ,—я больше не буду. Сдѣлай гадкой Бертѣ, ну,—ну,—ну!

Съ улыбкой и удовольствіемъ, глядя сверху внизъ и пошевеливая усами, слушалъ Леонъ Дрей ея лепетъ.

«Этакая дура», думалъ онъ! «Однако, надо собираться. Машенька уже навѣрное ждетъ въ саду».

— Мой милый, — между тѣмъ шептала Берточка, млѣя отъ счастья,—купи себѣ цилиндръ. О, если бы я уже увидѣла тебя въ цилиндрѣ! Всѣ наши знакомые лопнутъ отъ зависти!

— Да, да,—бормоталъ онъ,—цилиндръ ко мнѣ очень пойдетъ. Непремѣнно куплю себѣ. Не обнимай меня

такъ крѣпко. Мнѣ жарко. Что у тебя за привычка кошкой вѣсплаться? Прическу ты мнѣ испортила...

И мысленно представляя себѣ, какъ легко онъ разстанется съ ней, и холодно думая о томъ, что равнодушно разобьетъ ея жизнь, онъ усѣлся передъ зеркаломъ и привлекъ ее къ себѣ.

— Мнѣ надо уйти, Берточка,—сказалъ онъ, цѣлуя ее.—Теперь меня задерживать нельзя, а то я буду недоволенъ. Я пойду въ банкъ и внесу тысячу рублей на текущій счетъ. Вернусь я къ обѣду. А теперь прыгай на полъ и помоги мнѣ одѣться.

Онъ уже привелъ свои волосы въ порядокъ и всталъ. Потомъ открылъ шкафъ и долго стоялъ въ раздумьѣ передъ небольшою связкой воротниковъ, не зная, какой выбрать. Стоячій придавалъ его фигурѣ что-то гордое, аристократическое, военное, а въ отложномъ выигрывала его красивая, бѣлая шея, которая такъ нравилась женщинамъ. Не посовѣтоваться ли съ Бертой?

— Берточка, какой воротничекъ мнѣ надѣть сегодня?

— По моему,—отвѣтила Берточка, послѣ глубокаго раздумья, ты лучше безо всякаго воротника. Я очень люблю твою красивую шею. Она у тебя, какъ у художника. Но если выбирать, то я предпочла бы стоячій, такъ какъ въ немъ ты похожъ на офицера, хотя, Леончикъ, и отложной къ тебѣ очень идетъ. Удивительно, какъ идетъ. Даже жаль подумать, что ты надѣнешь стоячій. Впрочемъ, дѣлай, милый, какъ хочешь.

Оба снова задумались надъ вопросомъ: она, приложивъ свой толстенькій мизинецъ къ губамъ и граціозно склонивъ головку на бокъ, а онъ—чуть хмурясь и уперши руки въ бока.

— По моему, отложной,—говорилъ Леонъ рѣшительнымъ тономъ,—хотя нѣтъ, стоячій все-таки лучше.

— Я придумала выходъ,—объявила Берточка.— Ты, Леончикъ, закроешь глаза, я подведу тебя къ шкафу, и ты выберешь наугадъ. Какой попадется, тотъ ты и надѣнешь.

— Ахъ ты, умница,—весело промолвилъ Леонъ и поцѣловалъ ее въ шейку.

И вотъ началась восхитительная игра. Леончикъ очень плотно закрылъ глаза и довѣрился Берточкѣ. Она повела его въ противоположную сторону, лукаво улыбаясь, высунувъ кончикъ розоваго языка и раскачиваясь вмѣстѣ съ нимъ. Счастье одухотворяло ея лицо. Сейчасъ начнется столъ, потомъ вѣшалка, потомъ шкафъ...

— Гдѣ же воротнички? — спрашивалъ онъ, натываясь на стѣны.

А она тихо смѣялась и повторяла: теперь вѣшалка, а скоро будетъ и шкафъ... Развѣ ты не видишь воротничковъ? Вотъ же они! Какой ты неловкій!

Съ недоумѣніемъ на лицѣ и вздрогнувъ, онъ пріоткрылъ одинъ глазъ и расхохотался, увидѣвъ, что суетъ руку въ умывальную чашку. Тогда онъ бросилъ ее и оба вдругъ побѣжали вокругъ комнаты, какъ дѣти, неизвѣстно чему обрадовавшись. Онъ кричалъ: отложной, а она: стоячій, стоячій!

Такъ и рѣшили: сегодня онъ долженъ быть похожимъ на гордаго аристократа. Потомъ началось мученіе съ вдѣваніемъ запонокъ, и веселое смѣнилось трагическимъ, когда нѣжный Леонъ причинилъ своимъ драгоценнымъ пальцамъ боль. Лицо его моментально исказилось отъ гнѣва, а съ устъ понеслись проклятія всѣмъ подлымъ фабрикантамъ, которые продаютъ нарочно одни отвратительные товары. Дальше уже пошло легче и черезъ нѣкоторое время Леонъ оказался въ свѣтломъ съ полосками пиджакѣ, въ такихъ же брюкахъ, въ парусиновыхъ туфляхъ и въ соломенной шляпѣ, изъ-подъ которой эффектно свисала прядь его свѣтло-пепельныхъ волосъ.

Поцѣлуй горячій и поцѣлуй сладкій... корридорчикъ... нѣжное пожеланіе... улыбка... еще поцѣлуй страстный, пламенный, и вотъ Леонъ Дрей уже на улицѣ въ сутолокѣ, среди гама... Куда пойти раньше?

Въ садъ ли, на свиданіе съ шляпницей Машенькой, или прямо въ банкъ? Скажи, Леонъ, чего ты хочешь: въ банкъ или на свиданіе?

Онъ пошелъ, прячась въ тѣни домовъ, прижавъ палку къ ногѣ, какъ шпагу.

«Да,—думалъ онъ,—я вижу, какъ ты, Машенька, быстро крадешься по улицамъ, чтобы придти во время на свиданіе, но я, Машенька, не пойду. Можетъ быть, ты въ эту минуту тихо плачешь отъ огорченія, что я не пришелъ! Богъ знаетъ, съ какимъ трудомъ тебѣ удалось вырваться изъ мастерской, чтобы побѣжать въ садъ на свиданіе со мной, но все-таки я не пойду. Какое удовольствіе играть въ любовь съ дѣвочкой, когда надо, чтобы она безъ долгихъ разговоровъ отдалась ему и исчезла навсегда. До свиданія, Машенька!»

Такъ разсуждая и фантазируя, онъ незамѣтно очутился въ знакомой улицѣ, гдѣ подъ старинными съ облупившейся штукатуркой, колоннами, въ большомъ, полукругломъ, двухъэтажномъ строеніи помѣщался рядъ галантерейныхъ магазиновъ.

«Я нахожусь подлѣ магазина моего будущаго тестя, насмѣшливо подумалъ Леонъ, вынимая золотые часы изъ кармана. Навѣщу его. Теперь половина одиннадцатаго, въ банкѣ я буду въ половинѣ двѣнадцатаго. Ну, къ милому тестю... Пожалуйте, Леонъ!»

Теплая дрожь пробѣжала у него по тѣлу. Никакихъ лавокъ для отца, ни другихъ глупостей. Въ его дѣйствіяхъ долженъ быть уничтоженъ всякій рискъ. «Мадамъ, позвольте мнѣ денегъ! Дураки, позвольте мнѣ денегъ. Благодарю васъ!..»

И увѣренно, весело, онъ вошелъ въ магазинъ и приподнялъ галантно шляпу.

Магазинъ Шпильмана... Старая большая вывѣска съ поблекшими золотыми буквами: «Модный магазинъ галантерейныхъ товаровъ Іосифа Шпильмана». То же

самое на рядѣ другихъ вывѣсокъ, повѣшенныхъ угломъ и по бокамъ двери и на особыхъ картонахъ въ окнахъ. То же самое на всѣхъ коробкахъ внутри, точно это было названіе самаго ходкаго товара.

Темноватая комната съ налетомъ сырости на стѣнахъ и съ очень грязнымъ, закопченнымъ потолкомъ, который, вѣроятно, не бѣлили лѣтъ двадцать... На небольшомъ разстояніи отъ стѣны тянулся прилавокъ, замкнутый съ двухъ сторонъ, — съ однимъ выходомъ, устроеннымъ въ видѣ двери, поднимавшейся кверху. Вдоль стѣнъ шли полки, уставленные сплошь зелеными коробками съ самыми причудливыми названіями. На протянутомъ шнуркѣ висѣли дамскія сорочки, фуфайки, зонтики, вѣера, платки и другіе предметы. Въ большихъ окнахъ красовались кошельки, модныя кофточки на манекенахъ, мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ, бритвы, саквояжи и многое другое. Все это было мало замѣчательно, за исключеніемъ того лишь, что нѣкоторые товары по какому-то таинственному соображенію находились не тамъ, гдѣ указано было точно ихъ мѣстопробываніе, а въ совершенно иномъ порядкѣ. Напримѣръ, черный тюль находился въ коробкѣ отъ брющодержателей, дамскіе носовые платки находились въ булавахъ, мужскія сорочки въ галстукахъ, муслинъ въ тафта-бланшъ и такъ далѣе и такъ далѣе... Какая цѣль была въ этомъ умышленномъ безпорядкѣ, трудно было понять. Можетъ быть, этого требовало само дѣло, можетъ быть и что-нибудь другое. Несомнѣнно одно, что практиковалось это во имя какихъ-то высшихъ интересовъ, извѣстныхъ лишь одному господину Шпильману. Но, какъ можно догадаться, на этой почвѣ происходило не мало забавныхъ и досадныхъ недоразумѣній, за которыя приходилось расплачиваться всѣмъ тремъ приказчикамъ, обслуживавшимъ магазинъ. Въ особенности часто доставалось отъ господина Шпильмана очень кроткому, достойному молодому человѣку Саулу Розену, старшему приказчику. Саулъ Розенъ былъ вдумчивый молодой человѣкъ,

лѣтъ двадцати пяти, очень нѣжный, терпѣливый. Онъ служилъ у Шпильмана третій годъ, — аккуратно и добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, никогда не опаздывалъ на службу, уходилъ позже всѣхъ, а самое главное отлично переносилъ всѣ выходки своего хозяина. Все шло бы, вѣроятно, и дальше хорошо, если бы на несчастье онъ не почувствовалъ глубокой, сильной и нѣжной страсти къ дочери господина Шпильмана, прелестной Бертѣ. Съ этой минуты жизнь его превратилась въ жесточайшую пытку. Роковое чувство повисло надъ нимъ, какъ черная туча, — онъ окончательно ушелъ въ себя, полюбилъ луну и пристрастился писать стихи. Несчастное стеченіе обстоятельствъ послужило началомъ его злключеній, и уже не проходило дня безъ того, чтобы господинъ Шпильманъ не доводилъ его до слезъ.

Сегодняшнее утро началось у Саула съ большихъ неприятностей. Господинъ Шпильманъ, уловивъ свободную минуту, отвелъ его въ сторону и любезно подѣлился съ нимъ радостной вѣстью о томъ, что дочь его Берта сдѣлалась невѣстой, и что свадьба будетъ сыграна мѣсяцевъ черезъ шесть. Саулъ Розенъ, привыкшій мужественно скрывать боль своей души, сумѣлъ даже улыбнуться, поздравилъ господина Шпильмана, пожелалъ дрожащимъ голосомъ счастья молодымъ, но все-таки эта чрезвычайно мучительная боль привела къ тому, что онъ на глазахъ хозяина выпустилъ очень выгодную покупательницу. Господинъ Шпильманъ, конечно, разсвирѣпѣлъ. Сраженный справедливыми укорами своего хозяина, Саулъ вышелъ въ заднюю комнатку, и начерталъ карандашемъ въ синей тетрадкѣ, которую носилъ всегда при себѣ

Ради тебя, Небесная, я страдаю!

Возвышенная! Я страдаю!

О, гдѣ ты?

Потомъ хладнокровно вернулся въ магазинъ и, скрестивъ ноги, меланхолически сталъ выглядывать на

улицу, словно онъ не совершилъ ничего преступнаго...

Вскорѣ въ магазинъ явилась госпожа Шпильманъ, и не успѣлъ еще младшій приказчикъ, веснучатый юноша лѣтъ пятнадцати, котораго Шпильманъ называлъ «господинъ Мишка», взять у хозяйки шляпу и зонтикъ, какъ въ магазинъ вошелъ блѣдный молодой человекъ, изъ такъ называемыхъ франтовъ, и высокомернымъ голосомъ велѣлъ показать себѣ пару брюкодержателей. Господинъ Шпильманъ насторожилъ уши, изобразилъ страданіе на лицѣ и отложилъ карандашъ, которымъ только что выводилъ какія-то цифры на бумажкѣ. Саулъ Розенъ, вздрогнувъ, спросилъ привычнымъ, вѣжливымъ голосомъ:

— Вамъ какихъ? Подороже или подешевле?

И почти не глядя съ смѣлой беззаботностью взялъ коробку «розовыя ленты», на лету раскрылъ ее, и передъ блѣднымъ молодымъ человекомъ очутилась пачка превосходныхъ недорогихъ брюкодержателей.

— Я хотѣлъ бы подороже, — не удаивая приотронуться къ пачкѣ, высокомерно сказалъ франтъ, — этакъ рубля въ два или три пару. И покажите розовато-сиреневаго цвѣта, расшитые посрединѣ желтыми звѣздочками.

— Васъ просятъ поторопиться, — саркастически, но вѣжливо сказалъ господинъ Шпильманъ Саулу Розену.

Саулъ бросился куда-то и смѣшался... Куда онъ запряталъ дорогіе брюкодержатели? Ахъ, да! они, кажется, лежатъ въ коробкѣ отъ душистаго мыла. Конечно, съ улыбкой подумалъ онъ, они въ коробкѣ отъ душистаго мыла. Я напрасно испугался. Однако, ихъ нѣтъ тамъ! Можетъ быть, они въ женскихъ перчаткахъ? И тамъ ихъ нѣтъ. Но гдѣ же они? Можетъ быть, въ «кальсонахъ». Мишка, лѣстницу!

— Господинъ Мишка, лѣстницу, — крикнулъ Шпильманъ.

Но и въ кальсонахъ ихъ нѣтъ! Холодный потъ выступилъ на лбу Саула. Какой хорошій стихъ мель-

кнулъ у него въ головѣ: «небесная, какъ барашекъ прячется среди цвѣтовъ»... Мишка, убери лѣстницу.

Онъ сталъ лихорадочно быстро раскрывать коробки: тафта-бланшъ, муслинъ, крепъ де шинъ, музръ, дамскія сорочки, черныя пуговицы, перламутровыя пуговицы, тесемки, — брюкодержателей нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Тогда онъ остановился, взялся за подбородокъ и поглядѣлъ на потолокъ. Потомъ засунулъ палецъ въ ухо. Иногда это помогало...

— Куда же вы, чортъ васъ возьми со всѣмъ вашимъ семействомъ, спрятали дорогіе брюкодержатели, — зашипѣлъ господинъ Шпильманъ. — Все о мирѣ и остальное вы знаете...

Куда онъ ихъ спряталъ? Если бы онъ могъ вспомнить! Теперь самъ дьяволъ ихъ не найдетъ. Кажется, они лежали въ «крепѣ»? Да, онъ почти видитъ, какъ они лежали въ «крепѣ». Посмотримъ еще разъ въ «крепѣ».

Между тѣмъ блѣдный франтъ началъ явственно выражать увѣренность въ томъ, что такихъ брюкодержателей, какіе ему нужны, здѣсь не имѣется. Онъ даже сдѣлалъ шагъ къ дверямъ, какъ тутъ вмѣшалась въ дѣло госпожа Шпильманъ.

— Молодой человѣкъ, — сказала она шутливо и стараясь прельстить его, — зачѣмъ вамъ дорогіе брюкодержатели? Можетъ быть, вы все-таки выберете изъ этихъ? Во-первыхъ, позвольте вамъ замѣтить, тѣ несколько не лучше, если хотите знать правду. Во-вторыхъ, это вѣдь не шляпа и не галстукъ. Сауль, посмотрите въ «пенснэ», можетъ быть, вы ихъ туда положили... Это не дамская шляпка, которую всякій можетъ увидѣть. Сауль, можетъ быть въ «ножницахъ»? Молодой человѣкъ, прошу васъ, васъ проситъ дама, рассмотрите эти брюкодержатели.

— Но это не того цвѣта, что мнѣ нужно, мадамъ, — охотно началъ объяснять молодой франтъ. — Я хочу розовато-сиреневые, а эти какого-то кофейнаго цвѣта. Кромѣ того, необходимо, чтобы они были расшиты желтыми звѣздочками.

— Зачѣмъ же непременно желтенькими звѣздочками!—изумилась госпожа Шпильманъ.—Это даже некрасиво. Вотъ черненькими, я понимаю. Возьмите парочку, прошу васъ.

— Не могу, мадамъ, — любезно отказалъ молодой франтъ. — Дѣло въ томъ, что я дома обыкновенно не ношу жилетки, а мнѣ очень къ лицу розовато-сиреневые брюкодержатели съ желтенькими звѣздочками.

Теперь сама госпожа Шпильманъ пожала плечами и бросилась искать.

«Перламутровыя пуговицы, шнуры, муаръ, черти, холера», — съ тихимъ бѣшенствомъ бормотала она. — Господинъ Мишка, не стой, какъ столбъ.

Въ магазинъ поднялась буря. Приказчики метались, какъ угорѣлые. Саулъ Розень, блѣдный, какъ смерть, съ быстротой молніи взлеталъ по лѣстничкѣ къ потолку, то бросался внизъ, господинъ Шпильманъ дьявольски грозно шипѣлъ, но брюкодержатели какъ въ воду канули.

— Такъ до свиданія, — вѣжливо сказалъ франтъ, приложивъ два пальца къ шляпѣ, какъ военный, отдающій честь, и открылъ дверь.

— Подождите одну минуточку, молодой человѣкъ. Молодой человѣкъ, я вамъ еще другіе покажу, — крикнули супруги Шпильманъ, выбѣгая изъ-за прилавка.

— Подождите! — гаркнули младшіе приказчики, бросаясь за франтомъ.

Но куда? Тотъ только быстрѣе зашагалъ, и съ изумительнымъ проворствомъ скрылся въ сосѣднемъ магазинѣ.

Когда оцѣпенѣніе, длившееся съ минуту, прошло, господинъ Шпильманъ разразился отборной бранью. Въ дверяхъ показался Леонъ Дрей, съ шляпой, галантно приподнятой, надъ головой. Онъ ласково улыбался. Господинъ Шпильманъ, минуя взглядомъ своего будущаго зятя, который отвѣшивалъ поклоны всѣмъ, находившимся въ магазинѣ, грузными шагами подошелъ вплотную къ Саулу Розену и, скрестивъ руки на груди, холодно спросилъ его:

— Сауль Розень, вы хотите меня разорить? Признайтесь! мнѣ это надо знать сейчасъ.

— Нѣтъ, господинъ Шпильманъ, — мелодическимъ голосомъ отвѣтилъ Сауль. — Я не хочу васъ разорить.

— Чего же вы хотите, все о мѣрѣ... если не этого? Разыскать мнѣ сейчасъ дорогіе брюкодержатели, крикнулъ онъ, вдругъ давъ по пощечинѣ господину Мишкѣ и второму приказчику Сашкѣ. — Я вамъ покажу, мерзавцы, какъ получать даромъ жалованье! Все о мѣрѣ и остальное вы знаете? — грозно допросилъ онъ ихъ,

— Знаемъ, знаемъ! — гаркнули оба въ одинъ голосъ.

— Перевернуть всю лавку вверхъ дномъ! — кричалъ онъ, топая ногами. — А у васъ, Сауль, — заговорилъ онъ вдругъ спокойнымъ голосомъ, — я высчитаю два рубля изъ жалованья. Это васъ научить запоминать мѣсто каждаго товара. Какъ мнѣ ни жаль вашихъ двухъ рублей, — со вздохомъ прибавилъ онъ, — но я долженъ ихъ отнять у васъ.

Сауль Розень краснорѣчиво молчалъ, а Леонъ Дрей, засунувъ руки въ карманы, съ искреннимъ удовольствіемъ слѣдилъ за господиномъ Шпильманомъ и за трепещущими приказчиками.

— Зачѣмъ, Сауль, — продолжалъ Шпильманъ — вы выбрали карьеру приказчика? Какой чортъ внушилъ вамъ эту мысль? Почему вы лучше не пошли въ водовозы? По моему искреннему и честному мнѣнію изъ васъ вышелъ бы отличный водовозъ. Не правда ли, господинъ Мишка?

— Очень правда, хозяинъ, — льстиво улыбаясь, отвѣтилъ господинъ Мишка.

А Сауль Розень упорно хранилъ молчаніе. Что ему потеря двухъ рублей, когда впереди вечеръ, мечты о прелестной Бертѣ и стихи, стихи...

Леонъ Дрей, насладившись въ волю этой веселой и поучительной сценой, тепло распростился съ своими будущими родственниками и, бросивъ презрительный взглядъ на Саула Розена, на господина Мишку и

Сашку, вышелъ на улицу. Здѣсь онъ глубоко и радостно вздохнулъ и легкими танцующими шагами, прижавъ палку къ ногамъ, какъ шпагу, направился въ банкъ.

Еще стоя въ магазинѣ будущаго тестя, Леонъ отъ сознанія своей силы и независимости испытывалъ легкое, пріятное головокруженіе, но здѣсь на улицѣ огромное чувство радости совершенно завладѣло имъ, и окружающее предстало передъ его взоромъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ не узнавалъ улицъ, столь нарядными онѣ казались ему, люди рисовались благодушными, дружески настроенными, дѣвушки и женщины привѣтливыми, и всѣ какъ будто звонкими голосами кричали: «Да здравствуетъ Леонъ Дрей! Ура Леону Дрею!..»

— Но за что, милые, прекрасные, добрые?—думалъ онъ.— За что, друзья мои?

Теплыя слезы подступили къ его горлу, глаза тихо заблестали, и чувство благодарности и смиренія овладѣло его душой.

«Господи Боже мой»,—подумалъ онъ, обративъ свои взоры къ небу,—«Ты и я, Леонъ Дрей, понимаемъ другъ друга. Ты знаешь, и я знаю, чего мы оба хотимъ. Ты хочешь возвысить надъ людьми своего Леона... Но вѣдь онъ мерзавецъ, актеръ... Въ немъ кипитъ подлая Дреевская кровь! Хорошо ли Ты сдѣлалъ, подаривъ ему тысячу рублей, которые онъ сейчасъ отнесетъ въ банкъ на текущій счетъ? Въ достойныя ли руки далъ ты эту сумму, которая положитъ начало его благополучію и власти? Вѣдь Ты знаешь, кто онъ! А, впрочемъ, я уываю руки, помогай мнѣ, на то Ты и Богъ»,—пробормоталъ онъ, усмѣхнувшись.

Успокоивъ свою совѣсть и подкрѣпленный душевно, онъ остановился у витрины какого-то банкирскаго дома, и съ нескрываемой жадностью сталъ разсматривать выставленные русскіе и иностранные образцы денежныхъ знаковъ.

«Какія прелестныя бумаги»,—думалъ онъ, любуясь акціями, облигаціями, кредитками и пытаясь даже сосчитать, на какую сумму здѣсь находилось денегъ. «О, если бы какимъ-нибудь волшебствомъ это толстое богемское стекло исчезло, если бы онъ могъ сдѣлаться на мигъ невидимымъ, или будь у него лампа Аладина, какъ быстро и проворно онъ набилъ бы свои карманы этими прекрасными драгоценными бумагами!»

«Леонъ, Леонъ»,—сказалъ онъ себѣ,—«развѣ тебѣ не стыдно?»

«Нѣтъ, мнѣ не стыдно!»

«Неправда, ты клеветашь на себя! Я знаю, что ты жаденъ, болтливъ, подлъ, любишь дѣвочекъ, но только не воръ».

«Нѣтъ, воръ!..»

«Нѣтъ, не воръ,—не спорь со мной».

«Мерзавецъ»,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.— «Замолчи, не раздражай меня».

Улыбка заиграла на его устахъ... Онъ снова бросилъ умильный взглядъ на драгоценныя бумаги, потомъ прощальный, означавшій лишь до свиданія, для чего приложилъ къ шляпѣ указательный палецъ и уже безъ новыхъ приключеній прошелъ небольшое разстояніе, отдѣлявшее его отъ банкирскаго дома Мальцевскій и комп.

Взглядъ направо, взглядъ налево. Все на своемъ мѣстѣ... Вывѣски по бокамъ, двѣ витрины, большая вывѣска надъ входной дверью. Объявленія о страховкѣ выигрышныхъ билетовъ, отдѣльные картонки съ напечатанными номерами купленныхъ здѣсь билетовъ, на которые палъ двухсотъ-тысячный выигрышъ, биржевые бюллетени, все это Леонъ Дрей схватилъ глазомъ сразу, и душа его сейчасъ же преисполнилась гордостью. Черезъ минуту онъ станетъ маленькимъ винтикомъ въ этомъ колоссальномъ механизмѣ, маленькимъ, незамѣтнымъ членомъ могущественной кучки людей, ворушающихся милліонами. Какая радость, какое счастье! Онъ ли это, Леонъ Дрей?

Онъ войдетъ неслышно, на цыпочкахъ, презираемый всѣми отъ мелкаго служащаго до всесильнаго шефа,— но подобно прилипчивой болѣзни, подобно червяку на виноградникѣ сейчасъ же протянетъ свои щупальцы во всѣ стороны и осторожно, крадучись, затянетъ всѣхъ въ одной петлѣ. Какое наслажденіе ожидаетъ его въ будущемъ!..

Увѣренными шагами онъ вошелъ въ банкъ, изящнымъ жестомъ снялъ шляпу съ головы, нарочито вытеръ лобъ, хотя пота на немъ не было и тогда лишь изобразилъ на своемъ лицѣ натуральное недоумѣніе человѣка, очутившагося въ незнакомомъ мѣстѣ...

«Долженъ же», — подумалъ онъ, подойти ко мнѣ какой-нибудь изъ здѣшнихъ мерзавцевъ съ вопросомъ: «что вамъ угодно, милостивый государь?»

Банкъ находился въ первомъ этажѣ и занималъ обширное помѣщеніе, раздѣленное на двѣ половины рѣшетчатой перегородкой. Тамъ, за этой перегородкой, въ клѣтушкахъ подъ номерами одинъ, два, три и т. д., отгороженные другъ отъ друга поперечными рѣшетками сидѣли очень прилично одѣтые служащіе, въ шевелюрахъ и лысые, бакенбардисты, бородачи и бритые. Тутъ была цѣлая галерея портретовъ, изъ которыхъ каждый олицетворялъ какое-нибудь чувство дѣловаго человѣка: озабоченность, суетливость, легкій налетъ грусти, внимательность, привѣтливость, удивленность, вопросъ, согласіе и т. д. Щелкали на счетахъ, скрипѣли перья быстро и не столь быстро, стучали на пишущихъ машинахъ. Пахло новенькими кредитками, чернилами, кожей полсотни паръ башмаковъ, бутербродами съ ветчиной и съ колбасой и все вмѣстѣ—и смѣшанный запахъ и оживленная дѣятельность въ клѣтушкахъ очень понравились все еще изображавшему недоумѣніе Леону Дрею.

— Вамъ собственно, что угодно,—не особенно любезно, но не особенно и нелюбезно спросилъ какой-то летающій по банку господинъ съ выхоленнымъ подбородкомъ, внезапно остановившись подлѣ Леона Дрея.

— Да вотъ, — съ готовностью, звучно и ясно выговаривая, отвѣтилъ Леонъ, перемѣнивъ выраженіе лица на ласковое и добродушное, — хочу положить свои деньги на текущій счетъ и не знаю куда обратиться. Стою же я здѣсь уже съ полчаса и удивляюсь, говоря по совѣсти, почему никто ко мнѣ не обращается съ вопросомъ, который вы сейчасъ изволили предложить мнѣ.

— На текущій счетъ? — притворившись, что не слышалъ послѣднихъ словъ, переспросилъ господинъ, уже собравшійся улетѣть. — А много ли предполагаете внести денегъ? — полюбопытствовалъ онъ.

— Это я уже тамъ заявлю, — уклончиво, но съ достоинствомъ сказалъ Леонъ. — Вы только укажите гдѣ. Я, милостивый государь, откровенностей не люблю, въ особенности въ такихъ дѣлахъ, — прибавилъ онъ, притворно нахмурившись.

— Обратитесь въ отдѣленіе подъ номеромъ 3, — немного обиженно отвѣтилъ господинъ и быстро помчался куда-то съ такимъ видомъ, будто нивѣсть что случилось или загорѣлась касса.

Леонъ Дрей улыбнулся и пошелъ вдоль зала размѣренными, солидными шагами, заложивъ руки за спину.

«Хорошій залъ, — одобрилъ онъ, — прекрасный строгій стиль, много свѣта, много воздуха. Надо будетъ похвалить, если придется къ слову. А здорово я умѣю пускать пыль въ глаза, улыбнулся онъ. Покажу я вамъ, мерзавцы, кто такой Леонъ Дрей!»

Передъ его глазами блеснула цифра 3, нарисованная черной краской. Въ этомъ отдѣленіи за столомъ, почти скрытымъ подъ грудой банковыхъ бумагъ, чековыхъ книжекъ, векселей, гроссбуховъ и проч., сидѣлъ плотный господинъ лѣтъ тридцати пяти, совершенно плѣшивый, но съ чудными, длинными холеными бакенбардами. Передъ нимъ стоялъ стаканъ очень крѣпкаго чая, въ которомъ плавали двѣ мухи, на что Леонъ Дрей немедленно обратилъ свое настороженное

вниманіе. Такъ какъ посѣтителей въ банкѣ было еще не очень много, то доступъ къ господину въ бакенбардахъ оказался легкимъ. Леонъ Дрей переждалъ почтительно одну старую даму, державшую собачку подъ мышкой, и привѣтливо поклонившись бакенбардисту, рассказалъ ему красивыми, отборными словами, но очень кратко о своемъ дѣлѣ. Бакенбардистъ внимательно выслушалъ его, склонивъ голову на бокъ, и предложилъ заполнить опросный листокъ.

— Прекрасно, — сказалъ Леонъ Дрей, — но не можете ли вы сообщить мнѣ, сколько банкъ за сто платитъ вкладчикамъ?

Узнавъ, что банкъ платитъ четыре процента, онъ взялъ листокъ изъ рукъ бакенбардиста, и очень довольный милымъ обхожденіемъ, которое встрѣтилъ здѣсь, усѣлся за столъ, стоявшій у стѣны, и четко написалъ, что Леонъ Дрей, сего числа, сдалъ въ банкъ на текущій счетъ тысячу рублей кредитными бумажками, — итого: тысячу рублей, и еще разъ «тысяча рублей» словами, указалъ свой адресъ и подписался «Леонъ Дрей», съ мужественнымъ росчеркомъ, однако, весьма отчетливо и внушительно. Просушивъ написанное песочкомъ, онъ тотчасъ же, держа на отлетѣ шляпу и палку, передалъ господину въ бакенбардахъ листокъ и попросилъ поторопиться, оправдываясь тѣмъ обстоятельствомъ, что у него сегодня на рукахъ много спѣшныхъ дѣлъ, а главное, не желалъ бы опоздать на важное свиданіе съ однимъ извѣстнымъ фабрикантомъ, милліонеромъ Гагеномъ.

— Такъ вы имѣете удовольствіе знать господина Гагена? — съ уваженіемъ въ голосѣ освѣдомился бакенбардистъ, взявъ листокъ изъ рукъ Леона. — Завидую вамъ! Это прекраснѣйшій, превосходнѣйшій изъ людей, которыхъ когда-либо рожала земля.

— Удивительной доброты, — убѣжденно повторилъ Леонъ Дрей, не имѣвшій о Гагенѣ никакого представленія, но знавшій о немъ кое-что изъ десятыхъ рукъ.

— Вотъ съ кѣмъ хорошо имѣть дѣло, — вздохнулъ бакенбардистъ. — Милліонеръ, джентльменъ, англоманъ лучшей марки, и притомъ благотворитель!

— О да, — небрежно сказалъ Леонъ. — Напримѣръ, одно зданіе, выстроенное имъ для сиротъ, чего стоитъ?

— Первое зданіе въ городѣ! Какая красота стиля!

— И стиль изумительный, — смѣло подтвердилъ Леонъ Дрей, — истинно мавританскій.

— Кажется итальянскій, — неувѣренно промолвилъ бакенбардистъ. — Но если вы настаиваете, то я отказываюсь поддерживать свое мнѣніе.

— Я готовъ подтвердить эти слова, — простодушно сказалъ Леонъ Дрей, — такъ какъ мнѣ оно извѣстно отъ самого господина Гагена. — Стиль зданія настоящій мавританскій.

— Не смѣю спорить съ вами, милостивый государь.

Между тѣмъ листокъ Леона былъ переданъ какому-то юношѣ съ проборомъ на головѣ, и пока все было записано, разнесено по книгамъ, Леонъ Дрей успѣлъ перекинуться съ бакенбардистомъ еще нѣсколькими любезными, ничего не значущими словами:

— Въ вашемъ чаѣ плаваютъ двѣ мухи, — сказалъ онъ, указывая пальцемъ на стаканъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ бакенбардистъ, — но онѣ мнѣ не мѣшаютъ. Я обыкновенно удаляю ихъ ложечкой и пью свой чай очень спокойно.

— А я бы ее могъ, — признался Леонъ. — Для меня какая-нибудь муха или другое насѣкомое въ чаѣ, или въ пищѣ хуже яда.

— Это привычка, милостивый государь. Я, напримѣръ, не выношу устрицъ, а французы обожаютъ лягушекъ.

Помолчали. Леонъ Дрей ласково смотрѣлъ въ глаза бакенбардисту, а тотъ улыбался ему.

— Какое прекрасное помѣщеніе взято вашей компаніей подъ банкъ, — выговорилъ Леонъ Дрей. — Здѣсь много свѣта, воздуха. Великолѣпный стиль. Я просто очарованъ.

— И, однако, тутъ имѣется одинъ важный недостатокъ,—тихо сообщилъ бакенбардистъ. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ намъ нѣтъ житья отъ мухъ, Представьте, по близости нѣтъ никакой воды, ни травки, ни деревьевъ, а между тѣмъ гибель мухъ. Совершенно непонятное явленіе.

— Можетъ быть, ихъ личинки зимуютъ гдѣ-нибудь по близости? Не слишкомъ ли пористы ваши стѣны?

— Вотъ этого, милостивый государь, по совѣсти я не могъ бы вамъ сказать. Стѣны не изслѣдованы, да и вопросъ этотъ никому не приходилъ въ голову.

Въ эту минуту юноша съ пробормомъ на головѣ принесъ расчетную книжку Леона, книжку чековъ и разговоръ самъ собой прекратился. Появились вкладчики.

— Передайте господину Гагену мое нижайшее почтеніе,—сказалъ бакенбардистъ громко, вручая Леону чековую и расчетную книжки.—Я всегда готовъ къ его услугамъ.

— Сочту своимъ долгомъ передать ему ваши слова,—обязательно и также громко, ради того, чтобы посятели обратили на него вниманіе, отозвался Леонъ Дрей.

Послѣ этого онъ отошелъ въ сторону, провѣрилъ цифры въ расчетной книжкѣ, кивнулъ головой направо, налево и, наконецъ, разрѣшилъ себѣ удовольствіе разсмотрѣть и чековую книжку съ напечатаннымъ въ ней именемъ «Леонъ Дрей».

«Прекрасно, мерзавцы, отпечатали, — съ наслажденіемъ подумалъ онъ, впившись глазами въ фіолетовыя, собранныя въ стройную колонку, буквы. — Молодцы! Благодарю васъ! Ну, Леонъ, попрощайся съ книжкой. Надо ее спрятать».

Такъ размышляя, онъ весело вышелъ изъ банка и быстро зашагалъ, размахивая палкой.

«Теперь, Леонъ, можно легонько и перекусить чѣмъ-нибудь! Выпью рюмку водки, съѣмъ бутербродъ съ сардинкой, —говорилъ онъ себѣ, стрѣльнувъ между прочимъ глазами въ проходившую мимо него дамочку».

Дамочка стрѣльнула въ отвѣтъ и полуобернулась. Откинула головку назадъ.

«Навѣрное тварь, гордо подумалъ онъ, закрутивъ усы! Знаемъ васъ, милья! Однако, обернемся, стрѣльнемъ еще разъ. Нѣтъ, не хочу. Ну ее!.. До свиданія, мадамъ! Не дасть вамъ Леонъ поласкать свое чудное тѣло. Вотъ еще!..»

Подвигаясь впередъ, наслаждаясь встрѣчной элегантной публикой, онъ незамѣтно отдался пріятнымъ мечтамъ о той, которая нѣкогда сдѣлается его женой. «Она будетъ и красивѣе и очаровательнѣе той, которая сейчасъ встрѣтилась ему. Даже лучше извѣстныхъ красотокъ, Мельниковой и Чертковой. О, нѣжная будущая подруга Леона! Гдѣ-то она теперь? Навѣрное подрастаетъ еще гдѣ-нибудь въ роскошныхъ барскихъ хоромахъ подъ бдительнымъ присмотромъ честной, строгой гувернантки, почтенной мамы и мудраго милліонера отца. Расти же, расти, прелестный ребенокъ съ голубыми глазами; веселись и не знай заботъ. Твой будущій супругъ бдитъ! Спи спокойно, дитя мое... Скажи, Леонъ, аминь!»...

Прошептавъ три раза аминь и внутренно обозвавъ себя за это ханжей и актеромъ, онъ почувствовалъ, что вмѣсто водки съ большимъ удовольствіемъ выпьетъ хорошей, ароматный стаканъ кофе со сливками, и направилъ свои шаги въ французскую кофейню Дюпона. Дюпона онъ избралъ потому, что его кофейня считалась первой въ городѣ. Въ ней собирались виднѣйшіе граждане: биржевики, банкиры, купцы, кафешантанныя звѣзды, дамы полусвѣта, карточные шулера и другіе не менѣе почетные и почтенные люди.

Программа дня уже была намѣчена Леономъ, когда онъ вошелъ въ ротонду, гдѣ за крошечными мраморными столиками сидѣли дневные посѣтители кофейни. Здѣсь онъ осмотрѣлся, пожалѣлъ, что не носитъ пенснэ, которое бы вскинулъ барскимъ жестомъ на носъ, поискалъ мѣста и величественными шагами направился къ барьеру, откуда его взоръ могъ охватить

и улицу и ротонду со всѣми находящимися въ ней. Положивъ палку поперекъ столика, онъ снялъ шляпу, поправилъ хохолокъ на лбу и важнымъ голосомъ крикнулъ:

— Человѣкъ!

Затѣмъ сѣлъ, мысленно рѣшивъ терпѣливо подождать, пока имъ займутся.

Сначала онъ бросилъ взглядъ на улицу... Досталъ платокъ изъ кармана и красиво прижалъ его къ губамъ. Новый взглядъ на улицу. Прошелъ господинъ въ свѣтло-сѣрыхъ брюкахъ. Ботинки у него были лыжами, широкій поясъ получше, чѣмъ у Леона, а бѣлый пиджакъ—съ воротникомъ шалью и безъ пуговицъ.

— Запомнимъ костюмъ,—подумалъ Леонъ.

Дамочка... Очень высокіе каблочки. Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ! Изящный англійскій костюмъ, крахмальныи воротничекъ, красненькій галстучекъ. Шикарные бока! Бойкій взглядъ направо и налево. Подумала! Вошла въ ротонду и сѣла... Солдатъ... Двѣ хорошенькія гимназисточки. Кормилица въ кокошникѣ. Красная шапка. Когда же и ты, Леонъ, будешь посылать записочки съ красной шапкой?

— Что прикажете?—спросилъ его кто-то.

Леонъ не обернулся, и презрительно отрывисто, какъ если бы былъ полковникомъ, процѣдилъ:

— Стаканъ кофе по-варшавски, очень горячій и пирожки.

«Надо будетъ взять лакея, вдругъ рѣшилъ онъ, слѣдя за «человѣкомъ», который удалился отъ него съ необыкновенной быстротой. Непремѣнно возьму себѣ такого хама въ услуженіе. Леончикъ,—идеть билліардный шулеръ. Сдѣлай видъ, что ты его не знаешь»...

Съ горделивой развязностью, онъ отвернулся отъ шулера и остановилъ свой взглядъ на прелестной молодой женщинѣ, сидѣвшей направо отъ него. Незнакомка завтракала кровянымъ бифштексомъ, посыпаннымъ наструганнымъ хрѣномъ. Она граціозно опери-

ровала ножомъ. Каждый кусокъ мяса она не спѣша обкладывала хрѣномъ и изящнымъ жестомъ подносила его къ своему очаровательному, свѣжему ротикю.

«Пріятная, подумалъ Леонъ, съ удовольствіемъ разглядывая незнакомку и дѣлая бархатные глаза. Но нѣтъ, нѣтъ, сегодня ни за что! Сегодня съ Берточкой, она заслужила. Онъ выпьетъ свой стаканъ здороваго, вкуснаго кофе и пойдетъ къ Берточкѣ. Положитъ голову на ея колѣни, дастъ ей поиграть своими усами и, можетъ быть, вздремнетъ на часъ. А вечеромъ они пойдутъ въ театръ».

Принявъ новое рѣшеніе, онъ придвинулся къ столу, помѣшалъ ложечкой въ стаканъ, и прихлебывая по особенному, деликатно, — не такъ, какъ дома... съ причмокиваніями и вздохами, а беззвучно, — сталъ для развлеченія разглядывать публику, уже тѣсно заполнившую ротонду.

Все знакомыя лица... Вотъ этотъ, и этотъ, и этотъ! Вотъ тотъ! Здравствуйте! Любопытно, и она тоже здѣсь. Здравствуйте, здравствуйте!

Поклонъ въ одну сторону, поклонъ въ другую; въ ту низкій, почтительный, сюда небрежно.

«Тузъ, тузъ, ничтожество, шулеръ, тузъ, пѣвичка, шикарная женщина, тузъ, гонщикъ... А вотъ господинъ въ потертой шляпѣ, дико, небрежно одѣтый. Владеетъ полумилліономъ, экспортеръ... Здравствуйте, здравствуйте. А вотъ этотъ съ нахальнымъ лицомъ, безукоризненно одѣтый. Цилиндръ, палка съ золотой ручкой, тотъ, который шепчетъ ему что-то на ухо, извѣстный аферистъ. Онъ на содержаніи у женщинъ. Здравствуйте не нужно! Вотъ толстенькій, краснощекій, съ кругленькимъ, малиновымъ ротикомъ, поставщикъ шикарныхъ женщинъ, — разбогатѣвшій выскочка. Женщинъ у него, какъ лошадей у коннозаводчика. Извѣстно, что онъ любитъ ихъ бить по щекамъ. Здравствуйте нужно! Ты имъ воспользуешься когда-нибудь, Леонъ? Конечно, воспользуешь!»

А вотъ еще и еще... Какая разряженная, обаятельная,

избалованная толпа любимцевъ судьбы. Будеть ли онъ когда-нибудь въ ихъ рядахъ?

Кофе выпито... Не потребовать ли еще стаканъ? Нѣтъ, жаль денегъ. Не подняться ли и сказать всѣмъ вдругъ:

— Господа, сегодня я положилъ на текущій счетъ тысячу рублей.

«Разсмѣются мерзавцы! Какое значеніе имѣеть здѣсь тысяча рублей. Но вѣдь это только начало, у меня будутъ сотни тысячъ, господа! Не повѣрять, дураки.. А какъ все-таки хочетея сейчасъ, сію минуту хвастнуть передъ кѣмъ-нибудь своими деньгами, показать расчетную книжку или небрежно написать на чекъ»:

«Пятьдесятъ рублей, — Леонъ Дрей!» «Двадцать пять рублей, — Леонъ Дрей!» «Сто рублей, — Леонъ Дрей!»

«Нѣтъ, здѣсь никого не удивишь... Но наступить и твое время, Леонъ. Встань, расплатись и ступай домой. Берточка тебя пойметъ!..

Кто не знаетъ Лоскутной улицы? Если отъ парка повернуть вправо и пройти унылый, незамощенный переулокъ, то мы окажемся спиной къ бульвару. Вотъ тутъ нужно повернуть влѣво и тогда сразу откроется Лоскутная.

Какая пріятная, тихая, молчаливая улица! Дома въ ней двухэтажные, бѣлые, съ причудливыми фронтонами и красными пѣтушками-флюгерами на крышахъ. Окна украшены цвѣтами въ горшечкахъ, а на балкончикахъ выставлены олеандры съ красными розами и фикусы.

Лучше всего Лоскутная въ маѣ, когда распускаются ея акаціи. Въ концѣ марта она уже вся зеленая. Подкрашиваютъ зеленой краской палисадники, привязываютъ къ тонкимъ шестамъ дикій виноградъ, который уже поползъ по стѣнамъ... То тамъ, то здѣсь, между камней выглядываетъ травка. Зацвѣтаеть сирень... А въ

іюнѣ, въ неподвижномъ воздухѣ по ночамъ серебрятся вѣтви старыхъ акацій и Лоскутная дышетъ сладкимъ благовоніемъ.

Смеркается... На Лоскутной тихо... Вдали на горизонтѣ поднимается красная луна, желтѣетъ и спокойно плыветъ среди крохотныхъ облаковъ. Въ десять часовъ она станетъ надъ Лоскутной, одѣнетъ въ бѣлыя ризы деревья и залетъ тихимъ, соннымъ свѣтомъ всю улицу. Тогда у какого-нибудь окна появится женская тѣнь и будетъ молитвенно глядѣть на луну и мечтать. Умретъ суетливый, безпокойный день и наступитъ ночь видѣній и тихихъ кошмаровъ...

Все больше смеркается. Въ домахъ раздѣваютъ дѣтей и укладываютъ ихъ въ кровати. Мужчины рассказываютъ о прожитомъ днѣ, женщины суетятся.. Только въ уютной квартиркѣ Саула Розена тихо. Дѣвушка не первой молодости сидитъ за французскимъ романомъ и мечтаетъ... Часы тикаютъ. Страница уже прочтена... Какъ жадно хочется знать, что будетъ дальше, и какъ жаль, что страница жизни кончилась и никогда уже не повторится... Нѣтъ, она бросить читать! Она больше не въ силахъ продолжать. Развѣ судьба воспитательницы графини не похожа во всемъ на ея судьбу?

Юдифь,—ее звали Юдифь,—нервными, длинными пальцами перевернула страницу, но мысли ея уже далеко... Зачѣмъ читать повѣсть объ этой жизни, когда есть ея повѣсть, повѣсть сестры Эсфири и брата Саула? Если бы рассказать ихъ жизнь какому-нибудь мастеру пера, какому-нибудь романисту, то что за интересная, поучительная книга вышла бы изъ-подъ его рукъ. Какія чудныя слезы проливали бы читатели надъ этой книгой!

«Много лѣтъ тому назадъ въ графствѣ... нѣтъ, не въ графствѣ, а по сосѣдству съ Лоскутной поселилась молодая пара, мужъ съ женой... Что соединило юную дѣвушку съ немолодымъ, суровымъ человѣкомъ? Что ожидало ее впереди?»

Юдифь мечтаетъ... Бя черные глаза, обведенные морщинками, наполняются слезами. Бѣдная мать!..

Въ комнатѣ появляется Эсфирь. Ей 35 лѣтъ, она невысокая, живая, жизнерадостная.

— Саулъ еще не пришелъ,— говоритъ она съ легкимъ безпокойствомъ и исчезаетъ въ спальнѣ..

«Да, Саула еще нѣтъ»,—думаетъ Юдифь, и торопливо прибираетъ что-то со стола.

Старинные часы заунывно, съ передышкой бьютъ разъ, два, три до девяти, и въ тишинѣ Юдифи эти звуки кажутся странно торжественными. Снова появляется Эсфирь и испуганнымъ голосомъ говоритъ:

— Пробыло 9 часовъ — Саула еще нѣтъ.

Обѣ робко смотрятъ другъ на друга. Со стѣнъ, изъ молчаливыхъ комнатъ надвигается страхъ и ползетъ имъ въ душу.

— Онъ въ послѣднее время казался мнѣ очень разсѣяннымъ,— намекая на что-то, сказала Юдифь послѣ молчанія.

— Ты замѣтила? — съ новымъ испугомъ спросила Эсфирь.

— Онъ скрываетъ отъ насъ какую-то тайну,— задумчиво говоритъ Юдифь.

— Тайну?—Развѣ у Саула могутъ быть тайны отъ насъ?— Ты ошибаешься, Юдифь!

— Выйдемъ, Эсфирь, на улицу и подождемъ его у воротъ.

Эсфирь покорно киваетъ головой. Юдифь запираетъ дверь на ключъ и обѣ идутъ къ воротамъ.

— На улицѣ тихо,— какъ эхо произносить Юдифь.

Луна все еще далеко, но теплый полусвѣтъ ея, мягкій, чарующій, уже залилъ крыши, улицу, и, какъ въ видѣннiи, красиво оживають стѣны домовъ. Посеребренные верхушки акацій чуть-чуть звенятъ своими листьями, и что-то кроткое посылаютъ дѣвушкамъ внизъ. И чувствуетъ Юдифь, какъ неслышно передвигается надъ ними существо съ чистымъ человѣче-

скимъ сердцемъ. Трепетный страхъ медленно покидаетъ ее.

— Пойдемъ домой, Эсфирь, — говоритъ она — съ Сауломъ ничего не случится...

Узкій дворъ еще весь въ тѣни. Бѣлая кайма легла на стѣны. Наверху воздухъ синій, свѣтлый. Юдифь молча идетъ по двору. За ней, какъ тѣнь, крадется Эсфирь. На лѣстницѣ онѣ взялись подъ руки и поднимаются медленно: вѣдь у Юдифи слабое сердце, вѣдь у Эсфири больныя ноги!.. Каждая тихо шепчетъ:

— Тебѣ тяжело, Юдифь? Отдохнемъ!

— Ты еще не устала, Эсфирь?

Ключъ въ замкѣ. Дверь вздрагиваетъ.

— Тебѣ не страшно, Юдифь?

— Мнѣ не страшно... Войди, — говоритъ она сестрѣ.

Въ передней мерцаетъ старенькая лампочка, съ голубымъ поблекшимъ абажуромъ. Здѣсь одна вѣшалка. На ней ни одной вещи, и больше ничего нѣтъ въ передней. Налѣво столовая въ два окна. Окна выходятъ во дворъ, и оттого въ столовой рѣдко бываетъ солнце. Тутъ же кушетка стариннаго фасона съ вшитыми большими кофейными пуговицами, которыя мѣшаютъ сидѣть и лежать. Но Юдифь любитъ эту старую кушетку и днемъ отдыхаетъ на ней съ романомъ въ рукахъ.

Зеркаль здѣсь не любятъ... По стѣнамъ развѣшаны небольшія старинныя олеографіи. Краски почти выпѣли на нихъ, и сюжеты этихъ картинъ теперь никому непонятны. На одной какой-то рыцарь стоитъ на колѣняхъ передъ полной дамой. Сбоку на него смотритъ человѣкъ въ красномъ плащѣ. Можетъ быть, это инквизиторъ, кардиналъ, неизвѣстно... За зеленой занавѣсью спрятался мужчина съ кинжаломъ въ рукахъ и сердитымъ взглядомъ слѣдитъ за колѣнопреклоненнымъ рыцаремъ... На другой старикъ съ улыбающимся лицомъ. Онъ держитъ въ рукахъ голову человѣка...

Вотъ рядъ выцвѣтшихъ портретовъ отца, матери, Юдифи и другихъ, давно умершихъ, близкихъ. Загадочные портреты! Что несли съ собой эти люди? Какое дѣло они совершили въ мірѣ? Зачѣмъ жили? Только одна Юдифь сохраняетъ ключъ къ этимъ тайнамъ! Она знаетъ! Только Юдифь бережно донесетъ до могилы тайны былого, какъ лучшую драгоценность своей души.

Подолгу стоитъ она надъ портретами со сладкой скорбью. Оживаютъ дорогіе мертвецы, встаютъ въ своихъ странныхъ забытыхъ одеждахъ, носители иной культуры, и думается ей, что лучше ихъ не было въ мірѣ, столь величественными кажутся ихъ поблекшія лица, столько благородной мудрости таится въ ихъ глазахъ...

Чувствуетъ она, что жизнь есть лишь мимолетное мгновеніе кого-то улыбнувшася, или кого-то вздохнувшася и, обвѣянная чарами своихъ грезъ, страстно хочетъ того времени, когда и ей можно будетъ переселиться на вѣки въ одну такую рамку подъ стекломъ...

Нѣсколько шаговъ по коврику, и Юдифь входитъ въ спальную. Здѣсь, какъ въ ларцѣ, хранится исторія остановившихся двухъ жизней: ея и Эсфири. Комната полна тѣнями прошлаго. Вотъ двѣ дѣвичьи кровати, въ томъ же видѣ, какъ двадцать два года тому назадъ. На одной — нѣжной бѣлизны подушка и голубая накидка съ кисточками, купленная въ тотъ день, когда Юдифи исполнилось шестнадцать лѣтъ. Юдифь помнитъ, что день этотъ былъ свѣтлый, радужный... Кажется, небо было въ легкихъ облакахъ, и солнце то пряталось за ними, то выглядывало и ослѣпительно сверкало. Въ этотъ день она надѣла новенькое модное платье, которое, кажется, шло къ ней. Въ зеркалѣ она увидѣла свои большіе, черные глаза. И такъ они были оживленны, и такъ хорошо было на душѣ этой молодой дѣвушки-невѣсты, что она простила себѣ некрасоту, простила веснушки на

носу и большія уши. Могла ли она знать тогда, что новой накладки съ кисточками она уже не приобрететъ, и что эта, какъ символъ невозвратнаго, вѣчно будетъ украшать ея кровать? Могла ли она знать, что юноша, полюбившій ее, умретъ и больше никого она не встрѣтитъ на своемъ пути?

Вотъ шкафъ... Здѣсь хранятся подвѣчное платье и весь гардеробъ молодой невѣсты. Тутъ заготовленное полотно, шляпки, зонтики. Какъ все это обветшало, поблекло, пожелтѣло! Отъ времени до времени она вынимаетъ всѣ вещи изъ шкафа и часами, молча, со скорбью перебираетъ ихъ.

Вотъ этажерка со множествомъ книгъ... Страницы уже пожелтѣли отъ старости... Милыя книги! Онѣ сформировали душу Юдифи. Тутъ Герштекеръ и Фильдингъ и Элліотъ. Вотъ Монтепенъ, Террайль и Диккенсъ, и Ауэрбахъ съ его «Дачей на Рейнѣ», и Марлиттъ съ ея «Второй женой». И вотъ еще и еще...

Звонокъ... Эсфирь вздрагиваетъ и тихо произноситъ:

— Сауль!

— Да, это Сауль,—взволнованно повторяетъ Юдифь, и обѣ бѣгутъ къ дверямъ.

— Я встрѣчу его!..

— Нѣтъ, я!..

— Разрѣши мнѣ.

Сауль на порогѣ, улыбающійся... Онъ кажется имъ такимъ изящнымъ, такимъ симпатичнымъ.

— Почему такъ поздно?—спросила Юдифь, отнимая у него палку.

— Мы чуть не умерли со страху,—сказала Эсфирь, взявъ изъ его рукъ шляпу.

Всѣ трое весело идутъ въ столовую. Комнаты какъ будто улыбаются.

— Я замечтался,—объясняетъ онъ смѣясь и жестикулируетъ руками.

— О чемъ?—спросила Юдифь съ тревогой.

— О звѣздахъ!..

— О звѣздахъ? — переспросила Юдифь, кивая головой.

— Не довольно ли болтать о пустякахъ? — говорить и свое слово Эсфирь, — Саулу жарко. Сауль умираетъ съ голоду. Пусть онъ умоется холодной водой.

Комната оживилась... Перенесли изъ женской спальни высокую стоячую лампу, зазвенѣла старинная посуда, вилки, ножи. Потомъ привели Саула, посадили его за столъ, пододвинули скамеечку подъ ноги и въ строгомъ молчаніи поужинали.

— Вотъ и поужинали, — проговорилъ Сауль. — Слава Богу!.. Теперь пойду къ себѣ, а вы пока приберите со стола. Когда чай будетъ готовъ, — позовите меня.

— У него печальные глаза, — сказала Юдифь своимъ проникновеннымъ голосомъ, лишь только онъ заперъ дверь за собой.

— Я не замѣтила... — отозвалась Эсфирь.

Сауль ходитъ по комнатѣ... Наконецъ, онъ можетъ отдаться своему отчаянію. Онъ уже не долженъ улыбаться, когда такъ хочется плакать. Въ комнатѣ пріятно, прохладно и чувствуется запахъ полевыхъ цвѣтовъ. Откуда? Онъ оглядывается и цвѣтовъ не находитъ. Взглядъ его падаетъ на столъ, на чернильницу, на портреты Юдифи, Эсфири и на группу, гдѣ они сняты втроемъ. Тогда онъ еще былъ мальчикомъ и носилъ матросскій костюмъ...

Вѣроятно, шторы цѣлый день спущены, вотъ почему здѣсь прохладно, — думаетъ онъ, медленно ступая по разрисованной дорожкѣ. — Однако, зачѣмъ я хожу? — приходитъ ему въ голову. — Навѣрное, мои шаги ихъ беспокоятъ. Сяду!

Онъ садится, опускаетъ голову на грудь и думаетъ о своей любви, о своемъ горѣ. Развѣ онъ можетъ рассказать сестрамъ эту тайну? Не подумаютъ ли онѣ, что онъ имъ измѣняетъ ради чужой?

— О, милья! — хочется ему сказать громко. — Я пожертвую собой ради васъ. Я скрою отъ всего міра свое чувство. И тебѣ, Берта, я ни однимъ движеніемъ не выдамъ своего отчаянія!

Его снова потянуло ходить... Какъ хорошо здѣсь, въ этой тихой комнаткѣ, далеко отъ шума страшнаго міра. О, если бы не эта любовь! Но нѣтъ, нѣтъ! Такъ пріятно любить, преклоняться предъ чуднымъ образомъ; такъ хорошо мечтать, и развѣ его «ода въ честь» «Хлѣбъ» не есть выраженіе вѣчнаго стремленія къ идеалу? Развѣ чуткое сердце не догадается, что истинная возвышенная любовь диктовала ему каждое слово?

Онъ взялъ со стола синюю тетрадь, задумчиво и нѣжно оглядѣлъ ее. Стихи Саула Розена! Его стихи! Въ тотъ благословенный вечеръ, когда онъ впервые взялся за перо, луна глядѣла въ окно, луна поцѣловала его. Тогда онъ всталъ и, глядя на луну, продекламировалъ свое первое стихотвореніе... Незабвенный вечеръ! Не спѣша, Саулъ перевернулъ страницу и съ уваженіемъ взглянулъ на первыя строки, выписанныя четкимъ, старательнымъ почеркомъ

«Хлѣбъ».

«Ода въ честь». С. Розена.

«Не прочитать ли ее снова? Не упиться ли послѣ горя дивнымъ сочетаніемъ словъ?»

«Хлѣбъ».

О, хлѣбъ! О, злакъ! О, дивное зерно!
Которое таитъ въ себѣ загадку жизни!
Ты ростешь!

«Что можетъ быть прекраснѣе начала этой «Оды въ честь»? — съ наслажденіемъ думалъ онъ. — «Кто пойметъ, что подъ хлѣбомъ скрывается «она», и что я изъ глубины потрясеннаго сердца возношу ей хвалу? Здѣсь нѣтъ страстныхъ словъ, но развѣ только гру-

быя чувства говорятъ объ истинной любви? Нѣтъ, пусть молчитъ плоть, и всю славу любви раздѣлитъ дупа! О, хлѣбъ! Какой хлѣбъ? О, злакъ! Какой злакъ? О, дивное зерно! Не ты ли это, Берга? Не узнаешь ли ты себя въ этомъ здоровомъ образѣ всѣмъ нужнаго злака? И кто знаетъ, что испытало бы твое сердце, еслибы ты ознакомилась съ этими стихами?»

Онъ перелисталъ страницу. Элегія «Стекло»! Превосходная элегія! О, если бы я осмѣлился признаться сестрамъ! Сколь многого лишаются онѣ, не зная моихъ стиховъ! «Стекло!»

Онъ покачалъ головой и грустно прочелъ вторую строфу:

«Въ брилліантахъ твое жало!
Въ рубинѣ ты сверкаешь
Какъ огонь!»

Въ восторгѣ онъ присѣлъ къ столу, и перо его лихорадочно быстро заскрипѣло на бумагѣ.

-
- Что онъ теперь дѣлаеть? — спросила Юдифь, стоя передъ сестрой, которая приложила ухо къ двери.
- Тамъ тихо, — шопотомъ отвѣтила Эсфирь.
- Можетъ быть, онъ плачетъ?
- Нѣтъ, онъ не плачетъ.
- Можетъ быть, онъ ходитъ? Приложи ухо плотнѣе къ двери.
- Нѣтъ, Юдифь, я не слышу его шаговъ.
- Что же онъ дѣлаеть?
- Я посмотрю въ скважинку, Юдифь.
- Посмотри...
- Онъ сидитъ за столомъ спиной ко мнѣ.
- Не кажется ли тебѣ, Эсфирь, что онъ опустилъ голову на грудь?
- Да, мнѣ это кажется.
- Значитъ, онъ задумался. О чемъ, Эсфирь, онъ могъ задуматься?

— Не знаю. Онъ поднялъ голову, взялъ перо въ руки. Кажется, началъ писать.

— За ужиномъ онъ былъ очень разсѣянъ.

— Онъ пишетъ, Юдифь, онъ пишетъ...

— Отойдемъ, Эсфирь, отъ двери. Мы не хорошо дѣлаемъ, что подсматриваемъ за нимъ. Позаботимся о чаѣ.

Эсфирь пошла въ кухню, а Юдифь принялась хозяйничать. Что это дѣлается съ Сауломъ? Не влюбленъ ли онъ? Она, которая всегда угадываетъ завязку романа, она, умѣющая читать на человѣческомъ лицѣ, какъ въ открытой книгѣ, она ли не пойметъ, что происходитъ съ Сауломъ? Вѣдь жизнь такъ однообразна.

Вотъ человѣкъ-ребенокъ и подобенъ всѣмъ дѣтямъ. Вотъ онъ юноша и такъ же зародилась любовь въ его сердцѣ, какъ въ сердцахъ всѣхъ юношей, жившихъ до него. Какая разница между королемъ, герцогомъ, маркизомъ, простолюдиномъ?

Въ комнату вошла Эсфирь. Лицо ея хозяйственно озабочено.

«Вотъ и самоваръ... Надо закрыть его, чтобы онъ не чадилъ. Гдѣ сахаръ, щипчики, ложечки? Придвинемъ кресло Саула къ столу. А варенье! Боже мой, она забыла принести варенье! Теперь можно позвать его. Кажется, все въ порядкѣ. Да, еще скамеечку для ногъ!»

Она запыхалась, раскраснѣлась... Какъ ей пріятно услуживать Саулу!

— Сауль, Сауль,—радостно кричитъ она, стуча въ дверь,—самоваръ уже на столѣ.

Онъ входитъ въ столовую. Волосы у него взъерошены, на пальцахъ пятна отъ предательскихъ чернилъ.

— Ты писалъ?—удивленно спрашиваетъ его Юдифь.

— Да... нѣтъ...—смущенно отвѣчаетъ онъ.

Юдифь подходитъ къ окну, беретъ романъ Террайля, садится за столъ и погружается въ чтеніе. Сауль устроился въ креслѣ и поставилъ ноги на ска-

меечу. Эсфирь принесла ему кости... Онъ выбрасываетъ ихъ на столъ и съ любопытствомъ сосчитываетъ очки.

— Но я налила тебѣ чаю, — сказала Эсфирь, любуясь имъ. — Я положила въ блюдо вишневаго варенья.

— Почему вы меня балуете сегодня, — спросилъ онъ, улыбаясь и выбрасывая на столъ изъ деревяннаго стакана кости.

— Потому что сегодня очень любимъ тебя, — серьезно сказала Юдифь, поднимая на минуту голову и снова погружаясь въ чтеніе.

«Сериза осталась съ глазу на глазъ съ бандитомъ»... Сердце Юдифи сжимается отъ знакомаго волненія. Да, она знаетъ, что Серизу спасутъ и кто долженъ быть спасителемъ, но все-таки безъ волненія нельзя читать. Сейчасъ Сериза съ мольбой простерла руки, стоя на колѣняхъ передъ бандитомъ. «Заклинаю васъ всѣмъ святымъ, пощадите меня!».

— Почему же вы меня сегодня очень любите? — робко спросилъ Саулъ.

— Я не только сегодня, — сказала Эсфирь горячо, — но всегда, безумно люблю тебя. Это Юдифь говорить о твоёмъ природномъ изяществѣ, о твоихъ красивыхъ рукахъ, а я просто люблю моего Саула.

— Саулъ могъ бы быть сыномъ маркиза, — гордо сказала Юдифь, снова поднимая голову — Въ его чертахъ есть что-то тонкое, аристократическое.

Саулъ улыбается и разбрасываетъ кости...

— Шесть, три, четыре... Никогда не выходитъ два одинаковыхъ числа сряду. Что ты сказала, Юдифь?

Эсфирь любитъся братомъ и сестрой. Она любитъ слушать, когда они разговариваютъ. Похоже на сказку. Похоже, будто царевна съ царевичемъ вышли изъ дому и заблудились. И ей хорошо здѣсь, какъ въ заколдованномъ царствѣ... Она не любитъ выходить изъ дому. На улицѣ ей страшно... Она боится шума, яркихъ красокъ. Здѣсь у себя ей просторно, и кажется, что въ ихъ трехъ комнатахъ жизнь бьетъ клю-

чемъ. Съ утра она уже въ хлопотахъ. Все надо переставить, пересмотрѣть, убѣдиться, не завелась ли паутинка гдѣ-нибудь въ углу, или на потолокъ, или на шкафу. Каждую вещь нужно подержать въ рукахъ, или постоять надъ ней, иногда удивиться, иногда покачать головой. Развѣ для нея каждая комната не цѣлый міръ любви, радости, умиленія? Потомъ надо постоять у окна, поглядѣть на прохожихъ, улыбнуться птицамъ, что поютъ на вѣтвяхъ. Потомъ надо послушать разсказъ Юдифи изъ книги, такъ какъ сама она не любитъ читать... А вечеромъ, Саулъ...

— Дорогія сестры, — неожиданно для себя произнесъ Саулъ взволнованнымъ голосомъ.

— Что такое?..

Саулъ стоитъ у стола... Кости не собраны... Лицо у него красное, красное... Какая-то страшная тишина... Юдифь бросила книгу. Эсфирь привстала. Въ глазахъ ея напряженное ожиданіе.

— Дорогія сестры, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — я долженъ объявить вамъ, что сдѣлался поэтомъ.

— Поэтомъ? — не вѣря своимъ ушамъ, воскликнула Эсфирь.

— Поэтомъ? — повторила Юдифь, быстро поднимаясь.

— Да, дорогія сестры, — съ мольбой глядя на нихъ, промолвилъ Саулъ. Я съ недавняго времени сталъ поэтомъ. Вотъ моя тетрадь. Здѣсь все, что я написалъ. Хотите ли вы прослушать мои стихи?

— Когда же ты успѣлъ сдѣлаться поэтомъ? — недовѣрчиво спросила его Эсфирь.

— Я и самъ не знаю, — отвѣтилъ онъ, — но вотъ моя тетрадка...

— Почему же ему не быть поэтомъ? — гордо замѣтила Юдифь. — Я всегда вѣрила въ необыкновенную судьбу Саула. И развѣ у него не поэтической лобъ?

— Дорогія сестры, — продолжалъ Саулъ, когда снова наступило благоговѣйное молчаніе, — молю васъ объ

одномъ, выслушайте меня! Въ моей душѣ сатлкиваются теперь всевозможныя страсти. Вы мои судьи. Отъ вашего одобренія, можетъ быть, зависитъ моя дальнѣйшая судьба.

— Я боюсь, — прошептала Эсфирь.

— Не думайте, что я хочу оставить магазинъ господина Шпильмана. О, нѣтъ, совсѣмъ напротивъ. Но моя душа устала отъ одиночества, и мнѣ нужно ваше сочувствіе, милыя сестры.

— Довольно, Саулъ, — съ важностью сказала Юдифь. Я поняла всю серьезность этой минуты. Повѣрь мнѣ, что я поняла. Раскрой свою тетрадку, и мы съ благоговѣніемъ выслушаемъ тебя. Эсфирь, какое счастье, нашъ братъ поэтъ!

— Я его поцѣлую, — съ жаромъ промолвила Эсфирь. Мой братъ, мой милый поэтикъ, говорила она, нѣжно цѣлую его. — Я увѣрена, что твои стихи лучше изъ всѣхъ, которые до сихъ поръ были написаны людьми. Садись, мой поэтикъ. Не принести ли мнѣ тебѣ подушечку?

— Нѣтъ, нѣтъ, — бормоталъ онъ, тронутый ея ласками. — Стихи должно читать стоя. Я начну съ «оды въ честь».

— «Ода въ честь»? — переспросила Эсфирь, поднявъ брови.

— «Ода въ честь»! — съ уваженіемъ сказала Юдифь.

— Да, «ода въ честь», Эсфирь! Названіе это очень отвѣтственное и чрезвычайно важно было написать именно «оду въ честь», а не что-нибудь другое, на примѣръ, мадригалъ или элегію.

— Ты правъ, — серьезно сказала Юдифь. — Вѣдь если вмѣсто одного написать что-нибудь другое, то какая же это будетъ поэзія?

— Именно, — подтвердилъ Саулъ. — А теперь попробуйте угадать названіе моей «оды въ честь?»

— Мнѣ кажется, что названіе «оды въ честь», — задумчиво сказала Юдифь, — должно обозначать нѣчто туманное. На примѣръ: «Сонъ».

— Не угадала, — разсмѣялся Саулъ, — я придумалъ другое, болѣе возвышенное, «Хлѣбъ».

— Хлѣбъ? — удивилась Эсфирь, испуганно улыбувшись.

— Да, «Хлѣбъ». Итакъ, дорогія, я начинаю:

«Хлѣбъ».

«Ода въ честь». Саула Розена.

— «Ода въ честь». Саула Розена, — повторили обѣ съ благоговѣніемъ.

Саулъ откашлялся, оглянулся... Въ глазахъ его сверкнула страсть. Онъ вытянулъ правую руку, какъ бы указывая на что-то, и, выдерживая паузы послѣ каждаго восклицательнаго знака, подчеркивая каждое слово, сталъ декламировать:

О, хлѣбъ! О, злакъ! О, дивное зерно!
Которое таитъ въ себѣ загадку жизни!
Ты растешь!

О, хлѣбъ! Ты поднимаешься въ колосьяхъ!
Влекомый свѣтлой тайной вверхъ!
И насыщаешь!

О, хлѣбъ! О, злакъ! О дивное зерно:
Которое таитъ въ себѣ загадку жизни!
Хвала тебѣ, и Богу, и природѣ!
Существуй!

— Ну, что скажете о моей «одѣ въ честь?» — спросилъ онъ взволнованно, какъ только прочелъ стихотвореніе. Не правда ли, она прекрасна? «О, дивное зерно, которое таитъ въ себѣ загадку жизни!» Поняли ли вы глубокой смыслъ, вложенный въ эти слова?

— Конечно, поняли, — торопливо сказала Эсфирь. — Удивительное, замѣчательное стихотвореніе! Я даже не представляла себѣ, что ты можешь такъ писать.

— Необычное стихотвореніе, — замѣтила Юдифь и

поднялась, чтобы обнять Саула. Но ты все-таки поэтъ, истинный поэтъ, Саулъ! Гдѣ ты подслушалъ эти пышныя слова?

— Мнѣ ихъ сердце продиктовало, — сказалъ счастливый Саулъ, не зная, открыть ли сейчасъ сестрамъ тайну своей любви, источникъ своего вдохновенія, или разразиться слезами отъ глубокаго горя.

— Я увѣрена, что ни Монтепенъ, ни Герштекеръ не написали бы такихъ стиховъ, — съ убѣжденіемъ произнесла Юдифь. — Особенно хорошъ у тебя этотъ конецъ о Богѣ!

— Да, о Богѣ, — повторила Эсфирь, стараясь изобразить на своемъ лицѣ восторгъ.

— У меня есть еще лучшее стихотвореніе, — объявилъ Саулъ. Сейчасъ я прочту вамъ мою любовную элегію «Стекло».

— Стекло? — прошептала Эсфирь, снова испугавшись.

— Развѣ ты влюбленъ? — быстро спросила Юдифь.

— О, нѣтъ, то-есть, нѣтъ, — смѣшавшись и краснѣя, отвѣтилъ Саулъ.

— Читай, читай, — приказала она пылко.

Онъ опять откашлялся и уже болѣе свободно, съ нѣкоторой развязностью произнесъ: «Стекло». Элегія Саула Розена.

Голосъ его звучалъ трепетно. Каждое придыханіе вырывалось изъ его груди, какъ любовный вздохъ у юноши, стоящаго въ лунную ночь подъ балкономъ своей возлюбленной.

О, стекло! О, стекло!
Прозрачная, прекрасная слюда!
О, стекло!

Въ брилліантахъ твое жало!
Въ рубинѣ ты сверкаешь,
Какъ огонь!

Въ изумрудъ и въ топазъ!
И въ сапфиръ и въ агатъ!
Кто владыка?
Стекло!

Стекло! О, царица!
Стекло! О, порфира
Мира!

— Ну, что, какъ вамъ это понравилось?—спросилъ онъ немедленно, чувствуя, что не выдержитъ своего волненія и разрыдается. — Можете ли вы похвалить меня?

— Даже очень, хотя стиховъ твоихъ простой читатель не пойметъ!—воскликнула Юдифь. Это почти невысказанное стихотвореніе, но мы все-таки можемъ преклониться предъ тобой.

— Ужели оно дѣйствительно такъ хорошо?— со слезами на глазахъ спрашивалъ Саулъ, поворачивая голову то къ Юдифи, то къ Эсфире.

— Да, — слабымъ голосомъ подтвердила Эсфирь, значительно переглянувшись съ сестрой,—у меня даже голова закружилась отъ этихъ словъ.

— Ты долженъ бросить магазинъ господина Шпильмана!— говорила между тѣмъ Юдифь, нервно шагая по комнатѣ и не обращая вниманія на Эсфирь.— Ты не имѣешь права продолжать быть приказчикомъ!

— Ты думаешь?—недовѣрчиво спросилъ Саулъ.— Нѣтъ, я господина Шпильмана не могу бросить! Онъ бѣдный погибнетъ безъ меня. А не послушаете ли вы еще моей баллады? Въ ней я весь сказался.

— Баллада?— снова удивилась Эсфирь.

— Читай намъ свою балладу, Саулъ, читай, читай,— сказала Юдифь.—О, какъ бы я хотѣла, чтобы тебя слушала весь міръ!

И снова тишина, снова торжественныя слова: «Вода». Баллада Саула Розена.

«Спокойно она течетъ въ своихъ берегахъ», — началъ онъ плавно, тягуче, но постепенно одушевляясь, съ горечью вспоминая, что все это касается прелестной Берты, обманутыхъ чувствъ, его несчастной любви...

«Спокойно она течетъ въ своихъ берегахъ.
Спокойно несетъ на своихъ волнахъ щепы.

И вдругъ
Уже мчится бѣшеная
Черезъ скалы...
Тутъ появился безумный олень»...

«Вода и олень! Вотъ сплелись
Картинно!»

«Вода, я страдаю!» — воскликнулъ олень
Но безмолвная,
Она дальше несетъ свои волны!..
А онъ, многогогій»...

На этомъ словѣ у Саула неожиданно сорвался голосъ, онъ уронилъ тетрадку, закрылъ лицо руками, зарыдалъ и упалъ въ кресло.

— Саулъ! Саулъ! — крикнула съ отчаяніемъ Юдифь, бросаясь къ нему.

— Саулъ, — какъ эхо, повторила Эсфирь.

Онъ молчалъ. Глаза его робко мигали, слезы текли по лицу, и плечи вздрагивали отъ рыданій...

Леонъ Дрей задумчивъ, Леонъ Дрей недоволенъ. Онъ сидитъ въ биллиардной Дюпона и изъ окна

любуется блестящей, нарядной, осенней улицей... Вечерѣтъ... На его свѣже выбритомъ, выхоленномъ лицѣ застыла грусть, въ бархатныхъ глазахъ чувствуется неудовлетворенность и, кажется, что вотъ-вотъ онъ зѣвнетъ, обведетъ все и всѣхъ скучающимъ взглядомъ и скажетъ:

— А ну васъ всѣхъ къ чорту, надоѣли!..

Въ сущности жаловаться ему не на что. Дѣла его очень недурны. Онъ успѣлъ выманить у господина Шпильмана новые пятьсотъ рублей, у прелестной Берты онъ отнялъ всѣ ея маленькія сбереженія, съ шляпницей Машенькой благополучно закончилъ романъ такъ, какъ ему хотѣлось, и, однако, всего этого ему уже недостаточно. Онъ хочетъ миллионъ, шикар-ныхъ любовницъ, ему нужны лакеи, автомобили, а гдѣ взять ихъ? Ему уже надоѣли эти побѣды надъ Машеньками, надъ Вѣрочками, надоѣли эти жалкія полторы тысячи, что лежатъ въ банкѣ, Берточка, Шпильманы, весь міръ...

Новая мысль... Если бы у него завязался теперь романъ съ какой-нибудь знатной, богатой дамой изъ общества! Это возможно. Онъ шикарно одѣвается, на улицѣ прелестныя женщины прямо пожираютъ его глазами, и если бы только познакомиться съ какой-нибудь Чертковой, Мельниковой, Матросовой, — ого! Но какъ, дьяволъ ихъ возьми, познакомиться съ ними? Гдѣ онѣ бывають? Съ кѣмъ встрѣчаются?.. Какъ ловко онъ овладѣлъ бы дамой изъ общества! Конечно, не сразу. О, его не надо учить этому! Цвѣты, нѣжный взоръ, нахальство, любовный вздохъ... Разочарованіе... Страсть итальянца и шопоть признанія на колѣняхъ... Онъ ли не знаетъ, что любятъ эти богатые, шикарные, скучающія баловницы судьбы? Главное, — свѣжее бѣлье... Это самое важное. Цвѣтные носки, изящныя подвязки, кальсоны въ обтяжку, чистыя руки, подстриженные ногти, духи, какой-нибудь галстухъ, какъ у художника, и она твоя, прелестная проказница. Вотъ она сидитъ у тебя на рукахъ. Ты дѣлаешь

видъ, что любишь ея чудными руками, а между тѣмъ разглядываешь ея замѣчательное бриллиантовое кольцо.

— Милая, что это за кольцо у тебя?

— Бриллиантовое, дорогой Леонъ!

— Замѣчательное кольцо!.. Милая, подари мнѣ свое кольцо! А много ли, дорогая, у тебя денегъ? Дай Леончику!

О, онъ знаетъ! Но зачѣмъ раздражать себя?

Въ биллиардную онъ зашелъ лишь на минуту... Онъ скучаетъ, онъ хочетъ развлечься, даже сама Берточка сегодня призналась, что ему это необходимо. Но ему здѣсь нечего дѣлать... Крутомъ одни мерзавцы, мерзавцы, мерзавцы, шулера. Какая это компанія для него? Нѣтъ, Леонъ, съ ними надо кончить...

Новая мысль... На улицѣ онъ встрѣтилъ очаровательную госпожу Мельникову, прелестную мадамъ Черткову, шикарную Матросову и другихъ славящихся въ городъ своей красотой. Ахъ, если бы онъ могъ завести интрижку хоть съ одной. Какая честь быть любовникомъ такой женщины! Сколько денегъ онъ бы вытянулъ у нея! Пять тысячъ, десять тысячъ? Нѣтъ, онъ бы все отнял! Купилъ бы себѣ особнячекъ, взялъ лакея. Раздѣнь меня, лакей, я спать хочу! Сбѣгай за папиросами! Дуракъ, мерзавецъ, получи въ морду...

...Однако, ему захотѣлось ѣсть. Что бы такое потребовать? Яичницу, сосиски съ хрѣномъ? Надоѣло!.. Антрекотъ съ картофелью? Не поѣхать ли поѣсть къ мамашѣ? Навѣрное у нея сегодня борщъ съ чесночкомъ! Какой сегодня день? Воскресенье? Значитъ борщъ, несомнѣнно, борщъ, грудинка. Вѣроятно, на второе вареники съ кашей и поджареннымъ лукомъ. Ъду, ѣду! Кстати и денегъ это не будетъ стоить. Потомъ отправлюсь въ кафешантанъ, а можетъ быть и еще куда-нибудь.

Развеселившись и прогнавъ заботы съ лица, съ одной только мыслью, что сейчасъ хорошо поѣсть,

онъ быстро вышелъ изъ биллиардной на улицу, позвалъ извозчика и, садясь въ дрожки, крикнулъ:

— На Подольскую!

Какъ хорошо, удобно сидѣть въ дрожкахъ! Тихой рысцей бѣжитъ лошадь, прекрасная вѣчерняя улица бѣжитъ вслѣдъ за тобой, встрѣчные знакомые провожаютъ тебя завидующимъ взоромъ, и самъ ты, важно покачиваясь на сидѣннѣ, небрежно прикладываешься пальцемъ къ шляпѣ и никакихъ угрызений и тревогъ нѣтъ въ твоей душѣ. Сейчасъ ты отвѣдаешь хорошаго борща съ чесночкомъ, чудныхъ варениковъ, и оттого кажется тебѣ, что все твое, и даль, и смутный горизонтъ, и славные, сумеречно-таинственные силуэты женщинъ.. Извозчикъ, дай же кнута своей лошади..

Вотъ и знакомыя ворота, дворъ, скверно пахнущая лѣстница... Почему мать сидитъ у входныхъ дверей?

Разочарованно онъ останавливается, дѣлаетъ большіе глаза и, красиво выговаривая, удивленно спрашиваетъ:

— Мамаша, что вы здѣсь дѣлаете?

Мать поднимается, произноситъ съ радостнымъ крикомъ: «это ты, Леонъ?» и таинственно прикладываетъ палецъ къ губамъ.

— Что такое? — не понимаетъ онъ и съ досадой пожимаетъ плечами.

— Гдѣ папаша?

— Папаши, Леончикъ, нѣтъ дома. Ради Бога, не кричи.

— Но я не кричу, мамаша, — неожиданно для себя разсмѣялся Леонъ. — Почему вы сидите здѣсь? Что случилось? Не хитрите со мной...

— Я не хитрю, Леончикъ. Ты вѣдь знаешь своихъ сестеръ. Когда является гость, отецъ и мать должны выходить изъ комнаты. А если отца нѣтъ дома, то меня выгоняютъ на улицу. Но куда итти, Леончикъ? Вотъ я и сажу здѣсь.

— Свиныи... пробормоталъ Леонъ, притворно возмущившись.

— Я не сержусь, — отозвалась мамаша. — Можетъ быть, это и нужно. Почему же мнѣ сердиться, если дѣтямъ отъ этого польза?

— Это такъ, — сказалъ Леонъ, подумавъ. — А кто пришелъ?

— Офицеръ, Леончикъ. Важный офицеръ, въ эполетахъ и при шпагѣ. Помнишь, я тебѣ рассказывала, что Лизочка познакомилась съ офицеромъ? Но это уже не тотъ, а другой, получше. Я сама понимаю, что могу имъ помѣшать. Что жъ, молодые люди, Леончикъ... комплиментъ, можетъ быть, поцѣлуй. Я вѣдь тоже не дурочка.

— Конечно, конечно, — одобрительно сказалъ Леонъ.

— Ты думаешь, что Лизочка, можетъ быть, уже... — Она разсмѣялась. — Лизочка знаетъ обо всемъ лучше, чѣмъ я и ты. Она тонкая. А если это и случилось? Дай Богъ! Она даромъ не сдѣлаетъ... Пусть выкрестится, лишь бы была счастлива. Съ такимъ офицеромъ можно себѣ все позволить. У него въ Петербургѣ есть дядя, полковникъ. Онъ выведетъ его въ люди... Подожди, Леончикъ, моя Лизочка еще съ генералами будетъ сидѣть за однимъ столомъ. И я тоже, я тоже. Не думай, пожалуйста, что я съ твоимъ отцомъ останусь. Ни за что! Буду съ генералами водку пить за однимъ столомъ. Я еще покажу себя!

Она шептала, горѣла, кипѣла и очень напоминала теперь Леона ужимками и голосомъ.

— Ты осталась такой, какой была, — пробормоталъ онъ, чувствуя, что она зажигаетъ его своей суетливостью, жаромъ, и что сейчасъ онъ остановитъ ее и самъ заговоритъ слѣпо, съ увлеченіемъ, хвастливо о своихъ видахъ, о своей силѣ, о томъ, какъ люди будутъ валяться у его ногъ и трепетно ждать его милостиваго слова.

— А какой я была? — спросила мамаша вызывающе. — Развратной? Никогда не прощу себѣ, что не имѣла любовниковъ. За мной богачи ухаживали. Только теперь я поняла, чего стоитъ хорошій кусочекъ жен-

скаго тѣла. Я была красавицей, а досталась грубіяну, которій икалъ, когда обнималъ меня. Мнѣ стыдно разсказывать тебѣ обо всемъ. Слава Богу, Лизочка уже не будетъ такой дурой. Послѣ офицера у нея будетъ генераль, послѣ генерала министръ, — пусть только выйдетъ замужь за этого дурачка. А выше министра нельзя пойти? Мы знаемъ примѣры...

Она ничѣмъ не отличалась отъ Леона. Словно взяли одинъ кусокъ тѣста и раздѣлили его на двѣ части. Какъ она, и онъ мечталъ о власти, презиралъ людей и относился къ нимъ, какъ къ мусору, къ навозу или къ камнямъ. Какъ и она, онъ презиралъ правду, законъ... Она, выбиравшая любовниковъ изъ приказчиковъ, когда былъ кабакъ, разсчитывала теперь на министровъ и выше, а онъ стремился поработить всѣхъ. Для нея смыслъ жизни былъ весь въ жирномъ вкусномъ кускѣ, а онъ міръ готовъ былъ пожрать... Все, все для него, для его прожорливаго аппетита, для его прожорливой души, все для его ненасытной утробы!..

Дрожа отъ волненія, онъ страстно зашепталъ:

— Я ищу женщину, мамаша. Слышите? Богатую, знатную женщину. Я ее найду! Вы понимаете?—говорилъ онъ.—Весь вопросъ въ первой богатой женщинѣ. Я сорву съ нея всѣ драгоценности. Я ловко выманю у нея всѣ деньги, понимаете, мамаша? Потомъ вторая богатая женщина. Потомъ третья богатая женщина. Буду продавать кусочки Леона за большія тысячи, понимаете? Ого, ого! Потомъ первый богатый дуракъ! второй богатый дуракъ! Леонъ душу у нихъ отниметъ съ деньгами. Ого, ого! Посмотрите на меня! Ого, ого! Въ городѣ будетъ звонъ отъ дѣлъ Леона!..

Казалось, что онъ хрюкаетъ, какъ дикій кабанъ, и клыками вспарываетъ кому-то брюхо. «Ого, ого! Первая богатая женщина! Ого, ого!»

Мамаша, не ожидавшая этихъ признаній, стояла передъ нимъ ошеломленная и, замирая отъ волненія, шептала:

— Ты, мой сынъ, моя кровь. Мой, мой! Благословляю тебя! Поднимайся выше и выше, мой Леонъ! Покажи всѣмъ, кто такіе Дрей. Твоя бабушка была когда-то первой акушеркой въ городѣ, и князя, ради спасенія своихъ женъ, валялись у ея ногъ. Вотъ кто такіе Дрей! Вѣрю въ тебя. Поднимайся, мой Леонъ, поднимайся!

Онъ перебилъ ее... Она снова загорѣлась. И долго они еще разговаривали о будущемъ, какими-то своими огненными словами, оба подъ вліяніемъ одной яркой мечты, — и далъ Леонъ торжественную клятву матери, что на вершинѣ счастья, онъ ее, только ее одну не забудетъ, одѣнетъ въ дорогія шелковыя одежды и повезетъ въ роскошной каретѣ по городу на зависть всѣмъ — и друзьямъ, и врагамъ...

— Мамаша, — вздохнувъ глубоко и раздувая ноздри, произнесъ Леонъ, — накормите меня. Я нарочно и приѣхалъ для этого. Захотѣлось вашего борща съ чесночкомъ, варениковъ съ кашей. Можетъ быть, у васъ найдется, — прищелкивая языкомъ и блестя глазами, цѣдилъ онъ, — куриная печеночка, поджаренная на оберточной бумагѣ? Знаете, мамаша, мнѣ такъ ѣсть хочется, что, кажется, побѣжалъ бы въ кухню обнюхать каждую кастрюлю. Можетъ быть, у васъ и фаршированная селезеночка приготовлена? Признайтесь-ка, мамаша!..

Онъ усиленно глоталъ слюну, поводилъ носомъ. «Чортъ его знаетъ, какъ хороши эти кухонные запахи!» Сладкая дрожь пробѣжала у него по тѣлу. Слюна снова набилась во рту. Вотъ гдѣ когда-то умѣли хорошо поѣсть! Ъли до отвала. Сначала селедочку, политую уксусомъ и масломъ, потомъ рубленую печенку съ лукомъ и саломъ, потомъ рубленыя яйца съ лукомъ и саломъ и съ перцемъ, выпивали снова по рюмкѣ водки и закусывали мокрыми, горя-

чими балабушками. Потомъ подавали горячую, наперченную, фаршированную рыбу, очень много рыбы и густую уху съ картофелемъ и поджареннымъ лукомъ. Рыбу ѣли съ крѣпкимъ, острымъ хрѣномъ, отъ котораго чихали, плакали, кашляли, сморкались, крикали... Запивали рыбу легкимъ, кисленькимъ бессарабскимъ виномъ. Дальше приносили желтый, жирный горячій бульонъ, который обжигалъ рты, много рису и опять пили легонькое, кисленькое бессарабское вино. Ёли вареную курицу съ огурцомъ, выдержаннымъ въ настоѣ изъ хрѣна, за ней слѣдовало сладкое изъ морковки или изъ бобовъ съ рисомъ, мозгами и сахаромъ. И снова пили легкое бессарабское вино изъ большущихъ пузатыхъ стакановъ... — Помните, мамаша? У папаши послѣ обѣда начиналась икотка, потомъ зѣвота... Всѣ были веселы, полупьяны и какъ, мамаша, чудно, беззаботно спалось послѣ обѣда!...

— Да, когда-то хорошо было, — со вздохомъ сказала мамаша.—Было время! Теперь ужъ этого нѣтъ... Куриная печеночка, Леончикъ, найдется. Я какъ-будто предчувствовала, что ты придешь. И борщъ есть. Будешь пальчики облизывать. Досталась мнѣ дешево хорошая мозговая косточка, и борщъ вышелъ, какъ кисленькое винцо. Но знаешь, Леончикъ, что мнѣ пришло въ голову? Зайди-ка раньше къ Лизочкѣ. Надо, дорогой Леончикъ! Ты въ одну минуту поймешь, что у нихъ происходитъ. Ты прекрасно одѣтъ, тебя уважаютъ. Покажи-ка себя! Ты вѣдь этого дурачка офицера въ одну минуту разберешь по косточкамъ.

— Что-то не хочется, мамаша, — произнесъ Леонъ самодовольнымъ тономъ и потягиваясь.

— Уже и не хочется! Что тебѣ стоитъ? Открылъ дверь, вошелъ, приложилъ руку, какъ они это дѣлаютъ, къ козырьку. Вѣдь ты, если захочешь, на кого угодно можешь сдѣлаться похожимъ. Честь имѣю представиться... Пусти-ка ему по нашему, по-дреевски, пыль въ глаза!

— Что-то не хочется, — повторилъ Леонъ, однако,

подвигаясь къ двери. — Я съ офицерами никогда не разговаривалъ. Даже не знаю, какъ держаться съ ними!

— Ты-то не знаешь, Леончикъ! А поговорить можешь о солдатахъ, о военныхъ... Что мнѣ тебя учить, самъ знаешь!

— Ничего вы безъ меня не можете сдѣлать, — съ притворнымъ неудовольствіемъ промолвилъ Леонъ, пріоткрывая дверь въ комнату. — Эхъ, вы! Куда вы безъ Леона всѣ годитесь?

Мамаша юркнула въ темноту и скрылась... Леонъ закрылъ за собой дверь и двинулся впередъ.

Офицеръ, — думалъ онъ весело, — недурно! Интересно! Лиза, однако, ловкая! Положимъ, всѣ мы молодцы, только папаша дуракъ, но я его, кажется, за это и люблю. Разыграю комедію съ офицеромъ... Я вѣдь на это мастеръ!.. Покажу мамашѣ, кто я... Ахъ, вотъ она какая, вдругъ улыбнулся онъ. Bravo, bravo, Лизочка!

Зрѣлище, которое представилось его глазамъ, было восхитительно. Посреди комнаты сидѣлъ офицеръ. Лизочка, сестра Леона, стояла передъ офицеромъ въ соблазнительнѣйшей позѣ настоящей шансонетной пѣвички и, откинувъ головку и грудь назадъ, вызывающе пѣла какой-то романсъ. Худенькія ручки ея съ проступавшими сквозь нѣжную кожу голубыми жилками, были обнажены по локоть, а пажемъ она подобра юбку довольно высоко отъ пола, такъ что видны были во всей обворожительности ея прелестныя маленькія ножки... Восхищенный офицеръ съ надменно поднятыми кверху плечами и выпяченной колесомъ грудью пожиралъ дѣвушку глазами и одобрялъ ее тихимъ, волнующимся голосомъ такъ:

— Прелестно, очаровательная! Очаровательно, прелестная!

Вступивъ въ комнату, Леонъ Дрей остановился нарочно въ яко бы почтительномъ ожиданіи, склонивъ голову на бокъ. Сначала онъ сложилъ руки на груди,

но моментально сообразивъ, что эта поза не годится, опустилъ ихъ по швамъ. Но и это его не удовлетворило. Онъ правую руку отведеть за спину, а лѣвую положить на грудь, или нѣтъ, лѣвую онъ приблизить къ подбородку. Такъ, кажется, будетъ лучше. Надо только еще чуть изогнуться и получится красивая фигура.

Въ то же мгновеніе правая рука его очутилась за спиной, лѣвая легла на грудь и быстро поползла къ подбородку.

«Да, такъ хорошо! Теперь надо поклониться!»

Голова его медленно склонилась на грудь и въ этой позѣ онъ и застылъ.

Между тѣмъ, Лизочка, почувствовавъ присутствіе чужого, вдругъ обернулась. Узнавъ Леона, она очень стыдливо вскрикнула и, граціозно подпрыгивая, убѣжала въ спальную. Офицеръ недовольнымъ и гордымъ взглядомъ обвелъ Леона сверху внизъ. Леонъ поднялъ голову и снова безмолвно и медленно опустилъ ее на грудь. Въ дверяхъ отчетливо обрисовалась желтая маска мамаша.

— Не безпокойтесь, Костя,—тоненько кричала въ спальной Лизочка. — Это мой братъ. Я сейчасъ, сейчасъ... Какъ это онъ незамѣтно вошелъ?

Леонъ все стоялъ въ своей великолѣпной, живописной позѣ, съ правой рукой за спиной и съ лѣвой у подбородка, а офицеръ съ выраженіемъ неодобренія на лицѣ поглядывалъ на него.

— Вотъ и я,—мило крикнула Лизочка, вбѣжавъ, какъ балерина, и сердито махнувъ маскѣ рукой.

Маска моментально исчезла. Лизочка расхохоталась. Смѣхъ ея прозвучалъ, какъ колокольчикъ. Опустивъ плутовскіе глаза, розовенькая, оживленная, она церемонно произнесла:

— Имѣю честь представить: мой любимый братъ Леонъ, офицеръ русской арміи, поручикъ Константинъ Сергѣевичъ Федорчукъ.

Все это—и смѣхъ, и нѣжный выкрикъ, и знаком-

ство—совершилось въ одно мгновеніе. Леонъ Дрей сталъ тутъ подавать признаки жизни. Изъ деревяннаго онъ сдѣлался подвижнымъ, гуттаперчевымъ, на лицѣ его заиграла привѣтливая улыбка и, подвигаясь какъ-то бокомъ, протянулъ красиво изогнутую дугой руку вставшему передъ нимъ поручику Федорчуку. Крѣпкое дружеское пожатіе примирило того. Онъ звякнулъ подборамн, какъ будто на нихъ были шпоры, и Леонъ, зная этотъ обычай среди военныхъ, попытался тоже звякнуть подборамн. Затѣмъ оба разсѣлись по обѣимъ сторонамъ стола, не спуская глазъ другъ съ друга въ ожиданіи перваго слова. Лизочка, еще опьяненная пѣсенкой и молодымъ, свѣжимъ восторгомъ и чувствуя свою власть надъ этимъ хорошенькимъ, влюбленнымъ въ нее поручикомъ, жеманно пролепетала:

— Вы познакомятесь, а я пойду и займусь своимъ туалетомъ.

Оба молча наклонили головы и подняли ихъ, когда Лизочка вышла.

«Начну, конечно, съ того, что спрошу его, гдѣ онъ служитъ»,—подумалъ Леонъ Дрей и кашлянулъ въ ладонь, чтобы прочистить горло.

— Гдѣ изволите служить?—спросилъ онъ и пробарабанилъ пальцами по столу.

— Въ двѣнадцатомъ полку,—подумавъ, отчеканилъ поручикъ и тоже пробарабанилъ на столѣ, но правильно и хорошо зорю.

— Я знаю этотъ полкъ,—не задумываясь солгалъ Леонъ Дрей. Прекрасный, въ полной исправности, полкъ...

«Сейчасъ я подъ тебя мину подведу» — весело и внутренне улыбаясь подумалъ онъ.

— Отличные солдаты, превосходные офицеры,—промолвилъ поручикъ.

— О, я не сомнѣваюсь, — очень увѣренно и съ достоинствомъ отвѣтилъ Леонъ. — Я знаю русскаго солдата и русскаго офицера. Слава Богу, повидаль-таки ихъ на своемъ вѣку. Долженъ сказать вамъ, что

очень люблю русское воинство, которое всегда готово лечь костями за Царя и Родину.

«Этотъ дуракъ сейчасъ растаетъ» — наскоро подумалъ онъ. — «Ну-ка, ну-ка, господинъ поручикъ, что-то ты отвѣтишь на мои слова?».

— Русскій солдатъ и русскій офицеръ, — строго и внушительно почему-то сказалъ поручикъ, звякнувъ подборами, — покрывали себя не разъ неувядаемой славой.

«Ну, конечно, я такъ и зналъ», — пронеслось быстро у Леона. — «Польшу теперь русскому мундиру... Вотъ когда онъ будетъ моимъ. Эти глупцы ужасно любятъ, когда хвалятъ ихъ мундиръ».

И произнесъ громко и такъ же строго:

— Преклоняюсь передъ русскимъ мундиромъ всегда и вездѣ, господинъ поручикъ...

Барабанная дробь участилась... Леонъ Дрей барабанилъ то маршь, то польку, а офицеръ правильно и хорошо зорю.

«О чемъ бы его еще спросить? — думалъ Леонъ. — Попробую выпытать, сколько онъ получаетъ жалованья? Вѣроятно, гроши какіе-нибудь. Конечно, гроши...»

«— Сколько изволите жалованья получать? — произнесъ онъ громко.

— Это вы къ чему? — спросилъ офицеръ, широко раскрывъ глаза отъ изумленія.

— Да, такъ, ни къ чему, — дѣлая видъ, что очень смутился, отвѣтилъ Леонъ. Это я нечаянно спросилъ. Я, собственно, хотѣлъ узнать, дѣйствительно ли у васъ имѣется дядюшка-полковникъ въ Петербургѣ?

«Кажется, онъ становится назойливымъ», — подумалъ поручикъ, доставая изъ кармана штановъ коробку съ папиросами. — «А впрочемъ, отвѣтить можно».

— Да, есть такой дядя, — небрежно признался онъ. — А вамъ это зачѣмъ надо знать?

— По правдѣ сказать, поручикъ, совершенно незачѣмъ...

Онъ опять изобразилъ на лицѣ милое смущеніе и послѣ маленькой паузы нарочито шопотомъ и, скосивъ глаза для чего-то, спросилъ:

— Изволите бывать въ клубахъ?

— Да, я бываю въ клубахъ, — уже съ холодкомъ отвѣтилъ офицеръ. — А вы сами, чѣмъ занимаетесь?

— Я, — изображая человѣка, котораго захватили врасплохъ, отвѣтилъ Леонъ, — я... видите ли, — онъ пощелкалъ пальцами въ воздухъ, — я... переводчикъ.

— Переводчикъ? — переспросилъ поручикъ.

— То есть, не переводчикъ, какой тамъ переводчикъ? Я собственно хотѣлъ сказать, что собираюсь открыть банкирскую контору, — приятно и мило улыбаясь, выговорилъ онъ.

— Вотъ оно что, — съ уваженіемъ произнесъ поручикъ и тихо засвисталъ.

Новая длинная пауза. Оба барабанятъ по столу... Вошла Лизочка и оживленно крикнула:

— Ну, я вижу, что вы отлично познакомились и остались довольны другъ другомъ. Я такъ рада! Костя, укрѣпите мой поясъ булавочкой. Какъ, у васъ нѣтъ булавонокъ? Противный! Какой же вы кавалеръ, если не держите при себѣ булавонокъ на разные случаи?

— Съ этого дня, — галантно сказалъ Костя, поднимаясь и звякнувъ подборамъ, — булавонокъ всегда будутъ сопровождать меня. Позвольте ручку!

— На-те, противный, — промолвила Лизочка, бросивъ значительный взглядъ на Леона.

«Онъ у нея въ рукахъ» — весело подумалъ Леонъ. — «Молодецъ, дѣвушка! Однако, пора убираться отсюда. Что жъ, побесѣдовали, я посмѣялся надъ нимъ, онъ навѣрное остался въ восторгѣ отъ меня. Навѣрное. Скажу мамашѣ все, что придетъ въ голову».

— Такъ буду очень радъ еще разъ встрѣтиться съ вами, — сказалъ вдругъ Леонъ, поднимаясь и протягивая офицеру руку.

— Сочту за удовольствіе снова увидѣться съ братомъ Лизочки, — отвѣтилъ Костя вставая.

— Мы будемъ ждать тебя, Леонъ. Вы себѣ представить не можете, Костя,—пожалѣлась Лизочка,—до чего онъ рѣдко бываетъ у насъ. Ужась!

— Плу-тов-ка, — раздѣльно промолвилъ Леонъ, ущипнувъ ее въ щечку.

— Ваша сестра, — польстилъ офиперъ, — лучшая изъ всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ я встрѣчалъ. И, представьте, еврейка!..

— Да, еврейка, — съ разыграннымъ изумленіемъ сказалъ Леонъ... и наступило молчаніе.

— Такъ до свиданья, — снова выговорилъ Леонъ, притворно вздохнувъ. — Желая вамъ веселиться. Очень люблю русскаго солдата и всѣхъ офицеровъ.

— До свиданья, поклонился Костя и звякнулъ подборрами.

— До свиданья, Леончикъ, — нѣжно пропѣла Лизочка, поднимаясь на цыпочкахъ и подставляя лобъ для поцѣлуя.

— Плу-тов-ка, — снова повторилъ Леонъ и, отвѣсивъ милый поклонъ, вышелъ подчеркнуто молодецкимъ шагомъ.

«Ну, какъ меня не похвалить», — думалъ Леонъ, идя по комнатѣ. — «Вѣдь я мерзавецъ, любого актера за поясъ заткну. Одѣнь меня въ мундиръ, и я офицеръ... Вотъ оттого-то я и люблю себя, подлеца! Офицеръ! Извольте по-офицерски. Генералъ! Извольте по-генеральски. Министръ! И это могу. Вотъ онъ какой Леонъ Дрей! Сейчасъ пустимъ мамашѣ пыль въ глаза. Мамаша, гдѣ вы тутъ?»

— Я здѣсь, — съ живостью произнесла мамаша, выползая изъ тьмы. — Ну, что, Леончикъ?

— Готово! — увѣренно и опредѣленно заявилъ онъ. — Теперь мнѣ все рѣшительно извѣстно.

— Ну, расскажи, ринулась она на него. Ахъ, ты, пройдоха! Ахъ, ты, умница!

— Женится! — многозначительно произнесъ онъ, подмигнувъ однимъ глазомъ.

— Женится? — истерично повторила мамаша, чувствуя, что у нея закружилась голова отъ счастья.

— Конечно! Влюбленъ онъ въ нее, какъ кошка, а денегъ у него наличными пятнадцать тысячъ.

— Какъ? — не вѣря своимъ ушамъ, воскликнула мамаша. — Пятнадцать тысячъ! Я не перенесу этой радости. Откуда ты это узналъ?

— Дурочка вы, развѣ для Леона существуетъ что-нибудь трудное? У Кости пятнадцать тысячъ, онъ женится на Лизочкѣ и будетъ генераломъ... запомните, генераломъ.

— Генераломъ! — бормотала мамаша, бессильно трясая головой. — А ея отецъ — бывший кабатчикъ! Кажется, я съ ума сойду. Ну, что ты скажешь, Леончикъ, о нашей Лизочкѣ?

— Нѣтъ, что вы скажете о Костѣ? — перебилъ ее Леонъ.

— Нѣтъ, что ты скажешь о Лизочкѣ? — настаивала мамаша, погруженная въ свои мысли. — Вотъ когда я плюну на мою старую обезьяну! И онъ смѣлъ еще называть ее проституткой. Самъ онъ проститутка, старый паяцъ! А какъ ты ему понравился, Леончикъ?

— Я произвелъ на него сильное впечатлѣніе, — отчеканилъ Леонъ. — Онъ даже назвалъ меня своимъ другомъ.

— Другомъ? Не можетъ быть!

— Чему вы, мамаша, удивляетесь? Онъ барабанилъ пальцами по столу и я барабанилъ. Онъ признался, что я его очаровалъ, и я признался, что онъ меня очаровалъ. «Зачѣмъ врать?» — пронеслось у него. — «Не твое дѣло, хочу!» Потомъ мы расцѣловались, и у него выкатилась слеза, кажется, изъ лѣваго глаза, если не ошибаюсь. Онъ сидѣлъ такъ... да, изъ лѣваго глаза. Благородный молодой человекъ. Породистая кровь, это не шутка!..

Отъ какого-то внутренняго трепета глаза у Леона неожиданно наполнились слезами и, чувствуя, какъ мурашки поползли у него по спинѣ и волосы на темени взъерошились, взволнованно сказалъ:

— Люблю такихъ людей, честное слово. Ну, гдѣ вы ихъ, мамаша, отыщете? Обойдите хоть полміра и кого встрѣтите? Мерзавцевъ, подлецовъ. А этотъ!.. Ахъ, мамаша, надо знать жизнь...

— А я пьяна отъ радости, — отозвалась мамаша. — Миѣ все равно, кто онъ, лишь бы онъ имѣлъ пятнадцать тысячъ. Съ меня довольно. Боюсь только, что Лизочка долго будетъ съ нимъ тянуть. Она должна сразу ему отдаться... Теперь, Леончикъ, я тебѣ дамъ поѣсть.

— Нѣтъ, у меня уже прошелъ аппетитъ, — все еще почему-то взволнованный отвѣтилъ Леонъ. — Я поѣду въ Варьете. Меня сегодня тянетъ въ Варьете, и я тамъ уже поужинаю.

— Съѣшь хоть печеночку!

— Печеночку дайте, но только поскорѣй!

Она исчезла и черезъ минуту вернулась съ двумя куриными печенками на оберточной бумагѣ, и онъ тутъ же ихъ сталъ ѣсть, жадно и наскоро глотая.

— Я думалъ, что вы забудете посолить, — мямлилъ онъ, отрывая куски зубами.

— Я-то забуду? Что ты, Леонъ? А рубликъ дашь?

— Нѣтъ, мамаша, рублика я вамъ не дамъ.

— Можетъ быть, дашь? Что тебѣ стоитъ?

— Нѣтъ, рублика я не дамъ. А вотъ уже и съѣлъ печеночки. До свиданья, мамаша. Очень вкусныя печеночки.

— Ну, дай хоть пятьдесятъ копѣекъ. А когда ты опять придешь?

Но онъ уже не отвѣтилъ и въ веселомъ возбужденіи со всѣхъ ногъ сбѣжалъ съ лѣстницы. У воротъ онъ остановился.

«Если бы сойтись съ богатой женщиной, — пронеслось у него... — Но почему онъ взволнованъ?.. Вотъ моя звѣзда ярко горитъ на небѣ. Настроение у меня прекрасное, какъ разъ для богатой женщины... Поѣду слушать пѣвичекъ и какъ слѣдуетъ поужи-

наю. Позовемъ извозчика. Извозчикъ! Поѣзжай въ Варьете!»

Онъ уже сидѣлъ въ дрожкахъ и, покачиваясь и сладостно мечтая все еще мирно и благодушно, шепталъ что-то.

Огромные, матовые, электрическіе фонари бросали на улицу и на высокія роскошныя зданія стіля нуво мягкій, теплый, дневной свѣтъ. Галантные люди въ цилиндрахъ, въ котелкахъ, въ модныхъ пальто, и дамы въ шикарныхъ шляпахъ и длинныхъ мѣшкахъ-манто, изъ тьмы, пріятно и неожиданно освѣщенные во весь ростъ, вступали въ полосу дня, и смѣясь и непринужденно разговаривая, исчезали въ высокіхъ новостильныхъ воротахъ кафешантаннаго театра. Кареты и коляски скользили въ рядъ одна за другой и незамѣтно уходили во тьму куда-то за большими арками...

Леонъ Дрей ловко соскочилъ съ дрожекъ, расплатился съ извозчикомъ и, не слушая его просьбъ о прибавкѣ, съ неестественно озабоченнымъ, надменнымъ лицомъ двинулся къ входу.

Впивая всѣмъ существомъ своимъ и бѣлый свѣтъ, и аромат духовъ, застывшихъ въ воздухѣ, и роскошь нарядовъ, и мелькавшія обворожительныя женскія лица, онъ не спѣша прошелъ къ монументальнымъ воротамъ, остановился съ толпой, и смѣривъ презрительнымъ гордымъ взглядомъ почитительно отступившаго передъ нимъ человѣка въ ливреѣ, сталъ внимательно читать колоссальную, въ три краски, афишу, висѣвшую на стѣнѣ. По бѣлому полю красно-черно-желтымъ жирнымъ шрифтомъ было напечатано:

ТЕАТРЪ ВАРЬЕТЕ.

ЮЖНЫЙ РЕСТОРАНЪ.

ДИРЕКЦІЯ И. КОЗЯВКИНА.

СЕГОДНЯ ДЕБЮТЫ НОВЫХЪ АРТИСТОВЪ.

Американскій дуэтъ — Миллеръ и Бахусъ.

Румынскій Ансамбль — Коганеску.

Знаменитыхъ Партерныхъ Атлетовъ — Борьба эксцентричныхъ Мишель и Спалли.

Комическая — Азу Сахеръ.

Знаменитая Французская Этуаль — Миронда.

Серра де-ла-Керра.

Валансъ Паулетонъ.

Комическій дуэтъ — Сребротаевыхъ.

Французскій дуэтъ — Жолли и Вилли.

И много другихъ... Колоссальная программа.

Белль Афанасьева исполнить модный танецъ Ки-Ка-Пу.

Жизнь въ стѣнахъ гарема.

НЕВИДАННО! НОВО! ИЗУМИТЕЛЬНО!

ВЕЧЕРЪ СМѢХА.

И, наконецъ: Ждутъ Китайцевъ!

Приглашенъ специально французскій поварь, мосье Этьенъ.

Начало въ 9 часовъ вечера.

Съ почтеніемъ И. Козявкинъ.

Прочитавъ дважды афишу съ нескрываемымъ удовольствіемъ и пріятно улыбаясь сосѣдямъ, также внимательно изучавшимъ ее, Леонъ Дрей вынулъ изъ кармана кошелекъ, посмотрѣлъ, есть ли въ немъ деньги, и, зажавъ его въ рукѣ, направился въ кассу за билетомъ. Въ гардеробной къ нему сейчасъ же подбѣжалъ лакей въ зеленой ливреѣ, но онъ небрежнымъ истинно-барскимъ жестомъ отослалъ его и такъ, въ шляпѣ, сложивъ губы, какъ бы для свиста, но не свистя, и держа свою палку съ красивымъ набалдашникомъ по-солдатски на караулъ, вступилъ въ залъ зимняго сада.

Театръ былъ переполненъ... Какъ въ панорамѣ, замелькали женскія шляпки, лысины, шевелюры, усы, большіе и меньшіе, нѣжныя бакенбарды, монокли, спины и затылки, оголенные женскія плечи, лица, застывшія въ здоровомъ смѣхѣ, полуулыбки и раскрытые рты. Тамъ и здѣсь раздавался повелительно-нетерпѣливый, раздражающій стукъ ножей о тарелки, вилокъ о стаканы, бутылокъ о столы. Лакеи въ карикатурно коротенькихъ черныхъ пиджачкахъ со смятыми салфетками подъ мышками, торопливо пробирались среди невозможно тѣсныхъ проходовъ съ хлопотливымъ выраженіемъ на бритыхъ лицахъ... Гдѣ-то хлопали пробки, шипѣло, слышался визгливый, искусственный женскій смѣхъ или отчетливый, рассчитанный на эффектъ хохотъ между паузъ. Кто-то кричалъ надорваннымъ голосомъ: «гдѣ управляющій, чортъ васъ побери, подайте намъ управляющаго!..» Въ ложѣ со спущенной занавѣской какой-то упрямецъ, должно быть пьяный, настойчиво, здоровымъ молодымъ голосомъ басилъ: «гаудеамусъ игитуръ»... Вся эта пестрота звуковъ, линій, фигуръ и масса свѣта, и отдѣльно выступавшіе голоса, и смѣсъ запаховъ алкоголя, пива, кухни и духовъ, и игра румынскаго ансамбля Коганеску создавало настроеніе чего-то кошмарнаго, не дѣйствительнаго... Леонъ Дрей, на мигъ ошеломленный, остановился.

«Восторгъ!»—съ наслажденіемъ думалъ онъ.—«Ну, стоитъ ли сидѣть по вечерамъ дома? Ахъ, какія шикарныя плечи! Ахъ, декольте! Ахъ, руки! Какія пріятныя, пикантныя лица! Что за прелестная музыка! Не толкайтесь, молодой человѣкъ»,—съ достоинствомъ сказалъ онъ вдругъ какому-то юношѣ, который энергично локтями расчищалъ себѣ дорогу.—«Прошу не толкаться!»—величественно бросилъ онъ ему вслѣдъ на презрительный взглядъ.—«На-халь!»

Съ полнымъ душевнымъ удовольствіемъ, радуясь, что хорошо отдѣлалъ молодого наглеца, онъ осторожно, бочкомъ, бросая «пардонъ, пардонъ»... на каждомъ шагу, пробрался къ стѣнѣ... Здѣсь онъ вздохнулъ, снялъ котелокъ и картинно оперся о нее, скрестивъ по-мефистофельски ноги и выпятивъ грудь... Чувствуя, что производитъ впечатлѣніе своей красотой, онъ, чтобы еще больше заинтересовать, свернулъ руку въ трубочку, и, словно въ бинокль, сталъ разсматривать публику, стараясь между прочимъ отыскать знакомое лицо, съ которымъ могъ бы пристроиться за столикомъ. Съ минуту постоявъ такъ, онъ опустилъ руку и перевелъ глаза на сцену.

«Очаровательно, чудесно!»—похвалилъ онъ.

Тамъ стояла теперь прехорошенькая, изящная Серра де-ла-Керра въ испанскомъ, широко вырѣзанномъ въ груди, костюмѣ и рѣзко выкрикивала что-то подъ носъ на непонятномъ языкѣ. Вниманіе ея было главнымъ образомъ направлено на то, чтобы повыше поднять пушистую, словно изъ красной пѣны, юбку и нарочито поправлять спадавшій съ плечъ бантъ. При каждомъ движеніи она ловко обнажала грудь, и пьяная компанія моряковъ, сидѣвшихъ въ первомъ ряду въ отвѣтъ отчаянно, заражая всѣхъ, кричала «браво».

Леонъ Дрей одобрительно улыбнулся и сталъ аплодировать.

Прозвенѣлъ колокольчикъ, и Серра де-ла-Керра убѣжала, помахавъ морякамъ передкомъ своей пу-

шистой юбки, какъ хвостикомъ. Моряки начали вызывать, публика подхватила... Она вышла, опять обнажила грудь, помахала передкомъ юбки и исчезла.

Леонъ, насладившись этой сценой, за которой, однако, слѣдилъ свысока и снисходительно, такъ какъ видывалъ нѣчто получше и поинтереснѣе въ этомъ же самомъ саду, отвернулся и снова сталъ разглядывать публику.

Да, это все тѣ же возбуждающія, радующія, увлекающія лица садовъ, клубовъ, оперетокъ, буффовъ. Банкиръ, купецъ, проворовавшійся кассиръ, мелкій ростовщикъ, дисконтеръ, шулеръ, случайно выигравшій большую сумму, приказчикъ, чиновникъ, военный, студентъ, сутенеръ, кокотка. Группа карточныхъ шулеровъ. Какія странныя, характерныя лица, съ низко подстриженными, какъ у каторжниковъ, головами. Здѣсь — загулявшіе сутенеры... Тамъ — поставщики женщинъ, лошадей. Кучки отгруппировались. Сутенеры враждуютъ съ шулерами, шулера съ ростовщиками, темные дѣльцы ненавидятъ и тѣхъ и другихъ, но всѣ жаждутъ одного, поживиться какъ-нибудь у этой тупой ищущей наслажденія толпы. И вотъ, наконецъ, она сама, ея величество толпа кафешантана: разодѣтыя женщины, мужчины, старики и старухи, подростки, юноши, дѣти, учащіеся, учителя и проч. Развалившись и разстегнувъ мундиры, пьяные, оголтѣлые, готовые ни въсть что сдѣлать, сидятъ студенты и офицеры. Бородатые купцы, банкиры, стриженные по-европейски, пшюты въ пенснэ, выскочки высматриваютъ хористокъ. Пара за парой, нѣжно, подъ руки гуляютъ кокотки въ бѣлыхъ, синихъ, желтыхъ, фантастическаго покроя, платьяхъ. Вотъ толпа, неизвѣстно чѣмъ живущая, толпа прихлебателей, собутельниковъ, готовыхъ за угошеніе совершить любую пакость. Какая пестрота лицъ! Всѣ смѣшались въ одномъ стремленіи, въ одномъ судорожномъ усилии получить въ этотъ вечеръ что-то очень нужное, необходимое, ошеломляющее, какъ га-

шишь. Всѣ безъ оглядки пьютъ, кричатъ, ѣдятъ, обнимаютъ женщинъ, цинично воркуютъ, бьютъ палками по столамъ въ тактъ съ дребезжащей музыкой, поютъ, хохочутъ. Летятъ пробки высоко вверхъ, вино искрится въ бокалахъ, надъ столами дымится жареное мясо, и уже тихо крадутся дѣлцы къ своимъ пьянымъ жертвамъ...

А на сценѣ опять весело, красиво, привлекательно... Номера плавно, безъ задержки замѣняются новыми. Декорации однѣ и тѣ же. Черный сфинксъ, пустыня, намалеванная на полотнѣ, желтые пески, далекіе караваны... Звенить колокольчикъ. Подмостки вздрагиваютъ и на сцену выбѣгаетъ вся въ газѣ очаровательная дива шантана Миронда. Напряженное ожиданіе... Легкій гулъ...

— Тише! Миронда, Миронда...

Въ оркестръ громъ. «Тише!.. Миронда»...

«Вы всѣ у меня въ рукахъ!» — какъ бы говорятъ толпѣ ея жесты.

— Тише, тише!

— Шикарно, изумительно! Тише же, чортъ васъ побори!

Толпа замерла. Миронда поетъ.

Леонъ Дрей давно уже не слѣдитъ за сценой. Онъ занятъ совершенно другимъ... Нѣсколько взглядовъ, брошенныхъ на него новопришедшими, важнымъ господиномъ въ цилиндрѣ, ведшимъ подъ руку даму въ длинномъ мѣховомъ пальто, другимъ господиномъ съ моноклемъ въ глазу, отдѣльно двумя дамами, блиставшими брилліантами серегъ и жемчугомъ ожерелій, вскружили ему голову...

«Оглядываются, шепчутся! Вѣроятно, о немъ! Конечно, о немъ. Сколько здѣсь женщинъ мечтаютъ о такомъ любовникѣ, какъ онъ. Кто такъ красивъ, такъ свѣжъ, такъ строенъ и статенъ, какъ онъ? На бѣломъ

фонъ стѣны онъ, вѣроятно, выдѣляется, какъ чудо красоты и молодости»...

Прошли еще новые... Они оглядываютъ его, шепчутся... Леонъ слышитъ слова восхищенія... И отъ гордости, и отъ сладостной радости въ глазахъ его накипають слезы.

«Боже мой, могъ ли онъ мечтать, что поднимется такъ высоко, когда его уже нельзя будетъ отличить отъ богача, сорящаго тысячами? Въ банкѣ у него имѣются полторы тысячи, одѣвается онъ прекрасно, избранное общество начинаетъ выказывать ему свое почтеніе, уже замѣчаетъ его... А вѣдь еще только четыре года тому назадъ онъ готовъ былъ на всякую работу, лишь бы имѣть возможность прилично одѣваться, носить свѣжіе воротнички и хорошенькіе галстуки. И за что только онъ ни брался! Онъ былъ переписчикомъ у адвокатовъ и пробовалъ служить въ конторахъ... Бросилъ! Былъ агентомъ по распространенію мыла, пишущихъ машинъ, ваты и выигрышныхъ билетовъ иностранныхъ лоттерей... Бросилъ! Писалъ рекламы для фирмъ, былъ статистомъ въ опереткѣ, помощникомъ дезинфектора въ холеру, — но всевозможныя занятія, которыя онъ перепробовалъ, ни на шагъ не подвинули его впередъ. Вездѣ и во всемъ онъ проявлялъ большія способности, но отвращеніе къ труду, лѣнь, неизвѣстно почему жившая въ немъ увѣренность, что его ждетъ блестящее будущее, желаніе взять все сразу и избалованность красиваго юноши, за которымъ бѣгали женщины, не давали ему возможности сосредоточиться. Сегодня агентъ по страхованію, завтра статистъ, тамъ полуадвокатъ, здѣсь дезинфекторъ, а въ итогѣ нуль, круглый нуль».

Весело на душѣ у Леона Дрея... Слава Богу, что нуль! Какъ ловко, остроумно сбросилъ онъ съ плечъ свое прошлое... Маленькій шантажъ, лесть, дутый вексель, дураки, одна невѣста, другая невѣста, третья и вотъ онъ уже на хорошей дорогѣ.

«Любуйтесь же мной, господа и прекрасныя

дамы, я не страшень! Я нѣженъ, я мягокъ, я не кусаюсь и на все пойду... Прикажите только! Подходите же ко мнѣ, зовите меня къ себѣ, прелестные господа и дамы!»

Такъ думая и улыбаясь мужчинамъ привѣтливо и дамамъ таинственно и заманчиво, онъ вдругъ съ большимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за полнымъ, съ выхоленнымъ лицомъ, господиномъ, появившимся въ дверяхъ.

«Адвокатъ Мельниковъ,—съ удивленіемъ подумалъ Леонъ. — Мельниковъ, мужъ очаровательной госпожи Мельниковой, которую я лишь сегодня встрѣтилъ на улицѣ... Прекрасно, прекрасно, придумаемъ что-нибудь... Онъ усаживается недалеко отъ меня. Надо стать такъ, чтобы онъ меня замѣтилъ. Можетъ быть, онъ пришелъ кутить? Можетъ быть, хочетъ дѣвочку? Все возможно, все возможно...»

Между тѣмъ, господинъ, заинтересовавшій Леона, спокойно устроился за столикомъ. Лакею онъ велѣлъ подать себѣ содовой воды, разстегнулъ свой черный сюртукъ и вытеръ потъ со лба. Потомъ досталъ изъ кармана какую-то бумагу, разсѣянно просмотрѣлъ ее. Положилъ бумагу обратно въ карманъ, высморкался въ большой, бѣлый, туго накрахмаленный платокъ и полузѣвнувъ взглянулъ на сцену. Затѣмъ озабоченно вынулъ часы изъ жилетнаго кармана. Замѣтивъ Леона, налилъ себѣ воды въ стаканъ.

«Великолѣпный случай, — думалъ Леонъ, принявъ рѣшеніе во что бы то ни стало познакомиться съ Мельниковымъ. Если тебѣ хочется покутить, то я покучу съ тобой такъ, что ты меня годъ будешь помнить. Будешь моимъ, милый мой,—ласково шепталъ онъ.— Съ вашимъ братомъ я знаю, какъ надо разговаривать. Я къ тебѣ безъ мыла въ душу влѣзу! И до прелестной жены твоей доберусь. Подожди, дай только взять тебя въ руки!»

Разсуждая самъ съ собой, похожій на кота, собравшагося прыгнуть, Леонъ сталъ, крадучись, мягко

ступая, подвигаться впередъ, стараясь снова обратить на себя вниманіе Мельникова.

«Поклонюсь ему, будь что будетъ»,—рѣшилъ онъ, когда тотъ, почувствовавъ чей-то взглядъ, обернулся.

Онъ вдругъ снялъ шляпу и опустилъ ее до колѣнъ, какъ-будто увидѣлъ передъ собой министра. Господинъ Мельниковъ, замѣтивъ, что какой-то молодой человѣкъ кланяется ему, вѣжливо отвѣтилъ тѣмъ же, твердо, однако, увѣренный, что тутъ какая-то ошибка.

«Меня часто принимаютъ за другого»,—усмѣхаясь подумалъ онъ и налилъ себѣ снова воды въ стаканъ.

Но Леонъ не отставалъ... Лицо его моментально преобразилось. Это не былъ уже растакверкски надменный Леонъ Дрей съ величественно спокойнымъ лицомъ и сытымъ взглядомъ. Подвигался застѣнчивый, робкій молодой человѣкъ, съ милыми голубыми глазами, изящными усами, не знающій, что дѣлать со своими руками.

«Онъ, кажется, направляется ко мнѣ, — поднявъ брови, подумалъ господинъ Мельниковъ, невольно слѣдя за Леономъ.—Сдѣлаемъ строгое лицо и встрѣтимъ его сухо. Однако, какой красивый молодой человѣкъ! Онъ положительно плѣняетъ меня!».

Тѣмъ временемъ Леонъ подошелъ уже близко къ господину Мельникову, остановился отъ него на разстояніи одного шага и, снявъ еще разъ шляпу, изобразилъ лицомъ, что не смѣетъ подать руки.

Господинъ Мельниковъ, съ своей стороны, тоже изобразилъ недоумѣніе строгое и снисходительное, но отвѣсилъ величественный поклонъ. Онъ отлично зналъ, какъ надо вести себя въ такихъ случаяхъ и перво-на-перво рѣшилъ подождать объясненія. Самъ онъ былъ очень упрямымъ, цѣльнымъ, педантичнымъ человѣкомъ и ни за что въ мірѣ первый не задалъ бы вопроса. Если подошли къ нему, то должны, онъ подчеркивалъ «должны», объяснить ему, въ чемъ дѣло. Лѣтъ сорока трехъ, блондинъ, съ небольшой бородой

и здоровыми желтыми зубами, очень полный, высокій, съ большимъ животомъ,—таковъ былъ адвокатъ Мельниковъ, специалистъ по конкурснымъ дѣламъ. За нимъ считалась хорошая, солидная кліентель, и, однако, при всей своей ремесленной ловкости, въ жизни это былъ довольно ограниченный человѣкъ. Существовала, на примѣръ, его теорія воспитанія, его пониманіе морали, религіи, государства, долга и т. д., и т. д. Себя онъ уважалъ необыкновенно, свое педанство онъ возвелъ въ принципъ, но очень любилъ лесть. Сказать ему, на примѣръ: «вы рѣдкій семьянинъ», или «кто же не знаетъ проникательнаго ума господина Мельникова», или «вы гениально воспитываете своихъ дѣтей»,—значило пріобрѣсти въ немъ искренняго, преданнаго друга... И еще мнилъ себя выдающимся физиономистомъ.

— Осмѣлюсь ли я,—говорилъ, между тѣмъ, Леонъ Дрей, ласково засматривая ему въ глаза...

«Какой красивый молодой человѣкъ»,—думалъ господинъ Мельниковъ, разглядывая его.—Линія лба благородна... Правда, нижняя губа нѣсколько выпячена... Характеръ страстный. Но прямой, ровный, чуть-чуть съ горбинкой римскій носъ сглаживаетъ недостатокъ этой легкой чувственности въ губѣ. Спросимъ его, какъ спрашиваемъ обыкновенно:

— Чѣмъ могу служить, молодой человѣкъ?

— Простите великодушно, но вѣдь вы, если не ошибаюсь, нашъ знаменитый адвокатъ, господинъ Мельниковъ,—сказалъ запинаясь Леонъ и съ такимъ выраженіемъ, будто не былъ увѣренъ въ этомъ.

— Да, я дѣйствительно Мельниковъ,—сказалъ тотъ, чуть покраснѣвъ, но сохраняя на своемъ лицѣ искусственное равнодушіе.

— Вы?.. Значить, я не ошибся,—съ радостью воскликнулъ Леонъ, пріятно и отчетливо выговаривая и восторженно глядя на него.—Я васъ сразу узналъ. Я видѣлъ вашъ портретъ у одного моего пріятели. О, какъ я радъ, что удостоился... Позвольте мнѣ сказать вамъ, что я безконечно счастливъ, встрѣтивъ васъ.

— Почему вы такъ счастливы?—будто не понимая, спросилъ господинъ Мельниковъ.

— Во-первыхъ, у меня есть дѣло къ вамъ... Одинъ очень почтенный господинъ... Но объ этомъ, если позволите послѣ. Во-вторыхъ, какъ же это не счастье,—просто душно говорилъ Леонъ. — Вѣдь я удостоился видѣть самого господина Мельникова, не такъ ли? Я вѣдь говорю съ знаменитымъ адвокатомъ, господиномъ Мельниковымъ? Вѣдь вы тотъ самый?—съ подкупающей восторженностью переспросилъ онъ.

«Кажется, я гдѣ-то уже встрѣчался съ нимъ», — подумалъ Мельниковъ, пріятно очарованный голосомъ и манерами Леона.

— Да, я тотъ самый! Но, кажется, мы съ вами гдѣ-то встрѣчались? — очень дружелюбнымъ голосомъ спросилъ громко Мельниковъ.

— Можетъ быть, въ какомъ-нибудь банкѣ?

— Я, дѣйствительно, бываю въ банкахъ, — задумчиво сказалъ господинъ Мельниковъ, — однако, нѣтъ, тамъ мы не встрѣчались, помню твердо. Гдѣ же все-таки я васъ видѣлъ?—съ мучительнымъ нетерпѣніемъ спросилъ онъ еще разъ.

— Не на художественной ли выставкѣ? — подсказалъ Леонъ.

— И не на выставкѣ... А, впрочемъ... — господинъ Мельниковъ высморкался въ свой большой, бѣлый, туго накрахмаленный платокъ, — что собственно?..

— Я готовъ отвѣтить на каждый вашъ вопросъ, — пришелъ ему на помощь Леонъ.

— Да, да, — поблагодарилъ знакомъ господинъ Мельниковъ и задумался.

«Я бы въ сущности долженъ былъ его отослать, — разсуждалъ онъ.— По дѣламъ вѣдь я принимаю только отъ двухъ до четырехъ, но по этой ямочкѣ, играющей нѣжно на его подбородкѣ, съ увѣренностью допускаю, что это очень скромный, милый собесѣдникъ... Да, скромный, почтительный и, несомнѣнно, на вопросы долженъ давать осмысленные отвѣты. Обласкаю его».

— Молодой человекъ,—сказалъ онъ громко,—я не обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ о вашемъ дѣлѣ. Подчеркиваю «не». Пока не отвѣчайте. Я не кончилъ. Предупреждаю, что очень не люблю, когда меня прерываютъ. Я не сомнѣваюсь въ вашихъ намѣреніяхъ, но если мое предположеніе вѣрно насчетъ васъ, а я думаю, что у васъ есть дѣло ко мнѣ, то долженъ сказать съ полной искренностью, что время и мѣсто вы выбрали неподходящее. Во-первыхъ, я поджидаю кліента, который мнѣ здѣсь назначилъ свиданіе, а, во-вторыхъ, принимаю по дѣламъ у себя отъ двухъ до четырехъ. Не угодно ли мою карточку?

— Буду счастливъ носить ее въ своемъ карманѣ,—съ милымъ смущеніемъ пролепеталъ Леонъ.

«Отвѣтъ совершенно осмысленный; какъ я и предвидѣлъ»,—самоувѣренно и съ удовольствіемъ подумалъ господинъ Мельниковъ.

Засунувъ руку въ боковой карманъ своего отличнаго сюртука, онъ вытащилъ оттуда бумажникъ изъ темной кожи, небрежно раскрылъ его и очень ловко отыскалъ среди кредитокъ, писемъ и какихъ-то бумагъ свою большую визитную карточку.

— Вотъ, не угодно ли, молодой человекъ?

Леонъ внимательно прочиталъ карточку, и лицо его выразило самую искреннюю радость. Но вдругъ лобъ его нахмурился, и онъ съ ужасомъ произнесъ

— Боже мой, Боже мой, что же я дѣлаю?

— Кажется, ничего,—съ безпокойствомъ произнесъ Мельниковъ, не замѣтивъ ничего подозрительнаго въ его движеніяхъ.

— Какъ ничего? Я вѣдь заслуживаю тысячи упрековъ. Простите меня. Только ваше безконечное терпѣніе и доброта могли примирить васъ съ моей невоспитанностью. Я просто дикарь какой-то. Вы явились сюда ради наслажденія, можетъ быть, разсѣяться, а я осмѣливаюсь уже четверть часа...

— Но не волнуйтесь же, молодой человекъ,—принялся успокаивать его господинъ Мельниковъ.—Я не

нахожу въ вашемъ поведеніи, подчеркиваю «поведеніи», ничего предосудительнаго или отталкивающаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не прощу себѣ этого,—разстроено говорилъ Леонъ, показавъ господину Мельникову, что у него глаза въ слезахъ.

«Очень пріятный молодой человѣкъ»,—съ удовольствіемъ подумалъ Мельниковъ.—«Совершенный ребенокъ! Его нижняя губа говоритъ скорѣе о восторженности и экспансивности. Правда, чаще это признакъ чувственности, но мы, фізіономисты, знаемъ, что бываютъ исключенія...»

— Послушайте,—дружески сказалъ онъ,—вѣдь это же ребячество. У васъ слезы на глазахъ. Вы прекрасно поступили. Не огорчайтесь же! Присядьте къ столу, выпейте воды...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не смѣю...

— Нѣтъ, ужъ сядьте, я дважды не люблю повторять...

— Нѣтъ, я не смѣю...

И улыбаясь счастливо, онъ присѣлъ на край стула и наивно спросилъ:

— А не позволите ли вы мнѣ заказать оранжаду съ соломинкой?

«Положительно, ребенокъ»,—подумалъ господинъ Мельниковъ.

«Положительно, я ему влѣзъ въ душу»,—подумалъ Леонъ.

— Заказывайте оранжадъ, —привѣтливо сказалъ господинъ Мельниковъ.

Леонъ Дрей, внутренне улыбаясь, постучалъ деликатно палкой по столу, робкимъ, тихимъ голосомъ заказалъ лакею оранжаду съ соломинкой и сталъ ждать, пока господинъ Мельниковъ соблаговолитъ заговорить съ нимъ.

«Съ чего бы начать?»—спросилъ себя Леонъ, когда молчаніе начало казаться ему неловкимъ. «Знаменитымъ я его уже назвалъ... Теперь надо показать, что и я не кто-нибудь... А тамъ посмотримъ... по обстоятельствамъ».

— Я вижу, что васъ интересуеть сцена, — промолвилъ онъ, взявъ въ ротъ соломинку.

— Послѣ работы, иногда, — отвѣтилъ Мельниковъ.

— Сцена — моя жизнь, — скромно признался Леонъ, — но эта музыка... прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Мельниковъ при словѣ «музыка» сдѣлалъ кислое лицо, — совершенно порочная!.. Вотъ гдѣ гибнетъ искусство!

— Ужасная музыка, молодой человѣкъ...

— Интересныя актрисы... то есть виноваты, — поправился онъ, уловивъ цѣломудренное презрѣніе въ глазахъ Мельникова, — я хотѣлъ сказать, что онѣ были бы интересны, если бы не продали своихъ талантовъ и вдохновенія за похлебку...

«Какъ это говорятъ? Забылъ это проклятое слово», — съ досадой подумалъ онъ. — «Похлебка... Пшеничная, овсяная? Кажется, пшеничная...»

— За пшеничную похлебку, — увѣренно закончилъ Леонъ.

Онъ положилъ руки на колѣни и подобострастно сталъ смотрѣть на Мельникова. Пососалъ соломинку.

— Я презираю эту кафешантанную грязь, — отозвался наконецъ Мельниковъ, выходя изъ задумчивости. — Я очень рѣдко бываю въ этихъ мѣстахъ, но съ каждымъ разомъ убѣждаюсь все больше, что здѣсь культивируется развратъ.

«Ну, если ты таковъ», — весело подумалъ Леонъ, то сейчасъ будешь моимъ. — «Хватай его, Леонъ»,

— Вы тоже держитесь этого мнѣнія, — какъ бы пораженный тѣмъ, что услышалъ, воскликнулъ онъ. — Я вѣдь.. Но я не рѣшаюсь въ вашемъ присутствіи прибавить къ тому, что вы сказали, ни одного слова. О, какъ меня обманывали, — съ искренностью въ голосѣ признался онъ. — Какъ старались убѣдить меня въ противномъ лукавые люди. Если бы я смѣлъ, я бы записалъ ваши слова. Учите насъ, молодежь, учите, дорогой наставникъ. О, если бы эти соблазнителья наши слышали васъ.

Онъ изобразилъ на лицѣ и вѣру и восторгъ, за-

меръ на мигъ, какъ бы отъ благоговѣнія, а затѣмъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ поймать руку Мельникова и пожать ее съ благодарностью. Господинъ Мельниковъ почувствовалъ себя окончательно плѣненнымъ и растроганнымъ. Онъ открылъ ротъ, чтобы отвѣтить Леону, но въ эту минуту грянулъ оркестръ. Барабанщикъ и трубачъ дѣлали величайшія усилія, чтобы произвести какъ можно больше шума. Зазвенѣли металлическіе тазы, и подъ звуки этой дьявольской ритурнели, въ которой нельзя было различить музыкальнаго напѣва, изъ-за кулисъ парами медленно вышли полуголыя танцовщицы, торжественно отбивая тактъ ногами.

Господинъ Мельниковъ позеленѣлъ отъ досады.. Изобразивъ руками, что просить убрать или унести куда-нибудь звуки этого барабана и трубы, скрививъ болѣзненно лицо, онъ вдругъ съ негодованіемъ сказалъ:

— И это музыка!

— Какъ?—переспросилъ Леонъ, не разслышавъ.

— Я говорю,—крикнулъ господинъ Мельниковъ:— и это музыка. Эти несчастные думаютъ, что они служатъ искусству!

— Простите, я не разслышалъ вашихъ словъ, — изобразилъ Леонъ жестами и мимикой.

— Нѣтъ, ужъ увольте,—крикнулъ тогда изо-всѣхъ силъ Мельниковъ.—Это превосходитъ всякій голосъ... Подождемъ, пока эти дикари кончатъ.

Леонъ, чтобы успокоить его, принялся нѣжно ухаживать за нимъ. Онъ налилъ ему содовой воды въ стаканъ, изобразилъ лицомъ, что тоже ненавидитъ эту музыку, этотъ глупый барабанъ, эту дурацкую трубу, прокричалъ что-то, показалъ подъ столомъ капельмейстеру кулакъ и, когда, наконецъ, вакханалія на сценѣ кончилась, съ жаромъ предложилъ:

— А не позволите ли вы мнѣ пойти дать нагоняя капельмейстеру? Я способенъ теперь разорвать его въ клочки...

— О, нѣтъ, нѣтъ,—овладѣвъ собою, сказалъ Мельниковъ.—Никогда не давайте воли своимъ чувствамъ. Эти люди не вѣдаютъ, что творять. Вернемся къ нашему разговору.

Не обращая вниманія на ласковое «о, господинъ Мельниковъ» Леона, онъ съ чувствомъ началъ:

— Молодой человѣкъ, я вижу, что вы, несмотря на свою сравнительную юность, довольно проникательны. Подчеркиваю «довольно». Я, дѣйствительно, хорошо знаю жизнь. Передъ вами сидитъ человѣкъ, котораго много трепали житейскія бури, но который, вопреки этимъ бурямъ, а можетъ быть, благодаря имъ, вынесъ о жизни все-таки свѣтлое представленіе. Не бойтесь, я знаю ея жало. Но есть въ природѣ и противоядія. Она, жизнь,—продолжалъ онъ съ пафосомъ,—и есть именно то, что формируетъ нашъ духъ, умѣряетъ пылкіе порывы души, и самое важное, указываетъ точно и ясно каждому его мѣсто въ этомъ мірѣ. Молодой человѣкъ, помните одно: все идетъ къ умѣренной мудрости.

— Какая блестящая рѣчь, — словно ослѣпленный этимъ дождемъ, искренно воскликнулъ Леонъ, придвигая свои колѣни поближе къ колѣнямъ господина Мельникова. — Я... о, не разсердитесь на меня, только не разсердитесь, я — мечтаю, нѣтъ, я не смѣю сказать, о чемъ я мечтаю.

— Отчего же, — снисходительно спросилъ господинъ Мельниковъ, — я выслушаю васъ съ удовольствіемъ.

— Вы позволяете? Благодарю, благодарю! Знаете ли, почему я осмѣлился подойти къ вамъ, если не считать моего дѣла? Я хотѣлъ почтительно поклониться сильному таланту. «Иди, поклонись сильному таланту»,—сказалъ мнѣ какой-то внутренній голосъ. Но сейчасъ, прослушавъ васъ, дерзкая мысль мелькнула въ моей головѣ. «Кто лучше васъ можетъ освѣтить однимъ мудрымъ словомъ всю дорогу твоей жизни?»—пронеслось у меня. Простите мою дерзость...

— Я прощаю вамъ отъ всего сердца, — сказалъ господинъ Мельниковъ. — Ваша цѣль говорить о вашихъ прекрасныхъ намѣреніяхъ. Я докончу вашу мысль: вы хотѣли сказать, что стремитесь обогатиться опытомъ и знаніемъ людей, которыхъ судьба вознесла высоко. Вы вѣдь это хотѣли сказать?

— Но... откуда же вы знаете?—воскликнулъ Леонъ, какъ бы пораженный. — Вы читаете въ моей душѣ, какъ въ открытой книгѣ.

Онъ еще ближе придвинулся къ господину Мельникову, явно выказывая желаніе обнять его или облобызать ему руку, или совершить какое-нибудь другое юношеское безразсудство. Но Мельниковъ, уже знавшій о его восторженности по признаку нижней губы, зорко слѣдилъ за нимъ и, замѣтивъ его движеніе, отгородился руками.

— Я вижу, — сказалъ онъ, — что у васъ дѣйствительно пылкое благородное сердце. Съ своей стороны, я постараюсь быть вамъ въ помощь. Разсчитывайте на меня. Ваше желаніе познать жизнь черезъ опытъ счастливецъ судьбы зажгло и меня. Приходите ко мнѣ безъ церемоній. Я подѣлюсь съ вами всѣмъ моимъ опытомъ. Я расскажу вамъ о своей жизни. Большими штрихами я нарисую ее передъ вами... Позвольте, позвольте, — продолжалъ онъ съ юношескимъ увлеченіемъ, — мы снова провѣримъ мой принципъ «все идетъ къ умѣренной мудрости».

— Я не знаю, — со слезами на глазахъ перебилъ его Леонъ, — чего мнѣ сейчасъ хочется, положить ли голову на ваше плечо и выплакаться, или обнять васъ...

— Ничего этого не нужно, — съ отеческимъ упрекомъ сказалъ Мельниковъ. — Но не скажете ли вы мнѣ, однако, кто вы? Я до сихъ поръ еще не знаю этого. Служите ли вы въ какомъ-нибудь учрежденіи, казенномъ или частномъ, или совсѣмъ не служите и къ службѣ не имѣете отношенія, окончили ли вы какое-нибудь учебное заведеніе, среднее или высшее?

— Ни то, ни другое, ни третье, — съ сокрушеніемъ

сказалъ Леонъ.—Я сынъ бѣдныхъ и, увы!—простите за рѣзкое слово—презрѣнныхъ родителей, людей мелкихъ, жадныхъ къ грошовой наживѣ... Средства у меня порядочныя. Я вышелъ изъ седьмого класса гимназіи, по причинѣ необыкновенной жадности моихъ родителей. Но... разрешите мнѣ сегодня не рассказывать о своемъ дѣтствѣ. Можетъ быть, когда-нибудь... да и то, нужно ли это? Я хочу только учиться у мудрыхъ людей. Зовутъ же меня—Леонъ Дрей.

— Очень хорошо, любезный Дрей, — произнесъ Мельниковъ, — я васъ съ удовольствіемъ выслушалъ. Отвѣтъ вашъ меня вполнѣ удовлетворилъ. Итакъ, рѣшено, приходите ко мнѣ запросто, не отъ двухъ до четырехъ и безъ церемоній. У меня мелькнула новая мысль... Но, нѣтъ, я вамъ еще не скажу ее. Приходите, а тамъ увидимъ.

— Отецъ, нѣтъ, что я говорю, простите,—съ чувствомъ сказалъ Леонъ, начавъ ловить руку Мельникова.—Я никогда не забуду вашей доброты. Позвольте мнѣ пожать...

— Извольте, извольте, — согласился Мельниковъ, когда Леону удалось поймать его руку.— Но теперь поднимайтесь безъ возраженій и уходите. Я вижу моего кліента, съ которымъ я сейчасъ же долженъ буду удалиться. Приходите, и чѣмъ скорѣе я васъ увижу, тѣмъ это мнѣ будетъ пріятнѣе.

— Господинъ Мельниковъ,—пылко началъ Леонъ, поднимаясь...—Но... я ничего не скажу. До свиданья, до свиданья! Я приду! До свиданья...

Онъ нѣсколько разъ очень энергично потрясъ пухлую, жирную руку Мельникова и, держа въ лѣвой рукѣ свою шляпу у колѣнъ, сталъ медленно отступать, элегантно и многократно отвѣшивая поклоны.

.....

«Кто бы могъ подумать, что эта скверная лиса, эта каналья, этотъ жадный звѣрь, котораго проклинали всѣ, имѣвшіе съ нимъ дѣло», — говорилъ себѣ

Леонъ Дрей.—«окажется такимъ глупцомъ. Чудеса! Везеть мнѣ! Но вмѣщаемся въ толпу и ура!».

Выполнивъ очень искусно этотъ маневръ, онъ издали принялся наблюдать за Мельниковымъ. Дѣйствительно, къ тому вскорѣ подошелъ господинъ чрезвычайно важнаго и надменнаго вида и оба, посидѣвъ недолго, поднялись и вышли изъ зала подъ руку.

«Слава Богу»,—съ облегченіемъ подумалъ Леонъ.— «Теперь можно и закусить. Чортъ возьми, я ужасно проголодался!»

Онъ усѣлся за свободный столикъ, разстегнулъ пальто и съ полнымъ удовольствіемъ сталъ пить, закусывать, сначала бутербродами съ паюсной, а потомъ и со свѣжей икрой... Выпилъ рюмку водки. Затѣмъ потребовалъ королевскую селедку съ зеленымъ лукомъ, приготовилъ собственноручно соусъ изъ горчицы, перца и уксуса, сдобрилъ эту пикантную жидкость всѣмъ масломъ, находившимся въ бутылкѣ, полилъ селедку и лишь тогда выпилъ снова водки.

На сцену онъ уже не глядѣлъ... Весь погруженный въ ѣду, онъ только сладко стоналъ... Послѣ селедки онъ потребовалъ осетрины съ хрѣномъ, новую порцію хлѣба, заказалъ антрекотъ съ картофелью и, чувствуя, что хмельѣтъ, перешелъ на пиво, бутылку котораго выпилъ въ одну минуту. Дальше онъ потребовалъ рокфора, на сладкое взялъ яичницу съ вареньемъ, выпилъ вторую бутылку пива, и безпокоя окриками сосѣдей, надоѣдая лакею угрозами, приказалъ принести себѣ кофе съ ликеромъ.

Стаканчикъ съ зубочистками напомнилъ ему о томъ, что послѣ ѣды очень пріятно поковырять въ зубахъ, особенно, если закурить. Онъ и занялся этимъ, развалившись въ ожиданіи кофе на стулѣ, весь хмельной, весь взволнованный необычайно счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

«Ура и ура»,—думалъ онъ, ковыряя зубочисткой во рту, и блаженно щуря глаза.—«Какая удача! О, я уже вижу тебя, какъ ты поднимаешься по мраморнымъ

лѣстницамъ къ этому мерзавцу, ступая по расшитому ковру. Тебя ждетъ знакомство съ очаровательной госпожей Мельниковой. Ура! Она будетъ твоей... Разступитесь, мерзавцы, сволочь, лижущая ноги! Я вамъ покажу древскую кровь...»

Онъ бросилъ сломавшуюся зубочистку и, взявъ другую, снова отдался пьянымъ мечтамъ.

«Кто, на примѣръ, знаетъ, чего я могу достигъ? Полторы тысячи уже имѣю въ банкѣ, но могу имѣть и сто тысячъ, и миллионъ... Тогда, что будетъ? Леонъ Дрей дѣлается самымъ уважаемымъ человѣкомъ въ городѣ. Онъ можетъ быть избранъ въ главы города. Почему же нѣтъ? Жители приходятъ, кланяются, ибо кто другой можетъ упорядочить запутанные городскіе финансы? Ну, конечно, онъ, Леонъ Дрей! Такъ умоляйте же меня, мерзавцы! На колѣни, сволочь!.. Хорошо, онъ согласенъ, онъ спасетъ! Леонъ добръ, очень добръ! Узнаетъ министръ... Докладъ государю. Благодарность. Дворянскія права. Наконецъ, онъ самъ министр! Биконсфильдъ! Отчего же? Онъ съ удовольствіемъ! Затѣмъ возвращеніе домой, цвѣты, женщины и ура, ура!»...

Все выше и выше несетъ Леона пьяная фантазія, и кажется ему, что сердце его разорвется отъ блаженства... Лакей приноситъ кофе, но онъ ничего не замѣчаетъ. Пріятныя слезы стоятъ въ его глазахъ.

«О, мамаша, спасибо вамъ за то, что вы родили Леона! Вѣдь вы могли, подобно другимъ женщинамъ, прибѣгнуть къ какимъ-нибудь гнуснымъ мѣрамъ, къ выкидышу, и не было бы въ мірѣ Леона Дрея. О, благодарю васъ, мамаша, благодарю!»...

Крайне взволнованный, онъ дрожащими руками налилъ въ чашку кофе и вдругъ поднялся.

«Къ чорту кофе! Выпью еще ликера!»

Вдохновенно онъ расплатился, вдохновенно онъ бросилъ лакею рубль на чай, вдохновенно застегнулся на всѣ пуговицы...

«Къ дѣвочкамъ!»...

Въ комнатѣ пріятная полутьма отъ спущенныхъ занавѣсей, тихо и спокойно... Юдифь въ новенькомъ платьѣ, въ тепломъ пальто... Ей осталось лишь надѣть касторовую шляпку и захватить синенькую тетрадку стиховъ Саула. Рѣшеніе ея принято безповоротно. Она обѣщала Саулу, и стихи его будутъ переданы Бергѣ.

— Смотри же, дорогая, — говорила Эсфирь, стоя передъ Юдифью и заботливо оглядывая, все ли на ней въ порядкѣ, — береги себя! Когда ты будешь переходить улицу, оглядывайся, не торопись... Не держись близко стѣнъ, — бываетъ иногда, что срываются балконы...

— Я буду осторожна, — отвѣтила Юдифь. — Будь спокойна. Хорошо ли я надѣла шляпу?

Она приколола ее шпилькой къ волосамъ, спустила на лицо густую черную вуаль, синюю тетрадку Саула спрятала въ ридикюль.

— Пожелай мнѣ успѣха, Эсфирь, — попросила она, — а также и Саулу!

— Желаю тебѣ успѣха, дорогая Юдифь. Я увѣрена, что Берга за стихи полюбитъ Саула... Будь осторожна на лѣстницѣ и береги свое сердце...

Щелкнулъ ключъ въ замкѣ, отъ сотрясенія колокольчикъ отозвался тихимъ стономъ, и дверь закрылась за Юдифью... Эсфирь бросилась въ столовую, наскоро раскрыла окно, и высунулась изъ него, чтобы увидѣть Юдифь, когда та будетъ проходить по двору. Потомъ побѣжала въ спальню Саула и вышла на балконъ...

— Юдифь! Юдифь! — крикнула она, — не ходи такъ скоро... Ты уже забыла, о чемъ я тебя просила. Помни, у тебя слабое сердце.

Юдифь поднимаетъ голову и дѣлаетъ знакъ рукой. Эсфирь неохотно возвращается въ комнату.

Кончено! Теперь Юдифь одна, и начинается жизнь, полная приключеній, какъ въ романахъ... Странное волненіе охватило ее! Всѣ книжные образы, которыми она жила въ мечтахъ, чудомъ воображенія воспри-

няли вдругъ плоть и кровь и заговорили къ ней живымъ языкомъ правды. Всѣхъ, встрѣчавшихся ей, мрачныхъ или веселыхъ, радостныхъ или грустныхъ, она оглядывала, какъ старыхъ знакомыхъ...

«Здравствуйте, здравствуйте», — мысленно здоровалась она съ ними, — «я знаю васъ!.. Я знаю ваши страданія и ваши радости, и вижу надъ вами руку Провидѣнія, ведущаго васъ отъ неизсякаемаго источника добра черезъ горькую юдоль жизни къ вѣчному источнику радости... Я знаю васъ»...

Она шла медленно, отдавшись чарующему настроенію, рожденному въ ней заброшенной улицей съ ея могильной тишиной и грустно молчавшими домами.

Она знаетъ!.. Развѣ въ каждомъ изъ этихъ домовъ не идетъ вѣчная борьба между благороднымъ, возвышеннымъ, прекраснымъ, и мрачной, бѣгущей дневного свѣта, неправдой? Или здѣсь на улицѣ?.. Можетъ быть, этотъ мужчина съ угрюмымъ, злымъ взглядомъ, который идетъ ей навстрѣчу, готовится совершить преступленіе? Можетъ быть, эта прелестная дѣвушка спѣшитъ на свиданіе со своимъ обольстителемъ? Какъ все похоже на страницы изъ романа!

Поднялся сухой, холодный вѣтеръ, и неприятно загудѣлъ въ ушахъ. Юдифь ускорила шаги...

«Какъ скоро пролетѣло лѣто», — съ грустью думала она! — «Будто вчера лишь выпалъ первый весенній дождь, Эсфирь испугалась грома и спряталась въ спальную... Саулъ вышелъ на балконъ. Вѣтеръ растрепалъ его чудные волосы. И вотъ уже новая зима! Опять впереди рядъ холодныхъ, печальныхъ дней... Куда-то кануль годъ жизни, не принесшій съ собой ни новой надежды, ни единой радости».

Начинался паркъ. Она снова встрепенулась.

«Развѣ этотъ паркъ не напоминаетъ Булонскаго лѣса? О, какъ бы ей хотѣлось хоть на мигъ очутиться въ Парижѣ и побывать въ этомъ аристократическомъ лѣсу! Какъ хотѣлось бы ей повидать своихъ люби-

мыхъ героевъ, графовъ, герцоговъ, виконтовъ на прогулкѣ! Чарующая жизнь раскрывается тамъ для человѣка... А здѣсь?»

Она свернула въ другую улицу. На этой было оживленнѣе. Прохожихъ попадалось все больше, грохотали дрожки, звенѣла конка. Въ окнахъ домовъ стояли люди съ сонными, скучными лицами, мужчины безъ галстуховъ, женщины въ теплыхъ блузкахъ... Кое-гдѣ на подоконникахъ дремали комнатныя собачки. Но нигдѣ Юдифь не замѣтила хотя одного человѣка, который держалъ бы книгу въ рукахъ.

«Не читають», съ грустью подумала она!—«Что же прекраснаго, возвышающаго могутъ эти люди узнать безъ книги? Въ скукѣ, однообразіи и темнотѣ проходить ихъ жизнь, не зажигаются высокою мыслью и ѣдятъ, пьютъ, плодятся, какъ неразумныя существа»...

Такъ думая и уже не поднимая глазъ, прошла она и эту безотрадную улицу и вступила въ живые, кипучіе, шумные кварталы. Здѣсь она опять заволновалась. Щеки ея чуть порозовѣли подъ вуалью.

«Я словно попала въ муравейникъ», — сказала она себѣ.—«Со всѣхъ сторонъ набѣгаютъ волны людей и исчезаютъ въ артеріяхъ города, унося съ собой свои тайны, свои заботы, свою жажду высокаго или низкаго. Сколько тутъ исторій, однѣ лишь у начала, другія у конца, и людей, спѣшавшихъ предупредить преступленіе. Ярмарка жизни, ярмарка жизни!»

Сердце ея сладко сжалось отъ торжественнаго, высокаго чувства.

«Вотъ и она, наконецъ, на большой дорогѣ, вовлеченная судьбой въ борьбу за счастье Саула. Она, отшельница, идетъ рядомъ, бокъ-о-бокъ съ людьми, жизнь которыхъ есть тонкое, сложное сплетеніе всевозможныхъ случаевъ. Она въ толпѣ среди бандитовъ и людей благородной души, среди кокотокъ, дамъ полусвѣта и добродѣтельныхъ женщинъ, среди однѣхъ, измѣнившихъ долгу, и другихъ, прекрасныхъ, возвы-

шенныхъ... Господи, пошли же ей успѣхъ... ради Саула!»

... Въ магазинѣ Шпильмана день идетъ своимъ чередомъ. Господинъ Шпильманъ въ шубѣ и въ красномъ шарфѣ стоитъ передъ кассой и дѣлаетъ какія-то вычисленія. Онъ сравниваетъ приходы настоящаго и прошлаго года, разговариваетъ самъ съ собой, изумляется цифрамъ, а иногда сардонически пожимаетъ плечами. Карандашъ онъ держитъ, какъ шпагу, или, какъ вертелъ. То пронзитъ имъ бумагу, то засунетъ его въ ухо и долго ковыряетъ тамъ. Или вдругъ вырветъ волосъ изъ головы, положитъ корнемъ въ ротъ и жуетъ его.

Берта сидитъ у окна и выглядываетъ на улицу. Лицо у нея печальное. Сегодня Леонъ безъ причины поссорился съ ней и ушелъ куда-то, вѣроятно, на весь день. Она не можетъ простить себѣ, что отпустила его. Надо было побѣждать за нимъ, а она вздумала разыграть оскорбленную. Никогда она больше такъ не сдѣлаетъ. Она будетъ плакать, цѣловать его руки, умолять... Когда онъ придетъ, о, если бы онъ пришелъ, она бросится ему на шею. Конечно, онъ ее прогонитъ, но она не уйдетъ. Возьметъ его руки, согрѣетъ ихъ въ своихъ, упадетъ на колѣни. Потомъ сядетъ возлѣ него, положитъ его голову къ себѣ на грудь: онъ такъ любитъ, когда его голова у нея на груди...

Она отвернулась отъ окна... Ей такъ хочется плакать о своемъ горѣ. Всѣхъ она ненавидитъ!

Сауль Розенъ съ тоской и грустью слѣдитъ за ней. Онъ стоитъ въ своей любимой позѣ, скрестивъ ноги и сложивъ руки за спиной.

«Почему же она грустна, если счастлива»,—думаетъ онъ, стараясь запоминать цифры, которыя иногда выкрикивалъ Шпильманъ. — «Почему заплаканы ея глаза?» «Слеза голубки», — приходитъ ему въ голову.

Какъ много прекрасныхъ стиховъ онъ написалъ въ честь Берты:

«Гимнъ дереву», «Смѣхъ голубого кристалла». Изъ послѣднихъ онъ лучшимъ считаетъ свой мадригалъ «Соль». Сколько радости доставило ему это стихотвореніе! Могла ли бы Берта устоять передъ красотой этого мадригала?

И онъ тихо шепчетъ про себя.

Она живетъ въ лиманахъ!
Въ пещерахъ пребываетъ —
Соль, соль!

Ея кристаллы нѣжны!
Гранена и блестяща—
Соль, соль!

Бѣлой, лентой бѣлой
Залегла въ землѣ—
Соль, соль!

Скрипки пойте!
Соль, соль!
Флейты пойте!
Соль, соль!

Всѣ хвалите!
Всѣ любите!
Соль!
Соль!

Онъ уже забылъ о своей грусти... Глаза его горятъ вдохновеніемъ. Страсть растеть, и ему кажется, что вотъ-вотъ передъ нимъ откроется таинственная дверь куда-то въ прекрасное, и навсегда примутъ его въ свои объятія рой крылатыхъ дѣвъ и унесутъ далеко отъ грубой земли.

А «господинъ» Мишка недоволенъ. Пальцы его обмерли отъ холода, онъ дуетъ на нихъ изо-всѣхъ

силъ, согрѣваетъ ихъ во рту и, наконецъ, почтительно докладываетъ господину Шпильману:

— Хозяинъ, я отъ холода пересталъ чувствовать свои пальцы.

— Все о мирѣ...—съ изумленіемъ воскликнулъ господинъ Шпильманъ.—Онъ мнѣ мѣшаетъ работать.

— Но у меня отъ холода болятъ пальцы, хозяинъ!

— Почешись въ головѣ.

— Что же выйдетъ изъ этого? — съ недоумѣніемъ спросилъ Мишка.

— Нахаль! Ты согрѣешь пальцы,—крикнулъ господинъ Шпильманъ.

— Сейчасъ начну чесаться, — сказалъ Мишка, съ азартомъ поднимая руки... Хозяинъ...—доложилъ онъ черезъ минуту.

— Что опять? Саулъ, вѣдь я кажется работаю?

— Не помогаетъ, хозяинъ...

— Дуракъ, нахаль! Положи ихъ въ холодную воду...

— Вы мой хозяинъ,—покорно произнесъ Мишка,—и я долженъ васъ слушаться. Но что будетъ, если и это не поможетъ?

— Саулъ! — заоралъ съ бѣшенствомъ господинъ Шпильманъ,—дайте ему за меня въ морду!

— Я не дамъ своей морды,—взвизгнулъ Мишка и выбѣжалъ на середину лавки.—Когда щеки замерзли, ихъ нельзя бить.

Шпильманъ бросилъ на него уничтожающій взглядъ, покачалъ головой и опять погрузился въ свою ариеметику. Карандашъ онъ засунулъ остриемъ въ носъ и задумался.

— Сколько я только что сказалъ? — вдругъ спросилъ онъ.—365 или 472? Саулъ, вы слѣдили за мной?

— Слѣдилъ, господинъ Шпильманъ.

— Я тоже,—вмѣшался Мишка.

— Сколько же? Что вы молчите, все о мирѣ!..

— 287, — въ одинъ голосъ доложили Саулъ и Мишка.

— Сколько?—воскликнулъ господинъ Шпильманъ, сдѣлавъ замученное лицо. — Все о мѣрѣ... не говорите оба сразу. Или вы, Саулъ, или ты, господинъ Мишка.

Саулъ посмотрѣлъ на Мишку, предупреждая взглядомъ, что онъ отвѣтитъ, а Мишка посмотрѣлъ на Саула, какъ бы говоря:—«А я помолчу», — такъ по крайней мѣрѣ показалось Саулу. Тогда оба опять въ одинъ голосъ крикнули:

— 287!

— Чортъ васъ возьми! — взбѣсился господинъ Шпильманъ.—Вы смѣтаете надо мной? Ты замолчишь сегодня, сволочь, нахаль! накинулся онъ на Мишку.

Но ссора неожиданно прекратилась... Въ магазинъ вошелъ мальчикъ и подалъ господину Шпильману письмо.

— Отъ кого это письмо?—удивился онъ,—разглядывая конвертъ.—Я уже двадцать лѣтъ, какъ не получаю писемъ. Это письмо къ тебѣ, Берточка.

— Какъ ко мнѣ?—воскликнула она, подбѣжавъ къ отцу.—Да, ко мнѣ! Написано: «въ собственные руки». Дайте, папаша.

— А что тебѣ пишутъ, Берточка?—спросилъ Шпильманъ когда та вскрыла конвертъ.

— Ахъ, оставьте, папаша. Что вамъ за дѣло до этого? Гдѣ моя шляпка? Какая-то дама назначила мнѣ свиданье... Мишка, что ты разинулъ ротъ? Хорошіе приказчики у васъ, папаша! Саулъ, а вы? Подайте же мнѣ пальто.

Саулъ и Мишка заметались...

— Интересная исторія! — говорила Берточка, стоя передъ зеркаломъ и надѣвая перчатки. Въ первый разъ мнѣ назначаютъ свиданье... Я ухожу, папаша. Если Леончикъ придетъ, скажите ему, что я скоро вернусь... Мишка, зонтикъ!...

На улицѣ къ ней подошелъ мальчикъ, принесшій письмо, и она набросилась на него съ вопросами.

— Кто ждетъ? Гдѣ ждетъ? Что? Какая дама? Вотъ эта? Ты навѣрное ошибаешься! Я этой дамы не знаю.

Можетъ быть, бѣдная какая-нибудь? Что? Не бѣдная? Откуда ты знаешь?..

Юдифь сидѣла на скамьѣ противъ какого-то магазина и съ трепетомъ ждала. О, если бы она имѣла право обнять эту дѣвушку, какъ сестру! Сказать просто:—«сестра моя, Саулъ любитъ васъ». Раскрыть передъ ней сердце... Кажется, это она вышла изъ магазина? Да, это она. Вотъ та, которая держитъ въ рукахъ судьбу Саула. У нея навѣрное прекрасная душа...

Она встала и быстро пошла навстрѣчу Бергѣ. Мысленно она уже надѣлила ее всѣмъ лучшимъ, что украшаетъ душу человѣка: гордостью и простотой, высокимъ умомъ и благородствомъ. Еще не разглядѣвъ ея хорошо, считала красавицей, не услышавъ голоса, вѣрила, что онъ мягокъ, пѣвучъ.

Подойдя близко, она несмѣло сказала:

— Сударыня...

— Это вы меня вызывали изъ магазина папаша?— перебила ее Берта недовольнымъ голосомъ.

— Сударыня,—съ достоинствомъ сказала Юдифь,— не сердитесь на меня и простите мою вину. Вѣрьте, что только любовь къ вамъ и большая нужда заставили меня прибѣгнуть къ письму.

Услышавъ такое вѣжливое, возвышенное слово о нуждѣ, Берта насторожилась.

«Навѣрное, это какая-нибудь просительница»,— подумала она. — «Очень нужно было выйти изъ теплаго магазина».

— Такъ не поступаютъ, мадамъ,—сердито сказала она.—Если вы хотѣли попросить денегъ, то могли зайти ко мнѣ въ магазинъ и... вообще, мадамъ, у меня нѣтъ денегъ.

— Какихъ денегъ, наивное дитя?—воскликнула Юдифь.—Знайте, что только любовь привела меня къ вамъ. Вы именно такая, какъ мнѣ описывали, прелестная, красивая, трогательная въ своей наивности,—съ жаромъ говорила Юдифь, пожирая ее глазами.

— Это другое дѣло, — съ удовольствіемъ выслушавъ похвалу, сказала Берта, смягчаясь. — Если вамъ не нужно денегъ, то я готова съ вами разговаривать.

«Навѣрное, эта старая плутовка узнала что-нибудь дурное о Леонѣ и хочетъ меня предупредить», — подумала она.

— Я догадываюсь, зачѣмъ вы меня вызвали, — хитро подмигнувъ, сказала Берта. — Вы навѣрное узнали что-нибудь дурное о моемъ Леонѣ.

— О какомъ Леонѣ? — спросила съ изумленіемъ Юдифь. — Я не понимаю васъ, сударыня.

— Какъ, о какомъ? О моемъ женихѣ, Леонѣ! Что вы притворяетесь, въ самомъ дѣлѣ! Не стѣсняйтесь и рассказывайте.

«Навѣрное эта плутовка хочетъ мнѣ продать свою тайну», — опять подумала Берта. — «Тетенька, не на такую дурочку попали. Я похитрѣ васъ».

— Я ничего не знаю о вашемъ женихѣ, — промолвила Юдифь.

— Такъ что же вамъ надо отъ меня? — съ новымъ раздраженіемъ крикнула Берта.

— Дорогая Берта, — позвольте мнѣ такъ называть васъ, — ради Бога, не волнуйтесь. Дѣло мое очень важное и серьезное. Зайдемте въ садъ и посидимъ. Тамъ, на свободѣ, не тревожимыя никѣмъ, я объясню вамъ все. Я вижу, что вы колеблетесь. Но посмотрите на меня внимательно... Могу ли я внушить кому-нибудь страхъ? О, мнѣ нравится ваша осторожность, ваша нерѣшительность. Но вѣрьте, съ вами говоритъ самый преданный другъ. Знайте, что ваше имя произносится въ нашемъ домѣ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ.

— Но скажите же мнѣ, кто вы? — съ нетерпѣніемъ спросила Берта, совершенно сбитая съ толку и этими словами и непривычнымъ для ея уха тономъ.

— Да, — согласилась Юдифь, — этотъ вопросъ долженъ былъ первымъ притти вамъ въ голову. Вы правы, сударыня, — моя вина, что я не сразу назвала

себя. Я — Юдифь Розень, сестра Саула Розена, служащаго въ магазинѣ вашего уважаемаго отца.

— Ахъ, вотъ какъ, — разочарованно и почти съ презрѣніемъ протянула Берта.

— Да, это я, дорогая Берта. Благодаря Саулу, мы знаемъ васъ. Благодаря ему, намъ знакомо ваше благородное сердце, ваша возвышенная душа.

— Мнѣ пріятно, мадамъ, что вы такъ хвалите меня, — откровенно сказала Берта, слѣдуя за Юдифью. — Я недовольна лишь однимъ, что нравлюсь нашему приказчику. Приказчикъ мнѣ не пара.

— Какая же бѣда въ томъ, дорогая Берта, что вы ему нравитесь, — съ жаромъ говорила Юдифь. — Развѣ въ этомъ есть что-нибудь оскорбительное для вашего достоинства? Или онъ говорилъ о васъ словами, унижающими дѣвушку, воспитанную въ лучшихъ правилахъ?

— Я не говорю этого... Но вѣдь онъ — нашъ приказчикъ... А онъ меня очень хвалилъ, въ самомъ дѣлѣ? — переспросила Берта, забывъ о своемъ недовольствѣ. — Это интересно. Расскажите. Я очень люблю, когда мнѣ рассказываютъ, какъ меня хвалятъ.

— Дорогая Берта, мнѣ трудно даже приблизительно вспомнить всѣ его слова. Онъ считаетъ васъ совершенствомъ на землѣ.

Съ этими словами Юдифь переступила ворота городского сада и увлекла Берту въ пустынную аллею.

— Какъ здѣсь хорошо... — прошептала она, бросивъ взглядъ вокругъ себя. — Чѣмъ-то очаровательнымъ вѣетъ отъ этихъ оголенныхъ деревьевъ... Въ дыханіи вѣтра чувствуется тоска. Милая Берта, какъ часто подъ скромной внѣшностью скрывается возвышенное и сильно-глубокое...

— Мадамъ, — перебила ее Берта, неохотно садясь, — не забудьте, что я спѣшу...

— Да, да, вы правы, дорогая Берта. Моя цѣль очень скромна и думаю, что небольшая просьба не можетъ васъ затруднить. Въ этомъ ридикюльѣ нахо-

дится сокровище, которое я хочу передать въ ваши руки.

«Сокровище!»—подумала Берта. — «Боже мой, можетъ быть, эта сумасшедшая хочетъ подарить мнѣ брилліанты?»

— Какое сокровище?—осторожно произнесла она, переставъ дышать отъ волненія и слѣдя за руками Юдифи.

— Вотъ это,—взволнованно отвѣтила та, вынувъ изъ ридикюля синюю тетрадку и помахавъ ею въ воздухъ.

— Но вѣдь я вижу только тетрадку! — вырвалось съ досадой у Берты.

— Да, тетрадку!

— Такъ для этого, мадамъ, вы позвали меня! — съ негодованіемъ и задыхаясь выговорила она.—Надо же имѣть, въ самомъ дѣлѣ такую совѣсть. На улицѣ холодно... У меня свои заботы... Я прямо удивляюсь вамъ, мадамъ!

— Но, милая Берта,—съ жаромъ сказала Юдифь,— посмотрите раньше, что въ этой тетрадкѣ, а тогда судите.

— Ну, что въ ней, что? — съ раздраженіемъ спросила Берта.

— Стихи Саула Розена,—торжественно промолвила Юдифь.—Да, стихи Саула Розена.

— Стихи? Вотъ новость! А зачѣмъ вашъ Саулъ, мадамъ, пишетъ стихи? Теперь я понимаю, отчего онъ такъ разсѣянъ. Вѣдь это, мадамъ, невозможно, быть приказчикомъ и писать стихи!

— Милая Берта,—произнесла Юдифь,—что вы говорите, вы, изящная, прекрасная, вѣроятно, образованная! Вѣдь стихи — перлы человѣческихъ чувствъ, стихи—это музыка души...

— Не будемъ спорить, мадамъ, мнѣ некогда. Не мучьте меня долго и скажите прямо, что я должна дѣлать съ этими стихами?

— Ихъ надо только прочитать, дорогая Берта, только прочитать...

— Ну, нѣтъ, мадамъ, все, что угодно, только не это. Я терпѣть не могу стиховъ. Даже, когда я училась въ гимназiи,—я училась въ гимназiи и выступила изъ пятого класса, — даже тогда я ихъ не любила. О чемъ говорится въ стихахъ? О косярахъ, о сѣнѣ, о лошади... Напримѣръ: «Что ты ржешь, мой конь ретивый?» Ужасно, какъ интересно!

— Но стихи Саула совершенно другіе! — съ гордостью сказала Юдифь. — И притомъ они написаны въ честь Берты Шпильманъ. Да, да, дорогая, въ честь Берты Шпильманъ... Эти стихи лишь элегіи, баллады, мадригалы. Вы придете въ восторгъ отъ «оды въ честь» «Хлѣбъ». Ваша гордость будетъ удовлетворена. Позвольте мнѣ прочитатъ вамъ маленькій отрывокъ. Это шедевръ!

Она наскоро откашлялась и, блестя глазами, съ жаромъ, тихимъ, тоненькимъ голосомъ продекламировала:

«О, хлѣбъ! О, злакъ! О, дивное зерно!..»

— Ну, что, не правда ли прекрасно, дорогая Берта?

— Такъ какъ это написано въ честь меня, — сказала Берта, съ удовольствіемъ прослушавъ стихотвореніе, — то должна признаться, что оно интересно. Я очень рада, что Саулъ пишетъ въ честь меня стихи... Такъ я ему очень нравлюсь?.. Но или я очень ошибаюсь или здѣсь дѣло идетъ о пшеницѣ, — прибавила она, чертя зонтикомъ по землѣ.

— Пшеница — это вы, вы, дорогая Берта, вы — чудный злакъ, вы — «дивное зерно, которое таитъ въ себѣ загадку жизни». Значитъ, стихи вамъ понравились? Вы ихъ прочтете? О, благодарю, благодарю васъ... за Саула. Обратите вниманіе на мадригалъ «Соль» и на балладу «Вода». Это глубокомысленнѣйшее стихотвореніе. О, нашъ Саулъ большой талантъ! И хотите ли быть великодушной до конца? Позвольте мнѣ зайти къ вамъ какъ-нибудь. Намъ надо такъ много поговорить.

— Пожалуй, приходите, мадамъ, — почувствовавъ

себя очень польщенной, выговорила Берта. — Отчего же? А можно ли показать эти стихи моему жениху?

— Сдѣлайте, какъ вамъ подскажетъ сердце. Я вѣрю въ вашу прекрасную душу. О, Берта, Берта, — неожиданно съ сильнымъ чувствомъ сказала Юдифь, — наслаждайтесь жизнью, если она дается вамъ. Будьте смѣлы. Не бойтесь! Предъ вами разстилается чудная, прекрасная дорога. О, какъ много мнѣ еще нужно сказать вамъ. Но... до слѣдующаго раза! Идите, идите, дорогая, да хранить васъ Богъ!

Она вдругъ обняла ее, крѣпко прижала къ своей груди и нѣжно поцѣловала. Слезы выступили у нея на глазахъ.

— Идите, идите, дорогая Берта. Благодарю, благодарю!..

Съ радостнымъ чувствомъ она выпустила ее изъ объятій. Миссія ея выполнена... Уединенная аллея молчитъ. Пахнетъ мокрой корой, влажнымъ пескомъ. Высоко рѣшетъ свѣтло-бирюзовое небо безъ единого облачка... Глухо звучать чьи-то шаги...

Она медленно поднялась...

«Ушла Берта... въ пропасть жизни! Кто знаетъ, что ждетъ ее тамъ, какія испытанія подстерегаютъ ее на пути къ счастью? Пока она сидѣла съ ней, у судьбы были взяты нѣсколько счастливыхъ мгновений... Но вотъ вдали мелькаетъ она, наивное дитя, въ лѣсу жизни... Саулъ съ ней... Помогите имъ Господи, сдѣлай ихъ счастливыми!..»

Леонъ Дрей лежитъ въ кровати, заложивъ руки подъ голову и мечтаетъ о богатствѣ... Ни о чемъ другомъ ему не хочется думать. Онъ купитъ особнякъ съ садомъ. Конечно, съ садомъ!.. Въ аллеяхъ онъ разставитъ бронзовыя и мраморныя фигуры. Закажетъ у лучшаго скульптора свой бюстъ, бюстъ своей моло-

денькой жены и установить ихъ подлѣ фонтана съ золотыми рыбками. Пожалуй, прикажетъ вылѣпить папашу и мамашу... Найдется и для нихъ мѣстечко въ саду...

...Надо будетъ купить собаку. Фоксъ-терьера, или таксу, или лягавую какую-нибудь. Пусть лаесть по ночамъ!

...Возьметъ трехъ поваровъ: французскаго, еврейскаго и русскаго. Правда, фаршированную рыбу, селезенку съ фаршемъ, или кисло-сладкое съ жирнымъ мясомъ, или супъ изъ красныхъ бобовъ съ лапшей мамаша готовитъ превосходно, — но можетъ ли она сравниться въ искусствѣ съ какимъ-нибудь знаменитымъ еврейскимъ поваромъ?.. Русскому повару тоже найдется дѣло. Блины, поросенокъ подъ хрѣномъ, пирогъ съ капустой, дичь... Боже мой, какая у него будетъ кухня! Пожалуй, у генераль-губернатора такой не будетъ. Развѣ эти генераль-губернаторы понимаютъ что-нибудь въ кушаніяхъ?..

...А какія забавы его ожидаютъ!.. Чуть что, — въ морду! Ахъ, какъ онъ любитъ дать человѣку въ морду! Баць въ морду! «За что бьете?» Баць въ морду и получай рубль. Мало? Изволь два, три рубля! Пришли другого... Баць въ морду! Пришли третьяго.. Баць въ морду!..

...Женщинъ у него будетъ безсчетное число: дѣвочки, дѣвушки, молодыя женщины и сорокалѣтнія... Платить надо такъ: за дѣвочку пятьдесятъ рублей, за дѣвушку — двадцать пять, за молодую женщину десять рублей, за сорокалѣтнюю — два рубля. Больше ни копейки. Получите и прошайте!..

...Денегъ онъ не станетъ жалѣть! Берите у него, сволочь... Пожалуйста, сколько угодно!..

Животной радостью блестятъ глаза Леона. Погодите, покажетъ онъ дреевскія забавы!

...Сегодня онъ отправится къ Мельникову. Возьметъ у Берточки сто рублей и купить себѣ шикарное бѣлье: шелковые кальсоны, англійскія сорочки, кашнэ,

галстухи, пикейную жилетку и прочее. Хорошо жить на свѣтѣ!

Онъ спустилъ сразу обѣ ноги на полъ и прямо попалъ въ туфли, стоявшія тутъ же подлѣ кровати.

«Да»,—сказалъ онъ громко, направляясь къ умывальнику,—«сегодняшній день будетъ очень прибыльнымъ... Посмотримъ-ка на себя въ зеркало! Хорошо, хорошо»,—одобрилъ онъ, разглядывая съ восхищеніемъ свое тѣло и заботливо ища, не выскочилъ ли, упаси Боже, гдѣ-нибудь прыщикъ или пупырышекъ.—«Вкусный, однако, кусочекъ достанется госпожѣ Мельниковой! Вотъ здѣсь она будетъ цѣловать, и здѣсь... А тутъ особенно страстно! Это мѣсто всѣ любятъ страстно цѣловать... А откуда сіе?»—удивился онъ, замѣтивъ надъ ключицей свѣтленькую, тоненькую, какъ бы воткнутую кѣмъ-то въ кожу, бородавочку.—«Это что?»—строго допросилъ онъ своего двойника въ зеркалѣ.—«Плохо, плохо, Леонъ, дамы такихъ бородавочекъ терпѣть не могутъ... Впрочемъ,»—успокоилъ онъ себя,—«эти бородавочки мнѣ хорошо извѣстны и избавиться отъ такой очень легко: надо только туго-на-туго перевязать ее ниточкой»...

Принявъ это рѣшеніе, онъ посвисталъ и пошелъ умываться. Сначала, конечно, онъ тщательно вымылъ руки, особенно спинки большихъ пальцевъ, которые, чортъ знаетъ почему, загрязняются у него раньше другихъ. Потомъ онъ густо намылил шею, за ушами, щеки и, фыркая заранѣе отъ наслажденія и страха передъ холодной водой, разомъ окатилъ себя изъ кружки.

«Хорошо»,—сказалъ онъ, снова фыркнувъ, и сплюнулъ.—«Люблю, чортъ возьми, холодную воду... Теперь можно позвать Берту и приказать ей подать чаю сюда же. Послѣ чая переговорю съ нею о деньгахъ. Куда я дѣвалъ свой пиджакъ?»

Онъ повелительно заоралъ: «Берта!»—и вскорѣ послѣдовалъ нѣжный отвѣтъ:

— Иду, Леончикъ.

Вошла она въ комнату, неслышно ступая... На ней была утренняя блузка въ клѣточкахъ, съ небольшимъ вырѣзомъ на груди, хорошенькій поясъ, взятый мамашей, безъ вѣдома папаша, въ магазинѣ, и черная короткая юбка. Увидѣвъ Леона, съ открытой шеей, она остановилась и восхищенно вскрикнула.

— Берточка, — сказалъ онъ, не оборачиваясь, — это ты?

— Да я, Леончикъ, — отвѣтила она, борясь съ желаніемъ броситься къ нему и поцѣловать его розовый затылокъ.

— Принеси мнѣ, милая, сюда чаю. Что-то не хочется итти въ столовую.

Онъ бросилъ на нее многозначительный взглядъ, полный пріятныхъ обѣщаній, и она вдругъ расцвѣла и порозовѣла.

— А не принести ли мнѣ тебѣ, Леончикъ, и рѣдъки съ куринымъ саломъ? Есть также три пѣтушиныхъ пупочка!

— Не знаю, Берточка, — колеблясь произнесъ онъ.

— Скушай, Леончикъ, рѣдъки съ саломъ, — ты мнѣ доставишь большое удовольствіе.

— Ну, такъ и быть, скушаю для тебя, моя прелесть. Подойди, я тебя за это поцѣлую...

Она покорно подбѣжала къ нему и подставила губки.

— Цѣлуй, — сказалъ Леонъ, собравъ свои губы трубочкой.

— Нѣтъ, ты, — сказала она, краснѣя отъ счастья.

— Нѣтъ, ужъ ты, прелесть моя.

— Нѣтъ, ты, Леончикъ.

И они сладко, сладко поцѣловались долгимъ, нѣжнымъ поцѣлуемъ.

— А знаешь, Берточка, мнѣ съ тобой надо поговорить кое о чемъ, — сказалъ Леонъ вдругъ серьезно.

— О чемъ, милый?

— Нѣтъ, потомъ! Принеси раньше чаю... Я такъ люблю, дорогая, когда ты мнѣ прислуживаешь.

— И я тоже это люблю, Леончикъ!

— Милая! А гдѣ губки?

— Вотъ губки...

Они снова сочно, звучно, пламенно поцѣловались, и лишь послѣ этого она выпорхнула изъ комнаты, громко зашумѣвъ юбками.

«Конечно», — думаль Леонъ, завязывая галстухъ передъ зеркаломъ, — «женой Берта была бы хоть куда. Такой хозяйки и не сыщешь другой. Все она умѣетъ: и шить, и варить, и отъ грубой работы не откажется... Что говорить, — подходящая жена, но именно этого мнѣ и не нужно... Именно этого, прелестная Берта. Вотъ оттого, что ты такая хорошая, преданная, покорная, я и не женюсь на тебѣ. Поплачешь ты, какъ слѣдуетъ, когда я брошу тебя, и выйдешь замужъ за Саула Розена... Я такъ рѣшилъ, милая. Хоть какъ ты не вертись, а я уговорю тебя. Да и кто другой на тебѣ женится, если ты была моей любовницей... Однако, мнѣ таки довольно трудно застегивать пуговицы на башмакахъ. Кровь бросилась въ голову... Скажу Бертѣ и она сдѣлаетъ! Что же это она не идетъ? Берточка, Берточка!..»

— Иду, иду, Леончикъ, — слышался ей голосъ. — Мамаша, не спѣшите, а то мы столкнемся въ дверяхъ и все сбросимъ на полъ.

Обѣ чинно вошли въ комнату, одна за другой, каждая съ подносомъ въ рукахъ. Тутъ былъ и чай, и булки, и три пѣтушиныхъ пупочка, и рѣдька съ куринымъ саломъ, масло и другая снѣдь.

— Вы сегодня очень хорошо выглядите, — сказала мамаша, любясь Леономъ. — Посмотри, Берточка, какой у него цвѣтъ лица! Прямо, какъ у дѣвушки!

— А когда у меня, мамаша, бываетъ плохой цвѣтъ лица? Онъ у меня всегда хорошій. Берточка, милая, застегни мнѣ башмаки. Мнѣ очень трудно нагибаться. А я пока буду чай пить.

— Съ удовольствіемъ, Леончикъ! А гдѣ крючокъ?

— Вотъ крючокъ... Ахъ, какія булки!—весело сказалъ онъ.— А мнѣ, мамаша, сегодня опять приснилась Берточка... Положите, пожалуйста, масла на хлѣбъ.

— Каждый разъ вамъ снится Берточка,—съ восхищеніемъ сказала мамаша, накладывая густо масло на булку.

— Конечно... Это оттого, мамаша, что я постоянно думаю о ней.

— Милый,—прошептала Берточка, сидѣвшая на полу съ ногой Леона на своихъ колѣняхъ,— милый!

— Еслибы другая мнѣ осмѣлилась присниться, мамаша,—говорилъ Леонъ, откусывая большой кусокъ булки и вкусно чавкая,—то я бы, кажется, не знаю, что сдѣлалъ.

— Какъ онъ тебя любитъ!—воскликнула мамаша, сіяя отъ гордости. Попробуйте этотъ пупочекъ, Леончикъ,— что вы съ нимъ церемонитесь? Попробуйте...

— А вотъ я его съѣмъ, мамаша. Знаете, мамаша,—совралъ онъ,—я какъ только продралъ глаза, то сейчасъ же подумалъ о пѣтушиномъ пупочкѣ,—самъ не знаю, почему...

— А я знала, что вы подумаете и приготовила...

— Ну, вотъ и готово,—весело сказала Берточка, поднимаясь.—Ну-ну-ну ..,—погрозила она пальчикомъ башмакамъ,—будете еще затруднять моего Леончика? Я вамъ задамъ!... Мамаша, выйдите, пожалуйста,—Леончику нужно со мной поговорить.

— Отчего же ты мнѣ, дурочка, сразу не сказала,— съ удареніемъ произнесла мамаша.

— Отчего? Такъ! Что у васъ за привычка спрашивать? Ну, идите же, мамаша,—говорила Берточка, провожая мать до дверей.—Идите, идите и не входите безъ спросу... Теперь, Леончикъ, мы одни. Знаешь, Леончикъ, мнѣ думается, что ты хочешь попросить у

меня денегъ. Не знаю, почему, но мнѣ такъ показалось

— Что ты, Берточка,—мягко отозвался онъ, потягиваясь, точно подбирался къ сладкому.—Развѣ я у тебя мало взялъ ихъ? Что ты, милая? Садись-ка лучше ко мнѣ на колѣни... только осторожноѣе. Не сомни моего пиджака. Вотъ такъ, дорогая. Голубушка моя, какая у тебя сегодня тепленькая шейка. Что? щекоchetъ? Ну, усы всегда щекочуть...

— Дай же мнѣ свои губки, Леончикъ...

— Вотъ губки... Закрой, милая, глазки и открой ротъ.

— Зачѣмъ?

— А такъ.. Хочу класть тебѣ кружочки рѣдъки въ ротъ... Тебѣ одинъ и мнѣ одинъ, тебѣ одинъ и мнѣ одинъ...

— Но я, Леончикъ, не хочу ѣсть, честное слово не хочу, Леончикъ...—говорила она закрывъ все таки глаза..

— Знаю я, какъ ты не любишь рѣдъки съ саломъ,—смѣясь бормоталъ Леонъ, положивъ ей въ ротъ кружочекъ.

— Честное слово, Леончикъ, я не голодна. Я только для тебя одинъ кусочекъ скушаю.

— А этотъ, милая, ты съѣшь для себя, а этотъ для мамаша, а этотъ для папаши... А гдѣ же губки, Берточка?

— Вотъ губки...

— А шейка?

Насытившись булками, пупочками, рѣдъкою, онъ вытеръ свои усы, вытеръ лоснившіяся отъ сала губы и подбородокъ Берточки и, снова поцѣловавъ ее, сказалъ, подмигнувъ:

— Ну, Берточка, радость моя, теперь поговоримъ...

— Ты, навѣрное, хочешь попросить у меня денегъ, съ безпокойствомъ прошептала она.

— Ну, конечно, милая! Гдѣ же губки? Сладкая! Мнѣ деньги нужны для важнаго серьезнаго дѣла-- говорилъ онъ, нѣжно щекоча ее подъ мышками.

— Видишь, Леончикъ, какъ я угадала! Когда ты начинаешь очень ласкаться ко мнѣ и подлизываться, то я уже знаю, что ты хочешь денегъ.

— Да, милая, ты дѣйствительно угадала... Умница,—сказалъ онъ, закрывая ей ротъ поцѣлуемъ.—И мнѣ, Берточка, нужно... не мало, сто рублей..

— Боже мой, зачѣмъ тебѣ столько денегъ,—съ огорченіемъ и съ ужасомъ воскликнула Берточка.—Гдѣ я возьму сто рублей? Ты вѣдь знаешь, дорогой, что я изъ кассы не могу унести больше одного рубля въ день. И такъ уже папаша косо смотритъ на меня, когда я прихожу въ магазинъ.

— Милая моя,—холодно сказалъ Леонъ,—мнѣ нѣтъ дѣла до того, гдѣ ты возьмешь сто рублей. Я знаю только, что они мнѣ очень нужны. Можешь даже заложить папашу и мамашу, если хочешь... Или ты думаешь, что я позволю себѣ взять изъ нашихъ денегъ, что лежатъ въ банкѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже упаси,—быстро проговорила Берта.—Но что же мнѣ дѣлать? Если отнести въ ломбардъ серьги и часики, то узнаетъ мамаша, папаша... И зачѣмъ тебѣ столько денегъ?

— Видишь ли, дорогая, мнѣ надо пойти къ господину Мельникову, а туда необходимо явиться одѣтымъ первый сортъ. Кромѣ того, милая, въ домѣ, гдѣ есть молодая дама, важна не столько верхняя одежда, которая, конечно, тоже играетъ роль, сколько нижняя. Понимаешь, прелесть моя? Я знаю привычки богатыхъ дамъ. Для нихъ мужчина долженъ благоухать весь, быть свѣжимъ кругомъ... Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, надѣть этотъ воротникъ и эту сорочку и явиться въ домъ, гдѣ меня навѣрное встрѣтитъ важная дама. Вѣдь отъ перваго впечатлѣнія, которое я произведу на господина Мельникова и на его жену, можетъ быть, зависить все наше будущее...

— Ты, дѣйствительно, правъ,—задумчиво сказала Берточка.

— Конечно, я правъ. Погляди-ка на эту мерзость,

на эту сорочку, на эти носки. Что для насъ значать пятьдесятъ, восемьдесятъ или сто рублей, которые мы потратимъ, если я могу забрать въ руки Мельникова и его жену...

— Ты его окрути, какъ слѣдуетъ, Леончикъ!

— Разумѣется, дорогая... Не безпокойся, я ему наброшу петлю на шею. И ей тоже, прелесть моя! Оба они будутъ намъ служить. А теперь, представъ себѣ, Берточка, какъ намъ будетъ приятно, когда мы пойдемъ по магазинамъ. Передъ нами разложатъ лучшіе товары. Мы будемъ выбирать, торговаться... Ты вѣдь, милая, хорошо умѣешь торговаться?

— Конечно, я даже лучше мамыши умѣю торговаться...

— Ну, дай уже скорѣе мнѣ свою шейку.. Нѣтъ, разстегнись, я хочу и твои плечики поцѣловать.

— Но гдѣ же все таки взять сто рублей?—говорила Берточка, очутившись рядомъ съ Леономъ на кровати?—Облако заботы легло на ея лицѣ.—Я бы могла,—нерѣшительно сказала она,—незамѣтно взять въ магазинѣ у папаши все, что тебѣ нужно.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогая, ни за что! У твоего папаши нѣтъ хорошаго бѣлья... Я хочу купить въ лучшемъ магазинѣ. Шикарное бѣлье такъ тебѣ понравится, что ты вдвое меня полюбишь.

— Можетъ быть, обратиться къ мамашѣ,—спросила Берта,—какъ ты думаешь, Леончикъ?

— Вотъ, вотъ! воскликнулъ онъ, сжавъ ее въ своихъ объятыхъ.—Я самъ объ этомъ подумалъ. Конечно, у мамыши. Умница, умница! Милая, какъ хорошо, что судьба связала тебя со мной. Ты счастливица, ей-Богу. Вѣдь ты могла сойтись съ какимъ-нибудь мерзавцемъ, который бросилъ бы тебя, какъ только твои деньги очутились бы у него въ рукахъ. Конечно, я не одинъ такой! Саулъ Розенъ тоже не мерзавецъ...

— Почему ты такъ часто говоришь мнѣ о Саулѣ Розенѣ?—съ неудовольствіемъ сказала Берта.—Мнѣ совсѣмъ неинтересно слушать о приказчикѣ.

— Отчего же, Берточка? Онъ очень милый, славный, и самое симпатичное въ немъ то, что онъ безумно влюбленъ въ тебя... Честный человекъ... Пишетъ хорошіе стихи. Ей-Богу, Берточка, ты напрасно къ нему такъ относишься.

— Ты меня огорчаешь,—прошептала Берточка.

— Ну, нѣтъ, нѣтъ, не буду... А гдѣ губки?

— Вотъ губки... Милый, будь хорошимъ, не вспоминай больше Саула Розена...

Въ передней раздались голоса... Леонъ съ удивленіемъ поднялъ голову и быстро произнесъ:

— Берточка, это, кажется, голоса моихъ драгоценныхъ родителей. Вотъ неприятность... Навѣрное, они опять пришли просить денегъ.

— Этого еще недоставало,—съ презрительной гримасой сказала Берточка, быстро застегиваясь.—Они, кажется, рѣшили обобрать тебя до ниточки. Такіе попрошайки! Не давай имъ ни копейки, Леончикъ. Обѣщай мнѣ!

— Конечно, дорогая, я имъ не дамъ. Съ чего ты взяла, что я дамъ? Не безпокойся. Иди, моя прелесть, къ своей мамашѣ и похлопочи у нея. А я пока поговорю съ моими родителями. Я съ ними поговорю!..

Съ этими словами онъ легонько вытолкнулъ Берточку въ корридорчикъ и весь довольный, внутренно сияющій, сдѣлалъ кругъ по комнатѣ.

«Ну, пожалуйста вы, которые произвели меня на свѣтъ», бормоталъ онъ, потирая отъ наслажденія руками. «Пожалуйста-ка! А ну, пожалуйста!»...

Дверь запѣла длиннымъ, визгливымъ звукомъ. Леонъ съ притворнымъ любопытствомъ обернулся. Въ комнату осторожно и несмѣло заглянули папаша и мамаша. Папаша стоялъ позади, а мамаша впереди, очень эффектная въ рамѣ двери, въ своей старенькой шубѣ съ облѣзлымъ желтымъ мѣхомъ и въ турецкой шали. Папашѣ, кажется, было очень холодно,

такъ какъ онъ ежился, фыркалъ и усердно потиралъ ладони одна о другую.

— Хорошо, очень хорошо,—одобрительно пробурчалъ Леонъ, послѣ того какъ внимательно осмотрѣлъ обоихъ.—Что вы стали на порогѣ? Войдите, мамаша, не стѣсняйтесь.

— Зачѣмъ она меня толкаетъ, Леонъ? — спросилъ папаша, какъ бы мимоходомъ поклонившись ему. — Она меня притащила сюда, пусть и войдетъ первой.

— Нѣтъ, войди ты, — огрызнулась мамаша. — Ты старше меня.

— Она тебя первая родила, — смѣясь сказалъ папаша,—ей и честь первая.

— Каковъ отецъ?—хихикнула вдругъ мамаша.—Ну, старый песь, идешь или нѣтъ? А то я ждать не буду.

— Сама старый песь, — искусственно разсердился папаша.

— Перестаньте ссориться,—благодушно вмѣшался Леонъ, съ удовольствіемъ наблюдая за нимъ.

«Хитрецы», — подумалъ онъ. — «Но меня не проведете, — я знаю всѣ ваши штучки».

— Совсѣмъ песь, — еще разъ сказала мамаша и вошла, протянувъ холодную съ морозу руку Леону.

Старикъ вошелъ вслѣдъ за ней, подалъ Леону только одинъ палецъ, но съ такимъ видомъ, словно хотѣлъ сдѣлать нѣчто другое и прошелъ къ окну. Шапку онъ еще больше надвинулъ на лобъ.

— Въ чемъ же, однако, дѣло? — спросилъ Леонъ. Рассказывайте, мнѣ некогда.

— Вотъ это именно и трудно исполнить, — отвѣтилъ папаша. — Скоро только лошади бѣгутъ.

— Женихъ Любочки, — несмѣло сказала мамаша, садясь, — выдумалъ вальсъ, правда, Моисей, онъ выдумалъ вальсъ? Кажется, вальсъ? Или польку?

— Мнѣ только дайте присѣсть,—сказалъ папаша.— Откуда я знаю вальсъ или польку? Меня только оставьте въ покоѣ. Я не хотѣлъ итти къ Леону и те перь не согласенъ. Меня здѣсь нѣтъ.

Онъ, дѣйствительно, сейчасъ сѣлъ и началъ вести себя такъ, какъ-будто его даже не было въ комнатѣ, будто онъ даже и не думалъ сюда приходить.

— Мамаша, — холодно произнесъ Леонъ, послѣ штучки папаша, — вы, кажется, сказали, что женихъ Любы сочинилъ вальсъ или польку.

— Да, Леонъ, — смиренно отвѣтила мамаша, — я, кажется, это сказала.

— И совсѣмъ напрасно, мамаша. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Хоть бы даже онъ оперу сочинилъ.

— Хорошо, Леонъ, пусть онъ совсѣмъ не сочинилъ вальса или польки и ему не нужно пятидесяти рублей на то, чтобы ихъ, уже не знаю, напечатать или написать на бумагѣ. Съ этимъ еще не трудно согласиться. Подумаешь, что мы потеряемъ, если онъ не написалъ вальса или польки. Папаша тоже ничего не теряетъ отъ этого.

— Тогда что же вамъ нужно отъ меня? — теряя хладнокровіе, спросилъ Леонъ.

— Теперь, старый комедіанщикъ, — торжествую промолвила мамаша, — будешь еще спорить со мной? Я именно такъ и сказала дома, что ты, Леонъ, спросишь насъ объ этомъ.

— Да, подтвердилъ папаша, — на мигъ объявляясь. — Она, дѣйствительно, это сказала, а я утверждалъ, что ты угостишь насъ кофеемъ. Это правда, она знаетъ всѣ твои штуки.

— Развѣ я упоминала о штукахъ, — возмутилась мамаша, поднимая глаза къ небу.

— Я помню, что она какъ разъ такъ и сказала: «я знаю всѣ штучки Леона», — снова подтвердилъ папаша. — А я говорилъ о кофе.

— Допустимъ, штуки, — ледянымъ голосомъ произнесъ Леонъ. — Дальше что?

— Вотъ тутъ-то и пойдетъ раньше, а не дальше, — съ торжествомъ пробормоталъ папаша.

— Песъ, паяцъ, дай вымолвить слово, — вскипѣла мамаша.

— Этого, Леонъ, ей ни за что не слѣдуетъ позволить,—отвѣтилъ папаша.—Ни за что. Хоть бы она тутъ плясала со злости, хоть бы она каталась по землѣ отъ досады.

Похоже было, что они играли комедію. Папаша скажетъ,—мамаша противъ, мамаша скажетъ,—папаша противъ. Леону, это, наконецъ, надоѣло. Онъ нахмурился, принялъ строгій видъ и, пугая ихъ взглядомъ, сердито сказалъ:

— Ну, довольно. Говорите прямо, что вамъ нужно. Что вы комедію ломаете? Я вѣдь васъ насквозь вижу.

Мамаша притихла, папаша испугался и вдругъ сдѣлалъ видъ, что его опять нѣтъ въ комнатѣ, что онъ даже не приходилъ сюда.

— Ну, валяйте, не стѣсняйтесь, — приглашалъ Леонъ.—Мамаша, дайте Леону палкой по головѣ. Засучите-ка рукава! На базарѣ бы вамъ торговать, а не быть моей матерью. Я знаю, чего вы хотите! А ну-ка давайте, давайте!

— Я пришла...—заикаясь начала мамаша.

— Она пришла... — подтвердилъ папаша и снова какъ бы исчезъ изъ комнаты.

— Я пришла, Леончикъ... я не говорю о вальсѣ или о полькѣ! Я знаю, что у тебя взять копейку труднѣе, чѣмъ сорвать руками подкову съ ноги лошади. Это папаша тоже знаетъ.

— Папаша ушелъ, — отозвался папаша.

— Очень хорошо, мамаша, — вѣжливо сказалъ Леонъ,—но нельзя ли здѣсь говорить потише? Вы, кажется, забыли, гдѣ находитесь?

— Вотъ это ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ,—выговорилъ папаша.—Задай-ка ей, какъ слѣдуетъ! Что она тутъ распустилась?

— У тебя есть сестра, Леончикъ, — смиренно продолжала мамаша.—Ее зовутъ Любочкой. Кажется, ее такъ зовутъ. Вотъ этой Любочкѣ нужно выйти замужъ... за музыканта.

— Этого я совсѣмъ не зналъ, — съ разыграннымъ удивленіемъ произнесъ Леонъ.

— Теперь скажи ты, что дальше, — обратилась мамаша къ папашѣ.

— Нѣтъ, скажи ты, — огрызнулся папаша.

— Старый ворюга, скотопродавецъ!

— Сама старый ворюга...

— Вы опять начали? — разсердился Леонъ.

— А ты еще не вѣрилъ, Леончикъ, что этотъ комедіантъ спалъ съ каждой дѣвкой, когда былъ молодъ.

— Сама ты спала съ каждой дѣвкой, — развеселился папаша.

— Мамаша, папаша, вы забываете, въ какомъ благородномъ домѣ находитесь, — съ притворной важностью сказалъ Леонъ. — Подумайте, здѣсь живетъ моя невѣста, Берточка, невинная дѣвушка. Вѣдь она сгорѣла бы со стыда, если бы услышала васъ. Мамаша, я замѣчаю, что вы собираетесь заплакать! Упаси васъ Богъ отъ этого. Умоляю васъ, удержитесь отъ слезъ. Вы забываете, гдѣ находитесь. Папаша, если она мнѣ сдѣлаетъ сцену въ этомъ домѣ, я принужденъ буду ее выгнать.

Послѣ этой угрозы мамаша быстро вытерла глаза и очень весело сказала:

— Вчера, Леончикъ, къ намъ пришелъ женихъ Любочки и заявилъ папашѣ, что, если ему не дадутъ 550 рублей, — пятьдесятъ на вальсъ или польку, а пятьсотъ ему, — то онъ не женится. Каковъ подлецъ! Въ двухъ словахъ, вотъ вся исторія: Любочка три раза падала въ обморокъ.

— Дѣйствительно, три раза, — подтвердилъ папаша. — Не больше и не меньше, какъ три.

— Ну и что же отсюда слѣдуетъ? — спросилъ Леонъ. — Продолжайте, пожалуйста, не стѣсняйтесь. Развяжите шаль.

— Ну... и ты... конечно... Скажи ты, Моисей.

— Ни за что не скажу, — отозвался папаша. — Клеветами у меня слова не вырвутъ.

— Значить ли это, съ ироніей произнесъ Леонъ, что я долженъ дать 550 рублей? Нѣтъ, вы скажите мнѣ, значитьли это? Да? Конечно, вы думаете, что да. Вы вѣдь даже не въ состояніи придумать маленькаго слова «нѣтъ»!

Онъ тихо подошелъ къ дверямъ,—мамаша со страхомъ начала слѣдить за каждымъ его движеніемъ,—заперъ ее на ключъ, и съ таинственнымъ видомъ, словно собирался открыть имъ важную тайну подошелъ къ обоимъ, вытаращилъ изо-всѣхъ силъ глаза и изо-всѣхъ же силъ зашипѣлъ:

— Идіоты! Пара идіотовъ! Пара ословъ!

— Леонъ, —фальцетомъ заговорилъ папаша, —ты, кажется, собираешься оскорбить свою мамашу?

— Молчать! — зашипѣлъ опять Леонъ, — старикъ, словно отъ страха, откинулся назадъ и замеръ, — не смѣйте прерывать меня, когда я говорю. Ага, притихли! Вотъ такъ и сидите смирно. Испугались? Будете еще приставать ко мнѣ съ такими просьбами? Не отвѣчать! Разберемся. Есть дѣвушка Люба. Какое мнѣ дѣло до моей сестры? Отвѣчайте ясно. Почему я долженъ работать на нее? Что мнѣ до какой-то дѣвки, которая должна выйти замужъ?

— Что же намъ дѣлать съ ней?—дрожа отъ страха, спросила мамаша.

— Не хнычьте! Какъ, что? Вы-то, мамашенька, не знаете? Меня пришли ограбить, чтобы музыканту дать, но этого не знаете? А лгать умѣете? А обманывать, а хитрить? Не умѣете? Вы-то не умѣете? А налгать и такъ запутать, чтобы тутъ самъ чортъ не разобрался? Вы себѣ какъ представляете мою жизнь? Иду съ раскрытымъ сердцемъ? Да? Читайте въ душѣ Леона! Да? Дураки, ослы! Вѣдь самъ Богъ у меня правды не знаетъ. Я вѣдь всегда лгу, всегда тку. Я, можетъ быть, самъ не знаю, когда я правду говорю. Смотрите, какъ я строю зданіе, онъ—показалъ руками, какъ—ложь на лжи, обманъ на обманѣ. Немножко наглости, немножко лести, чуточку правды и опять ложь на лжи... правильно, точно, равномерно, какъ часы.

Мамаша сидѣла ни жива, ни мертва, загипнотизи-
рованная его глазами, его голосомъ, но держала руку,
словно обороняясь отъ грозящаго ей удара. Папаша
внимательно слушалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Очень, очень хорошо, Леонъ! Ну, что я тебѣ
говорилъ дома, ты, развалина?

— Благодарю васъ, папаша за похвалу, — серьезно
и съ удовольствіемъ сказалъ Леонъ. — А теперь, я, на-
дѣюсь, вамъ ясно, какъ оженить музыканта на Лю-
бочкѣ? Обработайте его, мамаша. Вы вѣдь ловкая.
Объщайте ему все, что хотите, сошлитесь на меня,
понимаете? А теперь уходите, мнѣ некогда. Ну, под-
нимайтесь, что вы опять смотрите мнѣ въ руки?

— Рубликъ, — заныла мамаша. — Дай хоть рубликъ,
мы цѣлый часъ шли сюда.

— Э, такъ и быть, — великодушно сказалъ Леонъ, —
дамъ вамъ обоимъ по полтиннику, если поцѣлуетесь.
Встаньте, подойдите другъ къ другу и крѣпко поцѣ-
луйтесь. Могу еще сообщить вамъ, что у меня уже
въ банкѣ пять тысячъ. Довольны, папаша?

— Ну! — воскликнула мать, всплеснувъ руками.

— Молчите, будетъ хорошо. Поцѣлуйтесь же. Такъ
и быть накину еще по 25 копѣекъ. Пожалуйте, па-
паша къ мамашѣ.

— Поцѣловаться съ нимъ очень трудно, но такъ
и быть для тебя, Леончикъ. Подойди же ко мнѣ,
старый комедіанщикъ!

— Сама старый комедіанщикъ. Подойди ты
ко мнѣ.

— Нѣтъ, ты.

И вдругъ оба поднялись, подошли другъ къ другу,
постояли... и стыдливо поцѣловались.

— Гдѣ же деньги? — спросила сейчасъ мамаша,
обернувшись и протянувъ руку.

— Возьмите... Вотъ вамъ 75 копѣекъ, а папашѣ я
прибавлю пятачекъ. Получите, папаша, 80 копѣекъ.

— А можно мнѣ тебя поцѣловать? — спросила ма-
маша.

— Такъ и быть, цѣлуйте. Вамъ, папаша, тоже можно. И не смѣть меня больше беспокоить.

Оба благоговѣнно подошли къ нему и, мысленно благословляя всѣ дѣла, всѣ пути, каждый шагъ Леона, поцѣловали его гладкія, выхоленные щеки.

— Какъ ты пахнешь, — сказалъ папаша, сморгнувъ слезу.

— Это пахнетъ наша древесная кровь, — шепнула мамаша.

— Ничего ты не понимаешь, — весело проговорилъ папаша, — эти щеки пахнутъ милліонами.

— Милліоны будутъ, — сказалъ имъ на прощаніе Леонъ. — Не беспокойтесь. Ну, съ Богомъ!

Пятясь, они ушли. Леонъ подошелъ къ зеркалу, какъ женщина, взглянулъ на свое лицо и ласково, ласково потрепалъ себя по щекамъ.

Въ одно свѣтлое, теплое январское утро мать Берты осторожно постучалась къ Леону.

«Принесла денегъ», — съ трепетомъ подумалъ Леонъ, сидѣвшій съ Берточкой на кровати.

— Войдите, — сказалъ онъ громко. — Берточка, застегнись! Стань поскорѣе у окна.

Берточка быстро застегнулась, отошла въ сторону и съ невиннымъ видомъ стала разглядывать потолокъ. Настроеніе у нея сразу сдѣлалось очаровательнымъ. Сейчасъ милый Леончикъ развеселится... забота сойдетъ съ его лица...

— Зачѣмъ вы стучитесь, — мягко упрекнулъ мамашу Леонъ, когда та вошла въ комнату. — У насъ нѣтъ никакихъ тайнъ отъ васъ. Вы меня обижаете...

— Оставимъ это, Леонъ, — торжественно отвѣтила мамаша. — Есть болѣе важное дѣло... Берточка, подойди ко мнѣ. Леонъ, посмотрите мнѣ въ глаза.

— Охотно, мамаша, — согласился Леонъ и навелъ на нее чарующій взоръ.

«Я знаю, ты принесла денегъ», — думалъ онъ. — Купи меня, милая, я продаюсь...

— Я достала денегъ, Леонъ. У васъ будетъ шикарное бѣлье, именно такое, какъ вы хотѣли.

— Мамаша, вы ангелъ, — въ восторгѣ воскликнулъ Леонъ. — Берточка, милая, посмотри на свою мать. Ну, развѣ же она не ангелъ?

— Онъ васъ слишкомъ хвалитъ, мамаша, — сияя отъ счастья, сказала Берта. — Я буду ревновать. А я, Леончикъ, ангелъ?

— Милая, ты два ангела, — съ жаромъ промолвилъ Леонъ.

Она томно упала въ его объятія, и Леонъ, цѣлуя ее и однимъ глазомъ посматривая на мамашу, произнесъ:

— Какъ же, мамаша, не любить васъ, если вы мать такой дочери? Вѣдь Берточка необыкновенная дѣвушка.

— Любите ее до гроба, — посовѣтовала мамаша.. Но, милый Леонъ, у меня къ вамъ большая просьба, не говорите, ради Бога, мужу ни слова о томъ, что я вамъ дала сто рублей. Вѣдь это не человѣкъ, а крокодилъ.

— Что вы! — обидѣлся Леонъ. — За кого вы меня принимаете? Клянусь вамъ любовью къ Берточкѣ, что никто объ этомъ не узнаетъ.

— Я вамъ вѣрю, — съ чувствомъ сказала мамаша.

Она отвернулась и разстегнула кофточку, чтобы достать спрятанный на груди узелокъ. Леонъ съ любопытствомъ слѣдилъ за ея движеніями.

— Твоя мамаша, Берточка, — сказалъ онъ сочувственнымъ голосомъ, — заслуживала лучшей участи, чѣмъ быть замужемъ за Шпильманомъ. Ты должна, Берточка, молиться за такую мать.

— Да, она хорошая, — согласилась Берта.

— Это лучшая изъ матерей, которыхъ я зналъ, — продолжалъ Леонъ, стараясь увидѣть, откуда мамаша доставала деньги.

— Ты ее долженъ поцѣловать, Леончикъ. Я тебя умоляю, — подчеркнула Берточка.

— Вотъ деньги, милый Леонъ, — волнуясь и краснѣя и часто дыша, выговорила мамаша, протягивая Леону тепленькія, смятыя кредитныя бумажки. — Если бы вы знали, съ какимъ трудомъ онѣ мнѣ достались! Но для васъ, Леонъ, я готова на все.

— Если вы, мамаша, не разрѣшите мнѣ поцѣловать васъ, — благороднымъ голосомъ произнесъ Леонъ, — то скорѣе отсохнетъ моя рука, чѣмъ я дотронусь до вашихъ денегъ.

— Тогда цѣлуйте, — краснѣя отвѣтила мамаша.

Она закрыла глаза. Онъ ловко подхватилъ ее, крѣпко прижалъ къ груди и осыпалъ поцѣлуями ея зарумянившіяся щеки.

— Цѣлуйте Берточку, — съ легкимъ упрекомъ сказала она.

— Да, да, и ее, конечно, — не смущаясь согласился Леонъ.

— Милый, — прошептала Берточка, скосивъ глаза отъ сильнаго чувства.

— Ну, мамаша и Берточка, — говорилъ Леонъ, не выпуская обѣихъ изъ объятій и шагая съ ними по комнатѣ, — теперь я счастливъ. У меня будетъ чудное шикарное бѣлье. Какіе я себѣ галстуки куплю... Давайте станемъ противъ зеркала. Правда, прелестная картина, мамаша! Вамъ нравится? Берточка, поцѣлуй меня. Нѣтъ, въ шею, въ подбородокъ, — капризнымъ голосомъ говорилъ онъ, — и въ эту щеку! Нѣтъ, крѣпче, вотъ такъ! Теперь я тебя. Дай носикъ! Носикъ, хочу въ носикъ. Рѣшайте, мамаша, кто изъ насъ самый красивый?

— Конечно Леончикъ, — кокетливо сказала Берточка, глянувъ въ зеркало.

— Конечно, вы, Леонъ, — подтвердила мамаша. — Какъ мужчина, вы красавецъ, а Берточка только хорошенькая дѣвушка.

— Дѣйствительно, я, — согласился Леонъ, глядя на себя въ зеркало. — Посмотрите-ка на мои глаза! Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ чертовски красивые глаза! Вгля-

дитесь въ ихъ нѣжный голубой цвѣтъ! А эта мягкая поволока! А брови!

— Глаза у тебя дивные, — произнесла Берточка.

— Подобныхъ глазъ я не видѣла, — поддержала мамаша.

— Что глаза! — съ гордостью говорилъ Леонъ. — Посмотрите-ка на щеки! А этотъ цвѣтъ лица! Подбородокъ, губы! А усы! У кого вы видѣли еще такіе усы?

— Я поцѣлую твои усы! — съ восторгомъ крикнула Берточка.

— Мамаша, — сказалъ Леонъ, давъ Берточкѣ поцѣловать свои усы, — а руки мои! Если бы видѣли мои мускулы!

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, — тоненькимъ голоскомъ запротестовала Берта.

— Что нѣтъ, дурочка, — упрекнулъ ее Леонъ. — Поглядите, мамаша, на цвѣтъ тѣла, поглядите!

— Что вы дѣлаете, — воскликнула мамаша, зарлѣвшись, — мнѣ стыдно...

— Почему же? — съ дѣланнымъ удивленіемъ спросилъ Леонъ. — Берточка, развѣ мамашѣ нельзя посмотрѣть на мои руки? Ну, какъ не восхищаться такими руками, — говорилъ онъ, разстегивая рукавъ и обнажая руку до плеча.

— Леончикъ, Леончикъ, — съ упрекомъ прошептала Берточка.

И быстро спустивъ этотъ страшный рукавъ, она прижалась къ Леону и капризно промолвила:

— Никому не покажу, никому...

— Даже мамашѣ? — невинно спросилъ Леонъ.

— Даже мамашѣ!.. Этого нельзя.

— Хорошо, милая, тебѣ лучше знать, что можно и чего нельзя, — благодушно сказалъ Леонъ, обнимая ее. — Мамаша, нельзя, слышите? Ну-ну-ну, мамаша, подражая Бертѣ и грозя указательнымъ пальцемъ, выговорилъ онъ, — я вамъ задамъ! Не смѣйте смотрѣть на Леона!.. А теперь, Берта, пора одѣваться.

— Какое платье надѣть сегодня, Леончикъ? — задумчиво спросила она.

— Ну, вотъ, будто ты сама не знаешь... Одѣнь фіолетовое съ декадентскимъ узоромъ. Мнѣ очень нравятся эти декадентскіе рисунки. Прелесть, что такое! Мамаша, правда, это фіолетовое ей очень къ лицу?

Когда обѣ вышли, Леонъ изъ предосторожности заперъ дверь на ключъ и внимательно пересчиталъ кредитки. Перелистывалъ онъ ихъ, какъ книжку, смочивъ указательный палецъ. Лицо его выражало самое глубокое вниманіе и сосредоточенность. Онъ даже забылъ слѣдить за собой. Посреди лба образовалась некрасивая продольная складка... Приведши кредитки въ порядокъ, пятирублевки къ пятирублевкамъ, трехрублевки къ трехрублевкамъ, онъ спряталъ деньги и началъ одѣваться.

«Сегодня я увижу Мельникова, — думалъ онъ, смотря съ презрѣніемъ на бѣлую недорогую сорочку. Очарую его! Конечно, очарую!.. А она? Понравлюсь! Я вѣдь всѣмъ нравлюсь... Боже мой, какія я ей сѣти разставлю. Ему однѣ сѣти, а ей другія. «Какъ поживаете, мосье Мельниковъ? Чихнули?.. На здоровье! Мадамъ Мельникова, какая у васъ прелестная грудь! Атласная!.. Бархатная! Бриллиантовая! Мамочка!»

«Этакіе красивые подлые глаза», — думалъ онъ черезъ минуту, разглядывая себя въ зеркалѣ. — «Чортъ его знаетъ, откуда они у меня такіе! Ахъ вы, пара развратниковъ, ахъ вы, пара шарлатановъ!»

Перебѣгая отъ одной мысли къ другой, онъ незамѣтно одѣлся и вышелъ въ столовую. Берточка уже была готова. Ей оставалось лишь набросить на плечи модную мѣховую накидку.

— Ты очаровательна, Берточка! — воскликнулъ Леонъ. — Мамаша, какъ вамъ нравится эта молодая пара? Неправда ли, хорошо?

— Вы бы заѣхали къ фотографу, — посоветовала мамаша.

— Слѣдовало, слѣдовало, — одобрилъ Леонъ и,

взявъ Берточку подъ руку, торжественнымъ шагомъ вышелъ съ ней изъ комнаты.

— Ты счастливъ, Леончикъ?—спросила томно Берточка, когда они очутились на улицѣ.—Погляди, на насъ обращаютъ вниманіе. Всѣ, рѣшительно всѣ смотрятъ на насъ. Я очень люблю, когда идетъ парочка и на нее обращаютъ вниманіе.

— Да, это пріятно... Не опирайся только такъ крѣпко о мое плечо, милая,—мнѣ тяжело.

— Но вѣдь это красиво, Леончикъ.

— Ты права, дорогая. Даже очень красиво... Только немножечко легче... А обращаютъ ли еще на насъ вниманіе? Обернись, пожалуйста, назадъ и посмотри. Мнѣ неловко.

— Да, обращаютъ! Я, вѣроятно, очень покраснѣла отъ этихъ неприличныхъ взглядовъ. Я ужасно краснѣю, когда на меня смотрятъ неприлично.

Продолжая этотъ пріятный разговоръ, они очень легко и съ наслажденіемъ прошли нѣсколько улицъ. Берточка блаженствовала. Она уже не разговаривала, а только краснорѣчиво пожимала руку Леона, жалѣя, что не можетъ тутъ же крѣпко обнять его, поцѣловать, чтобы всѣ видѣли, какъ она любитъ своего красавца, какъ она гордится имъ.

— Ты меня любишь, Леончикъ?—спросила она вдохновенно.

— Да, я люблю тебя, — отвѣтилъ онъ, скрывъ гримасу.

«Сейчасъ ты увидишь, какъ я тебя люблю», съ веселымъ злорадствомъ подумалъ онъ.

— Дай, я твою ручку ущипну. Сдѣлай, Леончикъ, ямочку на щекѣ, сдѣлай, милый! Берточка просить...

— Нѣтъ-съ, извините,—отвѣтилъ онъ неожиданно холоднымъ голосомъ и безцеремонно высвобождая свою руку.—Почему я долженъ сдѣлать для тебя ямочку, если ты бросила привѣтливый взглядъ на молодого человѣка, который только что прошелъ мимо насъ?

— Но я лишь быстро взглянула на него,—извинилась Берточка, очень довольная, что Леонъ ее ревнуетъ.

— Нѣтъ, Берта, я утверждаю, что ты не взглянула, а бросила на нахальнаго молодого человѣка восхищенный взоръ..

— Сокровище мое, но я на него, по правдѣ говоря, даже и не взглянула.

— Даже не взглянула? А сейчасъ ты призналась, что быстро взглянула. Можетъ быть, ты съ нимъ знакома? Открой мнѣ правду! Ты, кажется, покраснѣла? Легкомысленная женщина!—съ превосходнымъ гнѣвомъ сказалъ онъ.—Сегодня ты бросила взоръ, завтра пойдетъ пожатіе руки.. Нѣтъ, Берта, отъ тебя я не ожидалъ такого коварства.

— Но, дорогой мой, ты ошибаешься. Это былъ самый невинный взглядъ.

— Это былъ самый виновный взглядъ—заявляю тебѣ объ этомъ,—громко выговорилъ Леонъ. Я страшно ревнивъ и женщинѣ не вѣрю вотъ настолько. Можетъ быть, ты съ нимъ близка? Я положительно утверждаю, что ты съ нимъ близка. Какъ я могу провѣрить, что ты не близка съ нимъ, если мы съ тобой живемъ, какъ супруги?

— Леончикъ,—сквозь слезы произнесла Берточка,—ты разрываешь мнѣ сердце. Подумай, нуженъ ли мнѣ неизвѣстный молодой человѣкъ, на котораго я даже не посмотрѣла?

— Какъ я могу узнать, зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ? И что я долженъ теперь дѣлать, если ревность кипитъ во мнѣ,—сорочки, кальсоны и носки нужно купить, а ты вдругъ оказалась невѣрной.

— Но клянусь тебѣ жизнью моей матери, что я только мелькомъ взглянула на него.

— Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю. Ни одному слову не вѣрю. Возьми у меня сто рублей и отдай ихъ своей мамашѣ. Пусть она тебѣ купитъ бѣлье на эти деньги.

— Леончикъ,—сдавленно крикнула Берточка, готовая

разрыдаться.—Заклинаю тебя моей любовью, не дѣлай этого. Клянусь тебѣ своимъ счастьемъ, своимъ здоровьемъ, что я даже не взглянула на него!

— Ты правду говоришь, Берточка, въ самомъ дѣлѣ? Ну, поклянись мнѣ еще твоей любовью къ папашѣ.

— Клянусь тебѣ своей любовью къ папашѣ, глотая слезы, пробормотала Берточка.

— Ну, если ты такъ, именно такъ клянешься, то я готовъ повѣрить тебѣ. Прощаю.

— Благодарю, мерси,—просіавъ, сказала Берточка.

«Ага, теперь ты благодаришь», подумалъ Леонъ, вполне удовлетворенный. «А почему надоѣдала? Скажемъ ей: кошечка моя!»

— Кошечка моя,—съ искусственнымъ жаромъ произнесъ онъ.

— Козочка моя!

— Хочу твою шейку!..

Между тѣмъ уже начался рядъ богатыхъ, шикарныхъ магазиновъ. На поворотѣ открылась очень веселая, оживленная и нарядная улица. Асфальтовые троттуары, торцовая мостовая, коляски на резинахъ, волшебныя витрины банковъ, конторъ, магазиновъ, колбасныхъ, портныхъ, — все это сразу настроило Леона и Берту на высокій ладъ. Шубы, галоши, мѣха, накидки, высокія модныя шляпки, глаза и розовыя уши, носы, носы и носы медленно мелькали, какъ въ кинематографѣ...

— Какая дивная улица, — сказала Берта.—Когда, Леончикъ, ты разбогатѣешь, я заставлю тебя купить домъ въ этомъ районѣ. Ежедневно, всѣмъ на зависть, мы будемъ гулять здѣсь отъ часу до трехъ. Я буду одѣваться лучше этихъ дамъ.

— Я, дѣйствительно, куплю особнякъ,—отвѣтилъ Леонъ.—Но исполнить твоей просьбы не могу. Я облюбовалъ одно мѣсто на бульварѣ, рядомъ съ домомъ генераль-губернатора. Но, Берточка, я вижу магазинъ бѣлья... Изобрази важность на своемъ лицѣ. Иначе

эти мерзавцы приказчики не выкажутъ намъ почтенія. Откинь плечи назадъ. Вотъ такъ. Прищурь глаза, подними выше голову...

— Я тебя отлично поняла, Леончикъ. Посмотри, хорошо ли?

Леонъ внимательно сбоку осмотрѣлъ ее и одобрительно сказалъ:

— Недурно... Ты похожа на гордую женщину... Хорошо, хорошо... великолѣпно. Теперь мы можемъ смѣло войти.

У дверей магазина онъ шепнулъ:

— Берта, плечи! Ради Бога, прищурь глаза.

— Сдѣлала, Леончикъ...

Леонъ толкнулъ дверь... За прилавкомъ стоялъ элегантный молодой человекъ, чистенько выбритый, въ коротенькомъ пиджачкѣ. Увидѣвъ такую важную парочку, онъ выбѣжалъ навстрѣчу, отвѣсилъ съ достоинствомъ поклонъ и, пятясь, склонивъ голову набокъ, словно былъ тугъ на ухо, почтительно спросилъ:

— Чѣмъ могу служить, сударыня?

Другой молодой человекъ, не менѣе элегантный, принесъ два стула, удалился, и тогда лишь Леонъ, присѣвъ, сказалъ отчетливо, красиво и громко:

— Не можете ли вы мнѣ показать англійскихъ сорочекъ, шелковыхъ кальсонъ? Но, знаете, что-нибудь получше...

— Съ удовольствіемъ,— произнесъ приказчикъ и на мигъ задумался.— Вамъ какъ угодно, полный гарнитуръ или поштучно?

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста поштучно,—недовольно отвѣтилъ Леонъ.— Я, кажется, ничего не говорилъ о гарнитурѣ.

— Виноватъ, простите, сударь...

Извинившись, приказчикъ побѣжалъ за лѣстницей, установилъ ее и ловко полѣзъ куда-то. Леонъ съ явно брезгливымъ выраженіемъ на лицѣ сталъ оглядывать магазинъ. Потомъ повернулся къ Бертѣ.

— Берта,—прошепталъ онъ съ упрекомъ,—сдѣлай

же, ради Бога, важное лицо. Иначе я уйду, честное слово, уйду. Прищурь глаза, откинь плечи,—ты со-всѣмъ сгорбилась... Не чувствуешь ли ты, что здѣсь пахнетъ, какъ въ колбасной? Потяни-ка носомъ. Вѣдь у тебя лучшее обоняніе, чѣмъ у меня. Прямо пахнетъ колбасой.

— Ты правъ, Леончикъ... Въ самомъ дѣлѣ, какой-то вонючій магазинъ.

Пока они шептались, приказчикъ разставилъ на прилавкѣ нѣсколько коробокъ. Раскрывъ одну, онъ вынулъ превосходную англійскую сорочку и почти-тельно поднесъ ее къ глазамъ Леона.

— Нѣтъ ужъ вы ей, пожалуйста, показывайте, — брезгливо сказалъ Леонъ.—Я въ товарахъ ничего не понимаю.

Берточка сняла перчатку, рассмотрѣла узоръ на пластронѣ, пощупала полотно и съ важностью спросила:

— А скажите, пожалуйста, не изъ гнилого ли матеріала сдѣланъ этотъ фабрикатъ?

— Помилуйте, сударыня,—обидѣлся приказчикъ,— у насъ самый лучший товаръ. Нашъ магазинъ...

— Знаемъ, какой лучший, —вмѣшался тутъ Леонъ.— А почему колбасой пахнетъ? А фабрикатъ? Да вѣдь это дрянъ-съ! Что? Не втирайте намъ очковъ вашимъ изумленіемъ въ глазахъ. Навѣрное эти сорочки про-валялись уже два года на вашихъ пыльныхъ полкахъ.

— Простите, мы дряни не держимъ,—чуть возвы-сивъ голосъ, съ достоинствомъ и снова обиженно сказалъ приказчикъ.

— Да вы не обижайтесь очень, молодой чело-вѣкъ,—сердито сказалъ Леонъ.—Вашъ товаръ—мои деньги. Имѣю право сомнѣваться во всемъ, за что плачѣ.

— Совершенно справедливо, сударь,—испугался приказчикъ.—Виноватъ.

— То-то,—строго промолвилъ Леонъ.—Вы обязаны молчать и покорно выслушивать все, что ни скажетъ

почтенный покупатель. За кого вы насъ приняли? Вы думали, что мы какіе-нибудь? Вы служите покупателю, а не онъ вамъ. И знаете, что бы я сдѣлалъ на мѣстѣ владѣльца этого магазина? Да я бы такого приказчика, какъ вы, въ двадцать четыре часа прогналъ со службы.

— Но почему?—пролепеталъ приказчикъ.

— Что тутъ случилось?—спросилъ хозяинъ, привлеченный громкимъ разговоромъ.

— Ничего,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Леонъ, вставая и застегиваясь на всѣ пуговицы.—Пойдемте, Берточка! Пойдемте... Теперь вы, Берточка, сами убѣдились, можно ли купить что-нибудь въ этомъ магазинѣ.

— Помилуйте!—съ огорченіемъ крикнулъ хозяинъ, побѣжавъ за Леономъ.—Но вѣдь это не моя вина. Приказчикъ будетъ наказанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отмахиваясь руками, говорилъ Леонъ. Прошу не разговаривать со мной. Позвольте намъ пройти. Никогда моя нога не переступитъ порога этого магазина. Пойдемте, Берточка!

И не сгибая колѣнъ, онъ вышелъ съ Берточкой подъ руку, хлопнувъ дверью.

— Этакіе мерзавцы,—съ негодованіемъ говорилъ Леонъ,—совсѣмъ не умѣютъ обращаться съ порядочной публикой. Подалъ какую-то дрянъ и не смѣй ему сдѣлать замѣчанія!.. Ахъ, какъ хорошо, Берточка, покупать, когда имѣешь сто рублей въ карманѣ. Чувствуешь себя свободнымъ... Стой на вытяжку, сволочь... Прелесть, что такое!

— Но вѣдь приказчикъ ни въ чемъ не былъ виноватъ,—робко замѣтила Берточка.

— Какъ не былъ виноватъ? Нѣтъ, Берточка, если такъ, то я не желаю съ тобой покупать. Оставь меня. Не защищайся! Я все понялъ. Ты думаешь, если деньги не мои, то можешь распорядиться моей душой. Не желаю я ничего купить.

— Но я ничего не сказала, Леончикъ! Напротивъ,

я любовалась тобой. Ты былъ такъ важенъ! Знаешь, Леончикъ, тебѣ очень къ лицу, когда ты сердишься.

— Въ самомъ дѣлѣ,—смягчился сразу Леонъ,— такъ я былъ красивъ?.. Прощаю тебѣ. Зайдемъ въ этотъ магазинъ... Лицо, глаза, плечи!.. У меня дьявольски хорошее настроеніе. Мы имъ покажемъ!

— У меня тоже, дорогой Леонъ.

Они улыгнулись другъ другу. Леонъ открылъ дверь.

.....

Когда они вернулись домой, было уже три часа. Мамаша сама встрѣтила ихъ и, увидѣвъ пакетъ, весело сказала:

— Купили? Ну, слава Богу, на здоровье!

— Хорошо, хорошо,—выговорилъ Леонъ, не выпуская пакета изъ рукъ.—Товаръ первый сортъ. Жаль, денегъ не хватило, а то я бы купилъ еще полдюжины англійскихъ сорочекъ.

— Значитъ, вы потратили всѣ сто рублей?—спросила мамаша.

— Ну, конечно! Однако, мамаша, я тороплюсь, не задерживайте меня. Черезъ полчаса я долженъ уйти.

— Вѣдь онъ торопится, мамаша, его теперь нельзя беспокоить.

— А посмотрѣть, что вы купили, тоже нельзя?

— Нельзя, нельзя, мамаша!

— А я думала...

Леонъ, оставивъ мамашу съ дочерью, быстро прошелъ къ себѣ, раздѣлся, умылся и сталъ облачаться въ новое бѣлье. Съ необыкновенной осторожностью онъ натянулъ на ноги розово-голубые, очень плотно прилегавшіе къ тѣлу кальсоны. Они пришлись какъ разъ по немъ, и онъ издалъ легкій крикъ восхищенія, когда взглянулъ на себя въ зеркало. Такъ же осторожно, съ напряженно-внимательнымъ лицомъ и жадно блестящими глазами, взволнованный, онъ надѣлъ цвѣтные носки и укрѣпилъ ихъ подъ колѣнями сѣренькими подвязками. Затѣмъ, наступила очередь цѣльной, англійскаго покроя, ослѣпительно бѣлой

сорочки съ отложнымъ воротникомъ. Тутъ восторгъ его дошелъ до крайнихъ предѣловъ. «Ахъ, что за доброта полотна», — съ восхищеніемъ думалъ онъ. — «Какой удивительный глянецъ! Какіе умницы, эти изобрѣтатели, эти техники! Ахъ, Англія, ахъ, Америка! Вотъ такъ дѣлаютъ вещи... Что, Леонъ? Хорошо? Доволенъ?»

Въ комнату впорхнула Берточка и съ радостнымъ крикомъ: «сокровище мое», бросилась въ его объятія.

— Какая роскошная сорочка! — воскликнула она. — Боже, какъ она тебѣ къ лицу! Я, кажется, еще больше полюбила тебя! Я помогу тебѣ одѣться. Позволь мнѣ, дорогой!

Онъ кивнулъ головой, сѣлъ и протянулъ ей ногу, чтобы она зашнуровала его лакированные башмаки. Потомъ она завязала ему галстухъ, пышно расправивъ концы, застегнула на немъ всѣ пуговицы и, когда дошла до шляпы «Абига» и одѣла ее на его голову такъ, какъ ей нравилось, то-есть, чуть на бокъ, то онъ показался ей такимъ красивымъ, блестящимъ, что она невольно съ грустью сказала:

— Ты не будешь моимъ, Леонъ. Нѣтъ, я не вѣрю. Это не можетъ случиться.

— Съ Божьей помощью буду, — отвѣтилъ Леонъ, скосивъ глаза на потолокъ.

— Ты не вѣришь въ Бога. Не клянись имъ.

— Почему, Берта? Очень вѣрю, въ особенности, когда его надо о чемъ-нибудь попросить.

Говоря такъ, онъ привлекъ ее къ себѣ, осторожно поцѣловалъ, чтобы не смять усовъ и отступилъ.

— Прощай, моя прелесть, — промолвилъ онъ.

— До свиданья, мой красавецъ!..

— Прощай, моя душечка!

— До свиданья, мое сокровище!

Въ коридорчикѣ полуоборотъ... Два звучныхъ поцѣлуя въ шейку и въ губы. Лѣстница и послѣднія перекликанія: «Леончикъ, Берточка, — Берточка, Леончикъ», — и Леонъ на улицѣ.

Леонъ очень красиво сидитъ въ дрожкахъ. Какъ высшее должностное лицо, чувствуя себя превосходно въ новомъ бѣльѣ, чувствуя, какъ къ нему великолепно идетъ двѣнадцатирублевый «Абигъ», онъ плавно поворачиваетъ голову то вправо, то влево, и милостивымъ взглядомъ обводитъ все, встрѣчающееся на его пути: человѣка, телеграфный столбъ, кіоскъ, конку... Онъ доволенъ! Всѣ ведутъ себя прекрасно. Городовой, стоявшій посреди улицы, отступилъ передъ нимъ... На перекресткѣ кучка людей ждетъ, пока онъ пройдетъ. Привѣтъ вамъ, идущіе пѣшкомъ!..

Мѣняются улицы. Пейзажъ все тотъ же. Синее холодное небо... Очень бѣлое не грѣющее солнце, каменные коридоры кварталовъ, окна, окна, балконы, балконы, подъѣзды, вывѣски...

...Леонъ прекрасно понимаетъ людей... Онъ всегда играетъ на ихъ слабостяхъ. Съ Бертой онъ наивный любовникъ, съ офицеромъ патриотъ, съ Мельниковымъ неопытный молодой человѣкъ, и никто не догадывается, что онъ всѣхъ ведетъ за носъ. Въ сущности люди — дураки, ослы на двухъ ногахъ и не черта не понимаютъ... Сегодня онъ будетъ замѣчательно льстить. Сохрани Богъ возражать Мельникову! Держи языкъ за зубами. Языкъ — молчать! Поддакивай восторженно. «Солнце восходитъ на западѣ, любезный Леонъ!» «Конечно, на западѣ, рас-проуважаемый господинъ Мельниковъ!» «Собаки питаются сѣномъ!» «Именно, преуважаемый господинъ Мельниковъ!» Знаю я слабые струнки людей. А что я съ его женой сдѣлаю? Хапъ, — и поймалъ госпожу Мельникову. Хапъ, — и обнялъ ее, поцѣловалъ въ губы...

Онъ причмокнулъ губами, прищурилъ глаза. Вся картина, какъ на ладони. Она, кровать, куча денегъ... Ахъ, что за удовольствіе быть красавцемъ! Однако, почему извозчикъ медленно ѣдетъ? Извозчикъ! Вѣроятно, лошадь еще не пообѣдала... Бѣдная!.. Впрочемъ, Любу надо все-таки выдать за этого музыканта съ его вальсомъ и полькой. Чортъ съ ней.

Такъ размышляя, — весело, легко, беззаботно, онъ незамѣтно подѣхалъ къ роскошному пятиэтажному дому. Кучеръ остановилъ лошадь. Леонъ сдѣлалъ привѣтливое лицо, расплатился и быстрыми, легкими шагами прошелъ въ парадную. Тамъ онъ разспросилъ швейцара и, узнавъ, что Мельниковъ живетъ во второмъ этажѣ, сталъ подниматься по мраморной лѣстницѣ, устланной ковромъ.

— «Кажется, здѣсь?» — подумалъ Леонъ, замѣтивъ на большой двустворчатой двери мѣдную дощечку.

Онъ остановился, перевелъ дыханіе, чтобы не имѣть вида человѣка, нуждающагося въ глоткѣ воздуха, медленно и съ удовольствіемъ прочиталъ: «Григорій Александровичъ Мельниковъ, присяжный повѣренный» и осторожно нажалъ кнопку звонка.

Послышался далекій шорохъ, глухой звукъ шаговъ. Зазвенѣла цѣпь и въ рамѣ двери показалась очень миленькая, хорошо одѣтая дѣвушка.

— Извините, — вѣжливо и какъ могъ красивѣе, произнесъ Леонъ, снимая шляпу, — могу ли я увидѣть вашего почтеннаго батюшку?

— Баринъ дома, — опустивъ глаза, сказала дѣвушка. — Пожалуйте.

— Ахъ, виновать, — будто сконфузясь, промолвилъ Леонъ, входя и держа шляпу въ рукахъ.

Дѣвушка заперла дверь на цѣпь и повернулась къ Леону.

— Какъ о васъ доложить? — спросила она, взявъ у него палку, шляпу и пальто.

— Скажите, что молодой человѣкъ, Леонъ Дрей, пришелъ съ визитомъ.

Онъ проводилъ ее глазами, сдѣлалъ два шага по комнатѣ, какъ вдругъ замѣтилъ на стѣнѣ объявленіе, отпечатанное крупнымъ, жирнымъ шрифтомъ: «Прошу вытирать ноги».

Ему показалось, что кто-то отдалъ приказаніе до того ясно прозвучало въ его ухахъ: «прошу вытирать ноги». Поэтому онъ поспѣшно поискалъ половикъ и,

найдя еѡ тутъ же у дверей, съ опрокинутой надписью «здравствуйте», усердно сталъ вытирать свои лакированные башмаки, хотя они и были безукоризненно чисты.

«Однако, тутъ довольно странно,—наскоро подумалъ онъ, шаркая и кланяясь многократно всѣмъ тѣломъ.— Теперь замремъ! Какая великолѣпная передняя! Что за чудесная вѣшалка, фонарь, столикъ! Какіе обои! Волшебство, волшебство... Хорошо бы взглянуть на себя въ зеркало. Боюсь, что сейчасъ выгляжу дуракомъ».

— Кто это тамъ пришелъ, Юлія?—откуда-то сбоку послышался вдругъ бархатный, басовый голосъ Мельникова.

Леонъ вздрогнулъ отъ неожиданности и бессмысленно вперилъ глаза въ пространство.

«Пожалуй, еще не приметъ»,—мелькнуло у него въ головѣ.

Юлія сказала что-то и, вернувшись въ переднюю, спросила у Леона визитную карточку.

— Но простите,—развязно отвѣтилъ онъ,—я забылъ захватить ихъ съ собой. Онѣ остались на моемъ письменномъ столѣ. Какая досада! Передайте еще разъ пре-уважаемому господину Мельникову, что пришелъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Леонъ Дрей. Не забудьте, пожалуйста: Леонъ Дрей, Леонъ Дрей! Они вспомнятъ...

«Хорошенькая»,—подумалъ онъ, когда она опять удалилась.—«Я бы не отказался отъ нея, честное слово. Какая прелесть!.. Можно ли сравнить ее съ тѣми дѣвушками, съ которыми я имѣлъ до сихъ поръ дѣло, или съ какой-нибудь Бертой? Вотъ радость богатства»—вдохнулъ онъ.—«Навѣрное, каналья Мельниковъ живетъ съ ней! Развратникъ. Этакій мерзавецъ! Но подожди, голубчикъ, я Юльку отобью у тебя... Она возвращается... Миленькая, цыпочка!»

Эти веселыя, пріятныя мысли развлекли его, и онъ, льстиво улыбаясь одними углами рта, выслушалъ ее, склонивъ голову на бокъ.

— Баринъ извиняются, — сказала она, опустивъ глаза передъ его дерзкимъ взоромъ, — и просятъ васъ пожаловать къ нимъ въ ванную. Они теперь купаются. Очень рады васъ видѣть.

«Теперь надо склонить голову въ знакъ согласія... Готово! Улыбнуться... А не ущипнуть ли ее сейчасъ же?» — промелькнуло у него. — «Нѣтъ, успѣю въ другой разъ... Но почему въ ванную? Я кажется долженъ былъ бы обидѣться... Впрочемъ, чортъ съ нимъ».

Онъ пошелъ за Юліей, стараясь ступать мягко и не скрипѣть башмаками. Они шли полутемнымъ, довольно широкимъ корридоромъ. Леонъ наскоро оглядывался и потиралъ руки. Какія-то двери... одна, другая, третья! Хорошо живетъ Григорій Александровичъ Мельниковъ! Кажется, здѣсь...

Юлія остановилась у четвертой двери и тихо постучала.

— Войдите, — раздался извнутри голосъ Мельникова.

Леонъ храбро открылъ дверь, и быстро закрылъ ее за собой, чтобы, упаси Богъ, Юлія не увидѣла господина Мельникова въ неприличномъ видѣ. Затѣмъ онъ повернулся, сдѣлавъ веселое, привѣтливое лицо и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Пришелъ-таки, наконецъ-то, — тоже привѣтливо, весело и громко промолвилъ сидѣвшій въ ваннѣ господинъ Мельниковъ.

Леонъ быстро оглядѣлся. Мельникова онъ едва призналъ въ этомъ неприятно-тучномъ, голомъ, гладкомъ господинѣ, съ прилизанными въ разныхъ направленіяхъ волосами, и съ комочкомъ бороды, съ которой струей стекала вода. Очень понравилось ему убранство этой большой комнаты, залитой свѣтомъ. Тутъ было небольшое трюмо, и вращающаяся вѣшалка съ лохматыми полотенцами, простынями, и механическая печь, металлическія части которой блестѣли какъ новенькія. Ванна была мраморная, большая, массивная, и Леонъ немедленно оцѣнилъ ее въ триста

рублей. Одобрить онъ и душъ, великолѣпно приспособленный, электрическія лампочки, электрическіе звонки, кушетку, коврикъ для ногъ... И какой порядокъ, какая чистота! На стѣнахъ два объявленія: «Во всякое время года температура воды не должна превышать двадцати восьми градусовъ» и «Оставаться въ ваннѣ можно не больше девяти минутъ».

«Замѣчательно подлецъ устроился», — подумалъ Леонъ, чувствуя, что начинаетъ сердиться и негодовать. — «Но у меня будетъ лучше, чѣмъ у него», — утѣшилъ онъ себя. — «Подожди, сволочь!»

Мельниковъ, давъ Леону осмотрѣться, вынулъ изъ воды свою мокрую, мохнатую, жирную руку, и весь свѣтлѣясь какой-то животной радостью, громко сказалъ:

— Надѣюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я васъ принимаю безъ церемоній... въ ванной? Примите это какъ знакъ особаго расположенія къ вамъ. Извините, что протягиваю вамъ мокрую руку.

— Ничего, ничего, — тонко улыбнувшись, отвѣтилъ Леонъ. — Я вѣдь могу свою сейчасъ вытереть. Очень радъ, уважаемый господинъ Мельниковъ, то есть Григорій Александровичъ, что вы приняли меня за просто. Къ чему церемоній?.. Очень радъ еще видѣть васъ здравствующимъ и въ домашней обстановкѣ. Цѣню и благодарю за довѣріе, которое вы этимъ оказали мнѣ, — съ напускнымъ достоинствомъ говорилъ онъ, вытирая свою руку новенькимъ платочкомъ.

«Шкуру съ тебя спущу», — опять подумалъ онъ дѣлая ласковое лицо.

— Почему же вы такъ долго не заглядывали? — спросилъ господинъ Мельниковъ, нырнувъ въ воду. — Чудная вода, молодой человекъ... э... э... э... любезный Леонъ. Увѣренъ, что вы завидуете мнѣ. И въ особенности, знаете, пріятно лѣтомъ послѣ работы завалиться въ эту прелесть и минутку подремать. Люблю воду, какъ утка, и иногда, когда сидишь въ водѣ, прямо является желаніе покрякать. Очень рекомендую, —

прибавилъ онъ, дѣйствительно крикнувъ и погружаясь до шеи,—ванну въ двадцать восемь градусовъ и именно послѣ работы.

— О, если бы я имѣлъ возможность, многоуважаемый Григорій Александровичъ!—съ разыграннымъ сожалѣніемъ сказалъ Леонъ. — А мнѣ и мечтать объ этомъ нельзя. Но разрѣшите ли вы высказать, — воскликнулъ онъ, словно уже не могъ удержаться,—какъ меня все здѣсь очаровало! Эта ослѣпительно-богатая передняя, эта замѣчательная ванная! Что за чудныя мохнатыя полотенца! Могу смѣло сказать, что у васъ княжеская обстановка...

— Почему же вы все-таки такъ долго не заглядывали?—пріятно польщенный, спросилъ Мельниковъ.— Я вѣдь рассказалъ о васъ мамѣ, — мамѣ я зову свою жену, — съ милой предупредительностью пояснилъ онъ,—рассказалъ и дѣтямъ. Мы васъ ждали.

— Какъ мнѣ васъ благодарить? — воскликнулъ Леонъ. — Но я не осмѣливался. Я самъ говорилъ себѣ: «Леонъ, ты поступаешь, какъ самый грубый, невоспитанный человѣкъ! Тебя ждетъ рѣдкой души человѣкъ, которому ты обѣщаль притти». Но не рѣшался... Вѣдь я, многоуважаемый Григорій Александровичъ, понимаю разстояніе между мной и вами.

— Я одобряю васъ,—нырнувъ въ воду послѣ того, какъ внимательно выслушалъ, сказалъ Мельниковъ.— Вы поступили, какъ истинно - благовоспитанный, скромный молодой человѣкъ. Однако, надѣюсь, вы ничего не будете имѣть противъ, если я, не стѣсняясь васъ, выйду изъ ванны,—прибавилъ онъ, глянувъ на стѣнные часы.

— О, пожалуйста, пожалуйста, напротивъ, — сказалъ Леонъ. — Если позволите, я даже помогу вамъ выбраться изъ нея. Сочту за честь...

— Сейчасъ,—кряхтя говорилъ Мельниковъ, выходя изъ ванны и опираясь на руку Леона,—мы одѣнемся.— Онъ набросилъ на себя простыню, а Леонъ ловко оттянулъ ее на спинѣ. — Сейчасъ,—продолжалъ онъ,

шумно вытирая лицо мохнатымъ полотенцемъ, — мы познакомимъ васъ съ внутреннимъ устройствомъ моей квартиры. Это будетъ, такъ сказать, первая глава моей жизни, которую вамъ необходимо, подчеркиваю «необходимо» узнать. Затѣмъ, если ничто не помѣшаетъ намъ, — тянуль онъ, вытирая тщательно ноги и между пальцами, — мы хорошо, плотно пообѣдаемъ. Предупреждаю васъ, что у насъ хорошо ѣдятъ и любятъ поѣсть. Это одно изъ моихъ многихъ правилъ.

— О, господинъ Мельниковъ, — осмѣлился робко запротестовать Леонъ, — это совершенно не нужно. Благодарю васъ... Притомъ я нисколько не голоденъ и всегда ѣмъ очень мало... какъ ребенокъ!..

— А я все-таки съ удовольствіемъ накормлю васъ, — съ милой простотой сказалъ Мельниковъ. — Правда, вы для визита выбрали неудачный день, сегодня у меня какъ разъ много дѣлъ на рукахъ, но...

— Извините, — проговорилъ Леонъ... — Если бы я зналъ...

— Я еще не кончилъ, — съ легкимъ упрекомъ въ голосъ сказалъ Мельниковъ.

— Простите, — прошепталъ Леонъ.

— Я еще не кончилъ, — упрямо повторилъ Мельниковъ... — но пообѣдать мы еще успѣемъ, вотъ что я хотѣлъ сказать. А въ слѣдующій разъ...

Онъ не договорилъ своей мысли, растянулся на диванъ и медленно закрылъ глаза. Леонъ стоялъ неподвижно, нарочито не дыша и нарочито же почтительно храня молчаніе. Радовался онъ, что все идетъ гладко, и уже предвкушалъ всѣ выгоды своего новаго положенія. Оттого онъ въ душѣ чувствовалъ такой приливъ лицемѣрія и желанія льстить, что едва удержался не сказать: «Удивительные у васъ ногти на пальцахъ ногъ, многоуважаемый Григорій Александровичъ, — просто, какъ изъ перламутра...»

Когда господинъ Мельниковъ открылъ глаза и увидѣлъ, что Леонъ почтительно и съ нѣжностью

смотреть на него, то съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ, лишь оттѣнкомъ грусти произнесъ:

— Вы смотрите, любезный Леонъ, на мое большое, нѣсколько заплывшее жиромъ тѣло, и даже, вѣроятно, не представляете себѣ, какимъ прелестнымъ, ловкимъ юношей я былъ въ свое время. Если меня описать теперь,—сказалъ онъ чуть напыщенно,—то получится слѣдующее: на кушеткѣ лежитъ солидный господинъ, не плотно закутанный въ простыню, вѣсящій безъ малаго шесть пудовъ, роста двухъ аршинъ и восьми съ половиной вершковъ, съ большимъ лицомъ, обрамленнымъ свѣтло-русой бородой, съ крупнымъ носомъ и еще голубыми, но, увы, уже выцвѣтающими глазами. А между тѣмъ господинъ этотъ есть лишь испорченный образъ высокаго, тонкаго молодого человѣка, съ прелестнымъ лбомъ и свѣтлокудрой шапкой шелковистыхъ волосъ,—тихо закончилъ онъ, мечтательно заглядѣвшись куда-то.

«Къ чему это онъ?»—удивился Леонъ, дѣлая очень ласковое, но также и грустное лицо. — О, если бы я могъ вернуть вамъ молодость! — съ жаромъ сказалъ онъ громко.

— Вы, кажется, имѣли какое-то дѣло ко мнѣ?—совершенно неожиданно спросилъ Мельниковъ.

— То есть, — растерялся на мигъ Леонъ. — Какое дѣло? Ахъ да.. то дѣло, — разсмѣялся онъ... — Одинъ близкій другъ моего отца... почтенный семьянинъ, хотѣлъ... какъ бы это сказать? «Надо что-нибудь выдумать», — неслось у Леона. — «Но, что, что? Отлично каналья все помнить». — Развестись съ своей женой, — весело солгалъ онъ. — Но у нихъ, уважаемый Григорій Александровичъ, все кончилось, — они помирились... Да, да, кончилось!..

— Отлично,—промолвилъ Мельниковъ, выслушавъ внимательно, и закрылъ опять глаза.

«Надо живо замять это дѣло», — подумалъ Леонъ. — А что это за надписи на стѣнахъ? — спросилъ онъ вдругъ. — Очень хотѣлъ бы понять ихъ значеніе.

— Надписи, — повторилъ Мельниковъ, — о, онѣ играютъ немаловажную роль въ моемъ домѣ. Надписи регулируютъ нашу жизнь. Впрочемъ, я вамъ сейчасъ все это объясню.

Онъ сбросилъ простыню, снялъ съ вѣшалки большую, до пятъ, рубаху, которая одѣвалась, какъ сюртукъ и не спѣша началъ:

— Видите ли, любезный Леонъ, все это очень просто. Предположимъ, что мамá или дѣти хотятъ принять ванну. По этой надписи Юліи уже извѣстно, что больше двадцати восьми градусовъ вода не должна имѣть тепла. Но и мамá и дѣтямъ, да и мнѣ эта надпись напоминаетъ, что въ ваннѣ нельзя сидѣть больше девяти минутъ. И я спокоенъ. Не можетъ у меня случиться, какъ это часто бываетъ въ домахъ интеллигентныхъ, подчеркиваю «какъ». Сдѣлаютъ ванну въ 32 — 35 градусовъ, сидятъ въ ней полчаса, и въ результатъ сердцебиеніе, рвота, обморокъ, врачъ, гонораръ врачу, аптека и прочее. У меня же это невозможно: двадцать восемь градусовъ и девять минутъ по часамъ и никакихъ случайностей.

— Очень, очень мудро! — съ хорошимъ восхищеніемъ воскликнулъ Леонъ, пододвинувъ, между прочимъ, туфли къ ногамъ Мельникова. — Непремѣнно воспользуюсь вашей идеей объявленій.

— О, вы еще многому научитесь у меня, — сказалъ Мельниковъ съ многообѣщающей улыбкой. — Однако, я готовъ. Времени до обѣда хотя осталось немного, но мы успѣемъ пробѣжать нѣсколько комнатъ.

Леонъ молча наклонилъ голову и отступилъ, чтобы пропустить Мельникова впередъ. Но тотъ ласково и внушительно сказалъ: «прошу», — повернулъ его къ себѣ спиной и легонько вытолкнулъ изъ ванной. Въ корридорѣ онъ фамиллярно взялъ его подъ руку, и Леонъ крѣпко прижалъ къ своей груди локоть господина Мельникова.

«Но госпожа Мельникова?», — осторожно написалъ на своемъ лицѣ Леонъ.

— Мнѣ кажется, что вы спрашиваете о мамѣ?— произнесъ Мельниковъ.— Вы ее увидите за обѣдомъ, любезный Леонъ...

Онъ снова взялъ его подъ руку и, пройдя корридоръ, торжественно вступилъ съ нимъ въ большую, просторную, въ шесть оконъ комнату.

Ртуть въ трубкѣ термометра показывала пятнадцать градусовъ. Въ столовой было ни тепло, ни холодно; ничѣмъ не пахло, и лишь тонкое обоняніе Леона ощутило легкій, легкій запахъ фіалокъ...

— Какъ здѣсь хорошо, — бархатнымъ голосомъ сказалъ онъ, заложивъ руки за спину и задравъ голову.— Какая дивная лѣпная работа, и что за прелестная живопись на потолкѣ! О, Григорій Александровичъ, — вы истинный счастливецъ!

— Да, тутъ дѣйствительно недурно, — самодовольно произнесъ Мельниковъ.— Все, что вы здѣсь видите, любезный Леонъ, куплено за-границей. Буфетъ, столъ, стулья заказаны въ Вѣнѣ, висячая лампа вывезена изъ Англии. Потолокъ сдѣланъ французомъ. Въ этой комнатѣ вы не найдете ни одного русскаго фабриката. И гдѣ въ самомъ дѣлѣ можно найти истинно изящное, прочное, если не за-границей?

— Вы совершенно правы! Я самъ очень люблю все заграничное. Напримѣръ, бѣлыя сорочки... Вѣдь это одна прелесть: прочно, красиво, изящно. Не хотите ли посмотрѣть на мою сорочку?

— Позвольте, позвольте, любезный Леонъ, — прервалъ его Мельниковъ, — рѣчь идетъ совсѣмъ не объ этомъ. Я только что приготовился говорить о бѣльѣ, но совершенно съ другой точки зрѣнія. Скажите, по чистой совѣсти, Леонъ, считали ли бы вы въ порядкѣ вещей посылать въ стирку свое бѣлье въ Англию?

— Какъ вы сказали?— съ удивленіемъ переспросилъ Леонъ, раскрывъ широко глаза?— Въ Англию?... Бѣлье?...

— Мнѣ очень нравится ваше невѣдѣніе, а между

тѣмъ, такіе факты имѣются на лицо. Но долженъ сказать, что я ихъ рѣшительно, подчеркиваю «ихъ рѣшительно» осуждаю. Представьте себѣ, одинъ мой кліентъ, милліонеръ Гагенъ, англomanъ по складу ума и по привычкамъ, блестящій джентельменъ, имѣетъ обыкновение, рассказываю, какъ фактъ, посылать свое бѣлье стирать въ Англію. Ну, скажите, развѣ же это не безуміе, не фанфаронство, не смѣшная кичливость своимъ богатствомъ? Я понимаю прелесть комфорта, самаго утонченнаго, самаго дорогаго, это отвѣчаетъ высокимъ культурнымъ запросамъ. Но посылать свое бѣлье стирать въ Англію не есть необходимость и кажется мнѣ просто неприличной насмѣшкой надъ своими знакомыми, съ негодованіемъ закончилъ онъ, поднявъ обѣ руки надъ головой,

— Ну, разумѣется, насмѣшка, тутъ не можетъ быть сомнѣнія,—подтвердилъ Леонъ, тоже поднявъ руки надъ головой.— Это даже,—пусть проститъ мнѣ, многоуважаемый господинъ Гагенъ,—пустой шикъ!

— Хуже, любезный Леонъ!

— Да, хуже, подтвердилъ Леонъ, прочитавъ въ глазахъ Мельникова, что можно ругнуться.— Это даже,—пусть проститъ мнѣ милліонеръ Гагенъ... свинство! Нельзя такъ издѣваться надъ своими знакомыми!

— Хуже, хуже, я самъ не знаю, что это такое. Напрасно я буду подыскивать названіе этому поступку..

— Я тоже не знаю, что это такое!—разошелся Леонъ.—Скажите, пожалуйста! Въ Англію? А почему не въ Австралію, не въ Персію? А въ простую, здоровую, честную, русскую прачешную онъ не можетъ посылать свое бѣлье?

— Пусть посылаетъ свое бѣлье въ Англію, къ чорту, куда угодно,—покраснѣвъ, сказалъ Мельниковъ,—но меня онъ долженъ оставить въ покоѣ со своими совѣтами!

— Долженъ оставить,—подтвердилъ Леонъ, тоже покраснѣвъ.—Что за безобразіе! Какъ онъ смѣетъ васъ беспокоить своими совѣтами?

Со стороны могло казаться, что они страшно ссорятся. Они перебивали другъ друга, гнѣвно жестикулировали. Чортъ знаетъ, какая чепуха! Скажите, пожалуйста, бѣлье въ Англію! Нахаль! выскочка!

Когда они немного успокоились, Леонъ задушевно сказалъ:

— Умоляю васъ не волноваться; многоуважаемый Григорій Александровичъ. Вы страшно покраснѣли... Позвольте и мнѣ рассказать вамъ не менѣ возмутительный случай... Представьте себѣ, началъ онъ, отлично подражая тону и жестамъ Мельникова, одинъ мой большой пріятель, страшный богачъ, извѣстный спортсменъ, страстный любитель билліарда...

— Я уже успокоился...—оборвалъ его Мельниковъ— пойдѣте, любезный Леонъ, въ дѣтскую.

— Съ удовольствіемъ и съ готовностью,—отвѣтилъ Леонъ. «Этакая собака, слова не дастъ сказать»,—подумалъ онъ.—Очень пріятно познакомиться съ вашими наслѣдниками. Какіе это должно быть прелестныя дѣти.

— О, да,—съ важностью промолвилъ Мельниковъ, снова взявъ Леона подъ руку,—горжусь ими и люблю ихъ. Пожалуйста.

«Какой пріятный молодой человѣкъ, думалъ Мельниковъ, подвигаясь съ закрытыми глазами. Мы, фізіономисты, никогда не ошибаемся. Онъ мягокъ, податливъ, иногда остроуменъ и легко схватываетъ сущность предмета. Отвѣты его осмысленны. Надо будетъ непременно позаботиться о его судьбѣ и, надѣюсь, что съ моей помощью онъ пойдѣтъ далеко».

«Я произвелъ на него отличное впечатлѣніе, думалъ Леонъ, оглядывая сбоку Мельникова. Молодецъ Леонъ, хвалю! Однако, когда же я увижу его жену? Наконецъ, я проголодался. А какъ мнѣ пріятно будетъ прогуливаться въ его отсутствіе съ мамѣ по этимъ роскошнымъ заламъ. Нѣтъ, я, кажется, буду носить на рукахъ эту чудную женщину».

— Мы у дѣтской,—сказалъ вдругъ Мельниковъ.

Онъ открылъ дверь и звучнымъ голосомъ ласково произнесъ:

— Оля, Марія, Мишель и Пьеръ,—папа пришелъ! Войдемте, любезный Леонъ!

Дѣти вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились къ отцу. Мельниковъ нѣжно оглядѣлъ ихъ, потрепалъ по щекамъ старшую Олю, поцѣловалъ ручку у младшей Маріи и, ожидая всяческихъ похвалъ отъ Леона, громко сказалъ:

— Дѣти, познакомьтесь! Этого молодого человѣка зовутъ Леонъ Дрей. Пожмите ему руку.

Всѣ четверо съ шумомъ обступили Леона и, толкаясь, стали совать ему свои руки.

— Леонъ Дрей,—произнесла Марія пріятнымъ толенькимъ голосомъ.

— Да, Леонъ Дрей,—подтвердилъ Леонъ.—Какіе они милые, прелестные, Григорій Александровичъ. Какъ бы я хотѣлъ быть вашимъ братомъ, дѣти! Красавцы и красавицы, и очень похожи на васъ, многоуважаемый господинъ Мельниковъ! Въ особенности, вотъ эта,—сказалъ онъ, указавъ пальцемъ на одну изъ дѣвочекъ.

— Нѣтъ, она больше похожа на мать, любезный Леонъ. Вглядитесь попристальнѣе.

— Пожалуй, что вы правы,—согласился Леонъ, послѣ того какъ пристально посмотрѣлъ на дѣвочку и внимательно, но очень вѣжливо сравнилъ ея лицо съ лицомъ папашаи.— Да, несомнѣнно, вы правы. Она совершенно не похожа на васъ. Но какая прекрасная дѣтская! Позвольте мнѣ одну минутку полюбоваться этой комнатой.

— Пожалуйста, пожалуйста, любезный Леонъ.

Леонъ принялъ позу человѣка, очутившагося въ музей; заложилъ руки за спину и, не спѣша, сначала задралъ голову, чтобы осмотрѣть потолокъ. Найдя его въ полномъ порядкѣ, то-есть чистымъ, бѣлымъ, гладкимъ, онъ перевелъ глаза на стѣны, прочелъ, шевеля губами, надписи, украшавшія ихъ... Узнавъ о томъ, что ложиться надо въ 9 часовъ, а вставать въ семь съ половиной, что гимна-

стику необходимо дѣлать сейчасъ же послѣ умыванія и не больше пяти минутъ, онъ перевелъ свои взоры на географическій глобусъ и на юпитръ. Оба предмета онъ одобрилъ значительнымъ кивкомъ головы. Потомъ съ удовольствіемъ осмотрѣлъ исправно работавшіе вентиляторы, пять гирь отъ одного до пяти фунтовъ, двѣ парты, приспособленія для гимнастики, ввинченныя въ раму двери, и пришелъ въ полный восторгъ.

— Замѣчательная дѣтская! — сказалъ онъ наконецъ ожидавшему похвалъ Мельникову. — Очень замѣчательная. А позвольте узнать, какое вліяніе имѣетъ эта дѣтская на вашихъ прелестныхъ дѣтей? — спросилъ онъ, взявъ себя за подбородокъ и дѣлая значительное лицо.

— Очень благотворное, любезный Леонъ, — отвѣтилъ Мельниковъ. — Подчеркиваю и «очень» и «благотворное», — а, впрочемъ, судите сами.

Онъ взялъ поочередно за подбородки Олю, Марію, Мишеля и Пьера. Леонъ почтительно, но съ важнымъ видомъ слѣдилъ за его дѣйствіями.

— Вѣдь всѣ молодцы, неправда ли, любезный Леонъ, поглядите-ка на нихъ еще разъ.

Леонъ поглядѣлъ еще разъ и сказалъ съ убѣжденіемъ.

— Молодцы, уважаемый Григорій Александровичъ, сомнѣваться не въ чемъ.

— Такъ! А не хотите ли теперь познакомиться съ ними нѣсколько поближе? Предметъ заслуживаетъ этого.

— Какъ же можетъ быть иначе? — быстро отвѣтилъ Леонъ. — Я и «именно» и «очень» хочу. Я всегда любилъ дѣтей!

— Я этого ожидалъ отъ васъ... Вотъ, на примѣръ, старшая — Оля, которой минуло десять лѣтъ. Описать ее очень легко, — медленно началъ онъ. — Это прелестная блондинка, съ короткой, но пышной и толстой косой, — говорилъ онъ, оглядывая части, которыя описывалъ, — съ хорошо развитой грудной клѣткой,

благодаря шведской гимнастикѣ, и съ прекрасными сине-сѣрыми глазами. Очень вдумчивая, сосредоточенная, но со скрытымъ лиризмомъ. Пойдетъ по медицинѣ...

— У нея будетъ большая медицинская практика, — съ убѣжденіемъ сказалъ Леонъ, изо всѣхъ силъ любясь дѣвочкой.

— О, несомнѣнно, любезный Леонъ, объ этомъ я уже позабочусь, — произнесъ Мельниковъ, съ удовольствіемъ оглядѣвъ Олю, Марію, Мишеля и Пьера. — Если пожелать описать вторую, Марію, — продолжалъ онъ, — родившуюся послѣ Мишеля и передъ Пьеромъ, то я бы началъ съ того, что это — тихая, на иной взглядъ крохотная дѣвочка, съ глубокими, пронизывающими васъ глазами и съ поразительно изящными руками. Грудная клѣтка еще слабо развита, но несомнѣнно разовьется, благодаря шведской гимнастикѣ. Играетъ недурно на скрипкѣ. Но безъ сожалѣнія скажу, что изъ нея лишь выйдетъ добрая мать семейства.

— Очаровательная дѣвочка! — похвалилъ Леонъ, снова осмотрѣвъ внимательно Марію. — Вы правы. Это проскальзываетъ у нея въ глазкахъ, а сразу я, было, не замѣтилъ.

Мельниковъ наклонилъ голову, терпѣливо выслушалъ Леона и продолжалъ:

— Если попытаться описать Мишеля, который родился послѣ Оли и передъ Маріей, то раньше всего бросается въ глаза его лицо, довольно спокойнаго рубинштейновскаго типа, съ нѣскольکو оттопыренными ушами, что со временемъ, конечно, пройдетъ. Грудная клѣтка и оба бицепса богато развиты благодаря шведской гимнастикѣ. Ручные пальцы необыкновенно длинные, подчеркиваю «ручные». Это — будущій піанистъ.

— Прекрасный мальчикъ, — опять похвалилъ Леонъ, дружески улыбнувшись Мишелю. — Чудо-мальчикъ! Но, позвольте, уважаемый Григорій Александровичъ, спросить васъ, почему вы знаете, что онъ будетъ піанистъ? — сказалъ онъ, дѣлая опять значительное лицо.

— Любезный Леонъ, если я говорю, то имѣю на это достаточно оснований. Между прочимъ, обратите вниманіе, — тутъ онъ взялъ руку Мишеля и отдѣлилъ на ней средній палець, — на этотъ размѣръ. Палець, какъ видите, необычайно длинный. Я слыхалъ, что только у Рубинштейна въ дѣтствѣ были такіе пальцы.

— Дѣйствительно необыкновенный палець, — согласился Леонъ, какъ бы сдаваясь очевидности. — Я знавалъ юношу, сейчасъ онъ кончаетъ петербургскую консерваторію... «Не дастъ, подлець, соврать», подумалъ онъ... — у котораго были точь-въ-точь такіе же пальцы. Въ дѣтствѣ ему предсказывали...

— И, наконецъ, — не слушая, продолжалъ Мельниковъ, — вотъ Пьеръ, мой любимецъ, подчеркиваю «Пьеръ», родившійся послѣ Маріи. Шесть лѣтъ. Очень одухотворенное лицо, большое воображеніе. Въ будущемъ, вѣроятно, писатель. Подойди, Пьеро, я тебя поцѣлую.

— Неужели! — съ неподобно разыграннымъ удивленіемъ воскликнулъ Леонъ, между тѣмъ какъ Пьеръ подошелъ къ папашѣ и потянулся къ нему. — Позвольте же мнѣ расцѣловать его за это! Но сколько въ васъ мудрой проницательности, если вы уже теперь угадали въ немъ будущаго писателя. Безъ лести скажу, что я пораженъ.

— Конечно, это можетъ быть и проблематично, но увѣряю васъ, ужъ совсѣмъ не трудно было догадаться. Къ тому же я имѣю на то нѣкоторыя вѣскія и солидныя доказательства. Во-первыхъ, одухотворенное лицо, во-вторыхъ, замѣчательное воображеніе и, наконецъ, самое главное, чему я придаю наибольшую цѣну, это его знаменитая, феноменальная память. Дѣло въ томъ, любезный Леонъ, пользуюсь кстати случаемъ рассказать вамъ, — что я написалъ книгу, правда, небольшую, но очень цѣнную. Книга эта есть, я бы сказалъ, итогъ моихъ долготѣнныхъ размышленій надъ жизнью. Назвалъ я ее: «Катехизисъ челоуѣка, или правила поведенія, ведущія къ спокойному, счастли-

вому и долготѣнному существованію». Очень полезная книга, несомнѣнно настольная, и надѣюсь, что она сдѣлается настольной у всѣхъ. И вотъ эту-то книгу, со всѣми отдѣлами и подѣлами, главами и параграфами, мой Пьеро уже знаетъ почти безукоризненно на память. Ну, развѣ же такой фактъ не доказываетъ... и онъ не закончилъ фразы.

— И вѣрно, и поразительно, и неслыханно, — проговорилъ Леонъ, чтобы сразу отхвалить и Мельникова, и память, и ребенка.

— Не хотите ли, любезный Леонъ, убѣдиться въ моихъ словахъ?

— О, я вамъ вѣрю, вѣрю, — воскликнулъ Леонъ. — Не безпокойтесь, ради Бога!

«Замучаетъ меня, подлецъ»... наскоро подумалъ онъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это надо послушать... Оленька, — спросилъ онъ чуть игриво, — что ты, напримѣръ, знаешь о правилахъ поведенія при встрѣчѣ съ нищимъ? «Катехизисъ человѣка», параграфъ второй!

Онъ приблизилъ къ себѣ Леона и сжалъ его руку у локтя. Леонъ успокоительно кивнулъ головой, какъ бы говоря: «слѣжу внимательно».

— Нищему, — отвѣтила Оля красивымъ контральтовымъ голосомъ, — должно подавать не больше одной копѣйки... — и замолкла.

— Ты не кончила, Оленька, — сказалъ Мельниковъ и опять сжалъ локоть Леона.

— Я, папа, дальше не помню.

— А ты? — обратился Мельниковъ къ Мишелю. — Вы видите, Леонъ, никто не знаетъ. Спросимъ Пьера. Пьеръ!

— Если, дѣйствительно, убѣдишься, что онъ нищій, — бойко отвѣтилъ Пьеръ.

— Ну, что я вамъ говорилъ? — съ торжествомъ спросилъ Мельниковъ у Леона.

— Необычайно! — согласился тотъ съ жаромъ, прямо какое-то чудо. Но какое удивительное мудрое правило. Позвольте мнѣ его записать.

— Зачѣмъ? Я вѣдь вамъ подарю весь «Катехизисъ челоуѣка», любезный Леонъ. Дѣти, параграфъ третій этого правила? Кто знаетъ? Никто? Тогда скажите, Пьеро!

Онъ склонилъ голову на бокъ и приготовился съ удовольствіемъ слушать. Леонъ тоже склонилъ голову на бокъ.

— Параграфъ третій, — очень бойко сказалъ Пьеръ: «но отнюдь не больше одного раза въ день, ибо копѣйка въ день это 365 въ годъ, а въ столѣтъ 365 рублей».

— Вы слышали? — скромно спросилъ Мельниковъ Леона и опять крѣпко сжалъ его локоть.

— Bravo, bravo! — съ порывомъ крикнулъ Леонъ. — Но что за правило! Прелесть, какое правило! А не находите ли вы, что мы очень беспокоимъ дѣтей? — осторожно спросилъ онъ. Миѣ кажется, что они устали.

— Да, нѣтъ же, они совсѣмъ не устали, любезный Леонъ. Дѣти, вы устали?

— Нѣтъ, папочка, — крикнули всѣ хоромъ. — Спросите еще!..

— Вотъ видите, — съ торжествомъ сказалъ Мельниковъ, — дѣти очень любятъ мой «катехизисъ».

— Но я боюсь, что уже надоѣлъ вамъ, — произнесъ Леонъ. — Позвольте пожелать...

— Нѣтъ, нѣтъ, — запротестовалъ Мельниковъ и вынулъ изъ кармана часы. — Я не отпущу васъ безъ обѣда. Я задамъ лишь еще одинъ вопросикъ Пьеру. Мы обѣдаемъ ровно въ шесть часовъ, и въ нашемъ распоряженіи есть еще три минуты. Скажи Пьеро, какъ надо вести себя, когда мамà и папà уходятъ въ театръ?

— Если папà и мамà ушли въ театръ, — началъ Пьеръ, — то надо избѣгать всего, что угрожаетъ нашей жизни, а именно: не брать въ руки спичекъ, не подходить къ лампѣ, не высовываться изъ оконъ, не выходить на балконъ. Необходимо часто нюхать воздухъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли угара въ комнатѣ...

— Роскошь! роскошь! — чувствуя, что надо заорать отъ восторга, крикнулъ Леонъ. — Боже мой, какой вы

заботливый отецъ! Позвольте мнѣ пожать вамъ руку отъ всего сердца.

— Вы убѣдились, Леонъ? О, вы еще многому научитесь у меня! Ну, да объ этомъ въ другой разъ. А теперь пойдете обѣдать. У насъ осталось лишь сорокъ секундъ. Поспѣшимъ, поспѣшимъ...

Онъ ласково обнялъ Леона за талию, открылъ дверь въ кабинетъ и, взглянувъ на часы, озабоченно сказалъ.

— Осталось еще пять секундъ. Сдѣлаемъ нѣсколько шаговъ. Теперь можно.

Послышался бой нѣсколькихъ паръ стѣнныхъ часовъ... Мельниковъ торжественно открылъ дверь и, проговоривъ «пожалуйста», вступилъ въ столовую...

Рѣзкій свѣтъ электричества на мигъ ослѣпилъ Леона. Когда онъ сталъ различать ясно, то замѣтилъ людей, двигавшихся по тремъ направлениямъ къ столу. Оля, Марія, Мишель и Пьеръ шли отъ дверей слѣва, Юлія справа съ блюдомъ въ рукахъ, а въ дверяхъ напротивъ показалась госпожа Мельникова въ бѣлоснѣжномъ платьѣ, перетянутаго у талии ярко-краснымъ бантомъ. Такая же ярко-красная роза съ дрожащими въ лепесткахъ каплями воды была приколота къ ея волосамъ.

«О, какъ она хороша!» пронеслось у Леона. «Дома она еще прелестнѣе, чѣмъ на улицѣ».

— Мама, — произнесъ Мельниковъ, подойдя къ женѣ и нѣжно цѣлуя ее въ руку нѣсколько разъ, — познакомься съ отличнымъ молодымъ человѣкомъ Леономъ Дреемъ, о которомъ я тебѣ рассказывалъ. Ничего, кромѣ удовольствія, онъ доставить не можетъ. Любезный Леонъ, — моя жена...

Мама быстро вскинула на Леона свои удивительные сѣрые глаза, покраснѣла, какъ дѣвочка, и чуть-чуть наклонила голову. Леонъ же, горя желаніемъ показать всѣ свои превосходныя статьи: усы, чудную

шею, прелестный галстухъ, англійскую сорочку, красоту фигуры, выпятилъ грудь, какъ могъ больше, нѣсколько приподнялъ голову и посмотрѣлъ на нее взглядомъ, который долженъ былъ сразу плѣнить ее. Затѣмъ, какъ бы не вынося близко дѣйствія ея красоты, онъ опустилъ голову и слегка повернулъ ее въ сторону... Такимъ образомъ онъ и поклонился, и далъ возможность полюбоваться своимъ чуднымъ профилемъ.

Мельниковъ, насладившись Леономъ въ этой короткой, молчаливой сценѣ, сдѣлалъ Юліи знакъ глазами и, аппетитно прицелкнувъ языкомъ, широкимъ, громкимъ голосомъ сказалъ:

— За столъ, господа, за столъ!..

Первой сѣла мамá... Напротивъ нея въ другомъ концѣ стола устроились дѣти. Мельниковъ поцѣловалъ снова обѣ руки у жены и опустился на стулъ рядомъ съ ней. Леонъ скромно усѣлся слѣва.

«Хорошо здѣсь», думалъ онъ, держа руки подъ столомъ и изрѣдка взглядывая на госпожу Мельникову. «Какая роскошная женщина! Что за станъ, что за бѣлизна лица, какіе удивительные глаза! И все это, и богатство, что кругомъ меня, и чудная жена достались одному толстому человѣку! За что, Боже мой, за что? Развѣ я не лучше его во всѣхъ смыслахъ? Развѣ я не умнѣе, не красивѣе, не энергичнѣе? Между тѣмъ онъ счастливецъ, а я долженъ льстить ему... подчиняться каждой прихоти, выслушивать непременно съ восторгомъ всякую чепуху его. Но я отомщу! Подожди, мерзавецъ! Богъ любитъ своего Леона. Онъ дастъ мнѣ во сто разъ больше того, что у тебя есть. Онъ подаритъ мнѣ твою жену».

Развеселившись отъ этихъ мыслей, онъ протянулъ руку за яйцомъ въ смятку, на которое Мельниковъ указывалъ ему ложечкой, и изящнымъ жестомъ сталъ срѣзывать ножомъ верхній край скорлупы. Мамá въ это время дѣлала то же самое. Леонъ нечаянно взглянулъ на нее и замеръ отъ восторга, столь прелестной

она показалась ему. Откинувъ мизинецъ въ сторону, она деликатно постукивала маленькимъ ножомъ по скорлупѣ. Головку она слегка склонила набокъ, чуть-чуть приподняла брови, опустила длинныя рѣсницы...

«Красавица, цѣлую тебя въ губки», подумалъ Леонъ, погружая, наконецъ, ложечку въ яйцо, «въ шейку... въ...»

— Что вы дѣлаете, милый Леонъ,—воскликнулъ вдругъ Мельниковъ испуганнымъ голосомъ.

Леонъ отъ неожиданности чуть не выронилъ яйца изъ рукъ.

«Не совершилъ ли я какой-нибудь глупости?» всполошился онъ, «не сломалъ ли чего-нибудь, не опрокинулъ ли?»..

— Мама,—удивленно говорилъ между тѣмъ Мельниковъ,—погляди-ка, что этотъ наивный Леонъ дѣлаетъ!

— Кажется... кажется...—бормоталъ Леонъ, оглядываясь,—я... ничего не сдѣлалъ...

— Онъ ничего не сдѣлалъ!—расхохотался Мельниковъ. Но гдѣ же вы видѣли, любезный Леонъ, чтобы яйцо въ смятку, подчеркиваю «яйцо», ѣли, не вложивъ предварительно въ него сливочнаго масла?

— Ты его испугалъ,—тихо сказала мама, мелькомъ взглянувъ на Леона.

«Ужасно я испугался», подумалъ Леонъ! «Однако покраснѣемъ,—это понравится»... и задержалъ дыханіе.

— Онъ покраснѣлъ!—воскликнулъ Мельниковъ. До чего же онъ невиненъ! Берите, любезный Леонъ, масла. Не стѣсняйтесь! Яйцо въ смятку безъ масла то же, что опрѣсноки. Природа не создаетъ совершенствъ, природу необходимо, подчеркиваю «необходимо», исправлять.

— Ахъ, какъ вкусно!—одобрилъ Леонъ, когда сдѣлалъ по совѣту Мельникова.—Удивительно! Я еще попробую...

— Сливочное масло очень питательно и полезно,—внушительно прибавилъ Мельниковъ, взглянувъ мелькомъ на Леона.

— Дѣйствительно,—согласился Леонъ,—сливочное масло очень интересно. Но есть и другіе... продукты... которые не уступаютъ ему въ питательности и пріятности.

— Напримѣръ?—строго спросилъ Мельниковъ, страстно вращая отъ наслажденія глазами.—Напримѣръ?..

Онъ пересталъ на мигъ двигать челюстями.

— Куриное сало...—скромно объявилъ Леонъ.

— Вздоръ...—безапелляціонно рѣшилъ Мельниковъ, заработавъ снова челюстями и взялся за четвертое яйцо.

Между тѣмъ принесли большую вазу съ бульономъ, пирожки, вареное мясо, салатъ... Мельниковъ крикнулъ отъ удовольствія и подаль женѣ тарелку. Она съ улыбкой зачерпнула бульонъ изъ вазы и при этомъ невольно обнажила по локоть свою руку ослѣпительной бѣлизны и очаровательной округленности. Леонъ сталъ пожирать глазами эту руку, но, пожирая, зорко слѣдилъ за взглядомъ Мельникова.

«О, если бы я уже могъ коснуться тебя губами», думалъ онъ, почтительно передавая ей тарелку. «Почему, чертъ возьми, ты принадлежишь ему? Жалѣю о тебѣ... Вѣрь своему Леону,—онъ вырветъ тебя изъ его рукъ»...

За бульономъ послѣдовала рыба въ сметанѣ съ грибочками и горошкомъ, потомъ ростбифъ съ превосходнымъ гарниромъ, который Леонъ мысленно одобрилъ. Мельниковъ раскраснѣлся и не отрывалъ глазъ отъ тарелки. Отвѣдавъ ростбифа, онъ не выдержалъ и разстегнулъ нижнія пуговицы отъ жилетки. Тѣлъ онъ быстро, торопливо, точно боялся, что у него отнимутъ блюдо, и жадно уплеталъ кусокъ за кускомъ. Леонъ не отставалъ отъ него, уничтожалъ много хлѣба, запивалъ виномъ и, наконецъ, охмѣлѣвъ отъ наслажденія, осторожно сталъ продвигать подъ столомъ свою ногу впередъ.

«Сейчасъ я коснусь ея», думалъ онъ. «Извинюсь, если нужно будетъ... Ага, тронулъ!»

Мама незамѣтно вздрогнула, удивленно взглянула на Леона и покраснѣла, какъ дѣвочка.

«Милая моя», думалъ онъ, лицемѣрно опустивъ глаза, «ты будешь моей. Увѣряю тебя, что черезъ два мѣсяца ты станешь искать свиданія со мной».

— Удивительный компотъ,—похвалилъ онъ вслухъ, что за чудный аромать!

— Этотъ аромать,—секретъ нашей кухарки,—сказала мама, опять отодвигая ногу и чуть испуганно глядя на Леона.

«Нѣтъ, мнѣ это показалось», быстро подумала она.

— Мама,—добродушно произнесъ Мельниковъ, поцѣловавъ у нея руку,—не рассказать ли намъ Леону секретъ Аннушки? Онъ такъ милъ! Посмотри, онъ опять покраснѣлъ.

— Какъ хочешь,—мило улыбаясь, отвѣтила госпожа Мельникова.

— О, уважаемый господинъ Мельниковъ, то есть, Григорій Александровичъ!—воскликнулъ тутъ Леонъ, положивъ красиво руку на грудь,—я совсѣмъ не достоинъ вашихъ похвалъ. У меня навертываются слезы на глаза, когда подумаю, въ какой семьѣ я нахожусь, какіе люди меня окружаютъ и съ кѣмъ я удостоился сегодня пообѣдать. Ваша уважаемая супруга, ваши очаровательныя дѣти, вы сами... Нѣтъ, позвольте мнѣ не сказать всего, что я думаю.

Обоимъ очень понравились эти слова, тѣмъ болѣе, что каждый явственно замѣтилъ слезы въ глазахъ Леона. Папа и мама переглянулись. Мама предложила Леону еще компоту, а Григорій Александровичъ, начавъ рассказъ о секретѣ кухарки Аннушки, обращался только къ нему. Леонъ немедленно сдѣлалъ очень внимательное лицо... Мельниковъ не полѣнился и, со свойственной ему обстоятельностью и методичностью, описалъ внѣшній видъ Аннушки, разобралъ со всѣхъ сторонъ вопросъ объ изобрѣтеніяхъ вообще и объ изобрѣтеніи кухарки въ частности, подчеркнул «кухарки» и, наконецъ, перешелъ къ самому секрету.

Уже подали мороженое съ бисквитами, а онъ все говорилъ, кругло, плавно, звучно, какъ на судѣ. Леонъ слушалъ его однимъ ухомъ и, кивая восторженно головой кстати и некстати,—думалъ про себя:

«Ногами я поработалъ достаточно. Теперь, когда мы встанемъ, я непременно толкну ее какъ-нибудь въ грудь. Конечно, очень осторожно, очень нѣжно, но толкну. Отъ этого, мамâ, ты не увернешься. Вы, женщины, вѣдь любите нахаловъ».

— Да, да,—говорилъ онъ громко,—я пораженъ. Удивительная кухарка! Симфонія сироповъ! И додумалась безъ чужой помощи! Поразительная умница. А мороженое прекрасно. Чудесное мороженое!

— Ше-девр! — похвалилъ Мельниковъ. — Кофе, мамâ, прикажи принести въ кабинетъ. У меня осталось всего десять минутъ свободного времени. Поторопи Аннушку...

Всѣ встали. Мельниковъ поцѣловалъ у жены обѣ руки и сказалъ:

— Мерси, мамâ, за обѣдъ. Очень, очень вкусно...

Леонъ почтительно подождалъ своей очереди и, когда она наступила, подошелъ къ мамâ, и красиво, галантно поблагодарилъ ее. Мельникову онъ безъ словъ крѣпко пожалъ руку.

— Хорошо, хорошо,—промолвилъ тотъ, приходите къ намъ почаще обѣдать.

Онъ пошелъ впередъ, за нимъ мамâ, а Леонъ замыкалъ шествіе. Сзади мама казалась ему еще обольстительнѣе. Чуть открытая шея ослѣпительной бѣлизны, выгнутая назадъ спина, красный бантъ и въ особенности высокіе, правильной округленности бока совсѣмъ отуманили его.

«Непредмѣнно у дверей какъ-нибудь толкну ее», мечталъ онъ. «Ахъ, какъ она мнѣ нравится! Съ какимъ наслажденіемъ я прижалъ бы ее къ себѣ! Мамочка, цыпочка!»

Мамâ шла медленно, довѣрчиво поворачивая голову то вправо, то влево.

«И такъ я хороша, и такъ хороша, но не твоя»... казалось, говорила она.

«Сейчасъ, сейчасъ, милая», думалъ Леонъ.

У дверей онъ очутился рядомъ съ ней и, сдѣлавъ видъ, что хочетъ почтительно пропустить ее впередъ, вдругъ неожиданно повернулся и отчетливо коснулся ея груди... Опустилъ глаза... Она испуганно остановилась и взглянула на него. Густая краска залила ея щеки...

«Но онъ стоитъ спокойно», быстро мелькнуло у нея. «Кажется даже не замѣтилъ! Вѣроятно, ничего не замѣтилъ, не обратилъ вниманія! Можетъ быть, даже и не почувствовалъ, что толкнулъ ее», быстро, быстро думала она. «Надо сдѣлать видъ, что и я ничего не замѣтила».

И гордо вскинувъ плечами, она прошла въ кабинетъ.

«У тебя горять уши, прелестная», говорилъ себѣ Леонъ, слѣдуя за ней. «Какъ бы я хотѣлъ знать, о чемъ ты теперь думаешь, моя будущая любовница! Но я заставлю тебя рассказать объ этомъ, когда ты будешь моей».

Довольный своей удачей и почти чувствуя себя здѣсь хозяиномъ, онъ съ удовольствіемъ осматривалъ роскошный кабинетъ и съ полнымъ одобреніемъ прочиталъ единственную надпись, украшавшую стѣну:

«Если вы пришли къ занятому человѣку, то кончайте скорѣе ваше дѣло и уходите».

— Эта надпись, уважаемый господинъ Мельниковъ,—тонко сказалъ Леонъ,—не требуетъ разъясненія. Простите, что я засидѣлся.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный Леонъ, васъ она не касается. Выпейте спокойно свое кофе. Очень жалѣю, что у меня нѣтъ свободнаго времени, иначе вы бы еще сегодня познакомились съ исторіей моей жизни. Но не приходите въ отчаяніе, мы это наверстаемъ завтра.

— Конечно, конечно,—отвѣтилъ Леонъ, быстро допивая кофе изъ чашечки.

— Мама, — обратился Мельниковъ къ женѣ, — ты ничего не имѣешь противъ, если я приглашу Леона притти къ намъ завтра? Кстати, у меня завтра и свободный вечеръ.

Мама мечтательно задумалась и черезъ минуту сказала:

— Нѣтъ, ничего...

— Тогда завтра, любезный Леонъ, — прознесъ Мельниковъ, допивая свое кофе однимъ глоткомъ.

Леонъ уже стоялъ, выпитивъ грудь, руки по швамъ и низко кланялся. На лицѣ онъ написалъ: «страдаю!»

— Въ которомъ часу вы разрѣшите мнѣ явиться? — спросилъ онъ ласково-грустно.

— Приходите попозже, часовъ въ девять, — отвѣтилъ Мельниковъ. — Мы устроимся учень удобно, спокойно и за чашкой чаю я расскажу эту, чрезвычайно полезную для васъ, подчеркиваю «чрезвычайно», исторію моей жизни.

— Съ нетерпѣніемъ буду ждать завтрашняго дня, — сказалъ Леонъ, идя къ мамѣ съ протянутой рукой и оглядываясь въ полуоборотъ на Мельникова. — Приду ровно въ девять часовъ вечера... — Позвольте мнѣ поблагодарить васъ, уважаемая госпожа Мельникова за все, за все, — съ чувствомъ говорилъ онъ, трепетно пожимая ей руку, — за прекрасныхъ дѣтей, за чудный обѣдъ, за все, за все, — повторялъ онъ, заглядывая ей въ глаза. — Никогда не забуду этого счастливаго дня.

— Насъ не за что благодарить, — отвѣтила мама, опустивъ глаза.

Мельниковъ ждалъ своей очереди и уже приготовилъ обычное въ такихъ случаяхъ выраженіе на лицѣ.

— До свиданья, до свиданья, — нѣсколько въ носъ и вдругъ озабоченно сказалъ онъ, когда Леонъ подалъ ему руку. — До завтра.

— Позвольте мнѣ, многоуважаемый господинъ Мельниковъ, поблагодарить и васъ отъ всего сердца. Я уже многому успѣлъ научиться здѣсь. Вы настоящій

отецъ, вы семьянинъ! И гдѣ найти людей, равныхъ вамъ? Я такъ полюбилъ этотъ домъ... — сорвалось у него, какъ невольное признаніе...

— До свиданья, до свиданья...

Онъ опустилъ руки по швамъ и отвѣсилъ граціозный общій поклонъ.

— Прощайте, — выговорилъ Мельниковъ и позволилъ...

— Какъ тебѣ, мамá, понравился этотъ молодой человѣкъ?

— Онъ показался мнѣ слишкомъ красивымъ! Но... очень любезный. Воспитанъ...

— Удивительный молодой человѣкъ! Я его сразу оцѣнилъ. Мы, физиономисты... У меня еще осталось двѣ минуты свободныхъ, — сказалъ онъ вдругъ, взглянувъ на часы. — Какая скромность! Отвѣты осмысленны. Непремѣнно займусь его судьбой.

— Я очень люблю тебя, когда ты увлекаешься, — промолвила мамá, подходя къ нему и краснѣя, какъ дѣвочка.

— Мы пригласимъ его на нашъ вечеръ. Онъ очаруетъ всѣхъ. Увѣренъ, что не только дамы, но и мужчины будутъ отъ него въ восторгѣ. Познакомлю его съ Гагеномъ. Какъ ты думаешь, сдержитъ ли Гагенъ свое обѣщаніе?

— Какъ ты думаешь?

— Вѣроятно, сдержитъ. Наконецъ-то, мы увидимъ его у себя... Ты у меня красавица, — сказалъ онъ неожиданно шаловливо и потрепалъ ее по щекѣ. — Дуся, — заговорилъ онъ, какъ ребенокъ, — нагнись къ своему папá...

Она нагнулась и оба сладко поцѣловались.

— Еще, — попросилъ онъ.

Они опять звучно поцѣловались.

— Ну, ступай, милая... Сяду работать... Хорошій, хорошій, молодой человѣкъ, — повторилъ онъ еще разъ, выдвинувъ изъ стола ящикъ и вынимая «дѣло».

Но мамá уже не слышала. Она безшумно выскользнула изъ комнаты...

Въ столовой потушили электричество и перешли въ кабинетъ. Это было на слѣдующій день. Леона приняли еще радушнѣе, проще, словно стараго, давнишняго знакомаго. Мельниковъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями, подчеркнулъ два раза, что доволенъ снова видѣть у себя любезнаго Леона, мамá пріятно улыбнулась, и сейчасъ же пошли къ столу. Мельниковъ былъ въ шелковомъ халатѣ попугайнаго голубого цвѣта съ короткими широкими рукавами. Подпоясанный шнуркомъ такого же цвѣта съ кисточками, онъ, въ своей бородѣ и медленными солидными движеніями походилъ на патріарха. Мамá, въ прелестномъ розовомъ пеньюарѣ, съ кружевами, съ открытой шеей и оголенными руками, причесанная à la Меродъ, и удивительными сѣрыми глазами, казалась сегодня Леону еще лучше, еще прекраснѣе...

Ужинъ былъ превосходный, тонкій, съ икрой и семгой, съ какимъ-то виномъ, необыкновенно пріятнымъ на вкусъ, которое пили изъ зеленыхъ бокальчиковъ, съ дичью и вареньемъ. Но главное удовольствіе предстояло впереди, то-есть въ кабинетѣ, въ уютной обстановкѣ и въ условіяхъ абсолютной тишины: такъ общалъ Мельниковъ.

Леонъ гордо слѣдовалъ сзади за супругами. Вѣдь онъ ихъ уже держитъ въ рукахъ. Въ сущности, ему теперь наплевать на обоихъ... Правда мамá ему нравится. Ну, что же, она вѣдь будетъ его любовницей... А сколько денегъ онъ вытянетъ у нея! Заставитъ ее снять для него шикарную комнату для свиданій. Она ему купить бархатную куртку... Какъ хорошо, что онъ, а не другой есть Леонъ Дрей!..

Въ кабинетѣ мамá оставила руку папá, подошла къ окну и, отдернувъ занавѣсъ, мечтательно заглядѣлась на уличные огни. Леонъ почтительно усѣлся въ большое,

обитое темной кожей кресло, а папа подошелъ къ мамѣ и легонько, нѣжно положилъ руку на ея плечо. Всѣ были чуточку возбуждены, чуточку пьяны отъ вина и сейчасъ казалось возможнымъ многое, что обыкновенно не дѣлается.

— Какой дивный вечеръ, — сказала мамѣ томно. — Посмотри, папа, на огни... Небо точно изъ свѣтлосиняго бархата и звѣзды на немъ, какъ заблудившіеся барашки...

— Да, небо очень красиво, — согласился папа, бросивъ величественный взглядъ въ окно, и зашуршалъ халатомъ.

— Я тоже очень люблю небо, — скромно вмѣшался въ разговоръ Леонъ. — Я вообще люблю природу, какъ мать, — вдругъ объявилъ онъ.

— Природу всячески можно любить, — наставительно отозвался Мельниковъ.

— Это бархатное небо, — сказала мамѣ, взявъ въ свои руки полную, рыхлую руку папа, — напоминаетъ мнѣ такъ много... — она вздохнула, — помнишь?..

— Да, я помню, — отвѣтилъ Мельниковъ, многозначительно сжавъ ей руку.

Послѣ этого онъ звучнымъ, взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Какъ пріятно, любезный Леонъ, послѣ дневныхъ тревогъ и послѣ тонкаго ужина очутиться въ своемъ кабинетѣ, въ кругу родныхъ и пріятныхъ людей. Никто не потревожитъ нашей бесѣды, не надо быть насторожѣ... Дѣти мирно спятъ...

— Я такъ жажду услышать исторію вашей жизни, — съ жаромъ промолвилъ Леонъ.

— Я еще не кончилъ, — замѣтилъ Мельниковъ.

— Онъ еще не кончилъ, — повторила мамѣ и посмотрѣла на Леона съ легкимъ упрекомъ.

Леонъ стыдливо опустилъ глаза. Мамѣ покраснѣла. Мельниковъ, подождавъ немного, продолжалъ:

— ...Среди ящичковъ письменнаго стола, въ которомъ хранятся дѣловые бумаги, есть одинъ, наполнен-

ный вещицами, которыми помимо гонорара, любить одарять меня, подчеркиваю «любить», мои кліенты. Тамъ имѣются разнаго рода перочинные ножички съ перламутровыми спинками, кинжалы, прессъ-папье изъ чернаго, желтаго и другихъ гладкихъ камней, компасы и т. п. Между прочимъ, есть и коробка настоящихъ гаванскихъ сигаръ. Сигары эти подарилъ мнѣ одинъ негръ, котораго я избавилъ отъ довольно неприятнаго наказанія, грозившаго ему за некрасивую продѣлку съ дѣвушкой. Минуя детали этой болѣе забавной, чѣмъ трагической исторіи, я остановлюсь только на сигарахъ, любезный Леонъ. Что если бы мамá разрѣшила намъ выкурить по одной?

— Я разрѣшаю, — съ милой улыбкой произнесла мамá.

— Ужели я удостоюсь выкурить настоящую гаванскую сигару? — изобразивъ счастье на лицѣ, воскликнулъ Леонъ.

— Да, вы выкурите настоящую гаванскую сигару, — подтвердилъ Мельниковъ, — и съ ней въ зубахъ — вы прослушаете исторію моей жизни.

Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана связку ключей и подошелъ къ письменному столу. Мамá сѣла въ кресло противъ Леона... Тотъ сейчасъ же коварно опустилъ глаза.

«Надо сказать ей что-нибудь лестное», подумалъ онъ. «Ахъ, если бы этого толстяка не было здѣсь!»

— Надѣюсь, я вамъ не былъ въ тягость? — спросилъ онъ, дѣлая томные глаза.

— О, нѣтъ, — быстро краснѣя, отвѣтила мамá.

Онъ сдѣлалъ маленькую паузу.

— Надѣюсь... что завтра будетъ прекрасный день?

— Вѣроятно... — согласилась мамá, снова краснѣя.

— Надѣюсь... что вы любите театръ, — продолжалъ Леонъ, рѣшительно не зная, что сказать ей въ присутствіи мужа и думая лишь о томъ, какъ хорошо было бы обнять ее, посадить къ себѣ на колѣни...

— О, да, — отвѣтила мамá быстро.

Послѣ этого Леонъ замолчалъ и сталъ глазами

краснорѣчиво рассказывать ей, какъ она ему нравится вся, съ ея чудными руками, съ шеей и какъ хорошо и сладко онъ бы ее цѣловаль... Мельниковъ между тѣмъ уже вскрыль коробку, досталь двѣ гаванны и методически подрѣзалъ концы перочиннымъ ножичкомъ.

— Вотъ, — мягко сказалъ онъ, подходя къ Леону и предлагая ему сигару, — закурите. Старайтесь лишь зажечь ее не у периферіи, а въ центрѣ, подчеркиваю... Это очень важное обстоятельство, которое совѣтую не упустить изъ виду. Впрочемъ, я вамъ самъ подамъ огня.

Онъ зажегъ спичку, а Леонъ почтительно всталъ и нагнулся къ его рукѣ.

— Огонь охватилъ центръ и медленно переходитъ къ периферіи, — объявилъ Мельниковъ.

Леонъ съ похвалой и благодарностью отозвался объ этомъ обстоятельствѣ и, хотя ничего особеннаго не почувствовалъ отъ сигары, однако, сказалъ съ видомъ знатока, выпустивъ дымъ изъ ноздрей:

— Прекрасный дымъ, многоуважаемый Григорій Александровичъ!

— Прекрасная гаванна! — подтвердилъ Мельниковъ и сѣлъ рядомъ съ мамá.

— Прекрасный ароматъ... — проронила мамá, задумчиво слѣдя за голубыми кольцами, уходившими къ потолку.

— Удивительная сигара, — еще разъ похвалилъ Леонъ... — А позвольте узнать, Григорій Александровичъ, какая ей цѣна?

— Два рубля штука, — лукаво подмигнувъ глазомъ, отвѣтилъ Мельниковъ.

— Боже мой! — ужаснулся Леонъ и, чтобы еще лучше выразить свое изумленіе, подскочилъ отъ испуга. — Уважаемый Григорій Александровичъ, но... но тогда я сжигаю двухрублевую кредитную бумажку?

— Да, — холодно сказалъ Мельниковъ, которому ужась Леона доставлялъ огромное наслажденіе.

— Значить... позвольте... значить, каждый разъ, когда я вбираю въ себя глотокъ этого прекраснаго дыма, я уничтожаю копѣекъ двадцать, если перевести на деньги?

— Совершенно вѣрно, — согласился Мельниковъ. — Въ этомъ, любезный Леонъ, и заключается наслажденіе жизнью.

— Если такъ, — сказалъ Леонъ, — то, простите, я отказываюсь курить... Прошу васъ, возьмите у меня эту разорительную сигару. Я не имѣю права быть столь расточительнымъ.

— Мама, — съ удовольствіемъ произнесъ Мельниковъ, — какой славный нашъ милый Леонъ. Какъ онъ щадитъ чужое добро. Это великолѣпная черта, которая, однако, для меня не была тайной... Очень, очень одобряю васъ, Леонъ. Но, курите спокойно, вѣдь сигары не мои, а подарокъ негра...

Только одно упоминаніе о негрѣ могло успокоить совѣсть Леона. Онъ такъ и сообщилъ обоимъ и взялъ сигару въ ротъ. Наступило короткое молчаніе. Мельниковъ курилъ съ величавымъ спокойствіемъ и окружилъ себя облаками дыма. Леонъ больше попыхивалъ и съ удовольствіемъ забросилъ бы свою сигару куда-нибудь въ уголь, если бы ему позволили. Атмосфера вокругъ него, какъ будто охлаждалась. Со свойственнымъ ему чутьемъ онъ сейчасъ же замѣтилъ это и рѣшилъ подогрѣть супруговъ.

— Я не знаю, — съ чувствомъ началъ онъ, — какъ мнѣ поблагодарить васъ, дорогой, достоуважаемый Григорій Александровичъ, за все, что вы собираетесь сдѣлать для меня. Чѣмъ я заслужилъ ваше расположеніе? — спрашивалъ я себя вчера, спрашиваю и теперь. Кто я? Я — сынъ жалкихъ, презрѣнныхъ родителей. Гдѣ я сижу? Въ кабинетѣ!.. Въ чьемъ кабинетѣ? Извѣстнаго, знаменитаго адвоката! Вѣдь нѣтъ дома, гдѣ ваше имя не произносилось бы съ уваженіемъ...

— Онъ недурно говоритъ, мамá!

— Да, онъ очень мило говоритъ...

— Продолжайте, любезный Леонъ, мы слушаемъ васъ съ удовольствіемъ...

— Я ничего не хотѣлъ сказать, достоуважаемый Григорій Александровичъ, рѣшительно ничего. Я хочу

только учиться у васъ. Учите меня. Я неопытный, но со средствами молодой человѣкъ. Соблазновъ такъ много кругомъ... Я вижу вашу счастливую жизнь, и... Онъ красиво не кончилъ, опустилъ голову и будто отъ большого волненія безнадежно постучалъ носкомъ своего лакированного башмака о полъ. Мама сочувственно слѣдила за нимъ. Мельниковъ умилился и пріятнымъ, груднымъ голосомъ сказалъ:

— Я понимаю васъ, любезный Леонъ. Не огорчайтесь, мы все это устроимъ. Долженъ вамъ сказать, что ежегодно мы устраиваемъ два вечера, весной и осенью. На этихъ вечерахъ у меня собирается цвѣтъ нашего общества... Ради Бога, раскурите вашу сигару, не дайте ей потухнуть... Въ числѣ прочихъ гостей на этотъ разъ будетъ и миллионеръ Гагенъ. Съ нимъ вамъ непременно надо познакомиться. Объ этомъ я уже позабочусь.

— Неужели же вы приглашаете меня къ себѣ на вечеръ?—пораженный произнесъ Леонъ, быстро поднимаясь. — И вы меня познакомите съ Гагеномъ? Съ миллионеромъ? Что же вы за люди такіе?..

— Ну, конечно, конечно,—отвѣтилъ Мельниковъ.— Сядьте же и не волнуйтесь. Вѣдь я могу лишь отчасти посодѣйствовать вамъ въ вашей цѣли обогатиться опытомъ и знаніемъ людей, которыхъ судьба вознесла высоко. Сейчасъ я расскажу вамъ исторію моей жизни. Но жизнь Гагена, несомнѣнно, не менѣе интересна, не говоря уже о томъ, что влияніе его во всѣхъ сферахъ безграничное. Послѣдняго тоже не слѣдуетъ упускать изъ виду... Далѣе съ дисконтеромъ Штекеромъ, который и знаменитѣе и богаче Гагена, вамъ-то ужъ, навѣрное, необходимо познакомиться. Вѣдь этотъ выдающійся человѣкъ началъ свою карьеру тридцать лѣтъ тому назадъ съ однимъ рублемъ въ карманѣ, а теперь у него миллионы!

— Неужели, это все меня ожидаетъ? — бормоталъ Леонъ, выражая желаніе, то броситься къ Мельникову, то къ мамѣ...

— Да, да,—подтвердилъ Мельниковъ, съ удовольствіемъ переглянувшись съ женой. — Успокойтесь и раскурите вашу сигару, которая потеряетъ ароматъ, если потухнетъ.

Леонъ немедленно успокоился и, признательно глядя на Мельникова и мамá, сталъ раскуривать сигару.

— Намѣренія мои, — продолжалъ Мельниковъ, — какъ видите, очень ясны. У меня вы познакомитесь съ цвѣтомъ общества. Затѣмъ идетъ Гагенъ, отъ него вы пробираетесь къ Штекеру, а отъ Штекера... Да ужъ куда угодно, любезный Леонъ!.. Однако, время все таки идетъ. Не приступитъ ли намъ къ дѣлу? Я вижу, что вы давно ждете съ нетерпѣніемъ мой рассказъ.

— Я сгораю и отъ любопытства, и отъ уваженія къ нему, — быстро сказалъ Леонъ.

— Вѣрю, вѣрю, — отвѣтилъ Мельниковъ. — Ему уже давно хотѣлось начать свой рассказъ. — Сядьте рядомъ съ мамá, а я останусь здѣсь. Распорядись, мамá, чтобы намъ подали чаю.

Онъ вдругъ сдѣлался торжественнымъ... Поднялся, прошелся по комнатѣ, задумался... Леонъ воспользовался его разсѣянностью, показалъ мамá, какъ хорошо умѣетъ играть глазами, если ему не мѣшаютъ, и сѣлъ рядомъ съ ней.

Между тѣмъ, Юлія принесла три стакана чаю, нѣсколько сортовъ варенья, поставила все на крохотномъ, кругломъ столикѣ и вышла. Мельниковъ присѣлъ, обвелъ глазами обоихъ и началъ такъ:

— Исторія моей жизни очень сложная, любезный Леонъ. Но, такъ какъ я противникъ деталей въ дѣлѣ, требующемъ краткости, отчетливости и рельефности, то рассказъ мой и будетъ лишенъ всякихъ подробностей, оговорокъ, ненужныхъ отступленій... словомъ, мелочей. Я буду трактовать только о дѣлѣ. Подчеркиваю «только» и «дѣлѣ»...

Мамá сложила руки за спиной закрыла глаза и приготовилась слушать. Леонъ кивнулъ головой и сдѣлалъ лицо, выражавшее самое серьезное вниманіе,

губы же сложилъ, какъ бы для поцѣлуя. Приятно все это было ему чрезвычайно. Отъ мамá, сидѣвшей рядомъ съ нимъ, и которую онъ видѣлъ лишь краемъ своего глаза, на него шло ароматное тепло. Чудная, роскошная женщина! Этой ночью она ему приснилась... Онъ страстно обнималъ ее, прижималъ къ своей горячей шеѣ ея холодныя, мраморныя руки. Онъ цѣловалъ ее и говорилъ: «милая, дай мнѣ денегъ, принеси побольше, ихъ такъ много у твоего мужа. Бѣдному Леону нужно много, много денегъ...». Скоро это сбудется на яву. Ну, рассказывай, преуважаемый дуракъ, свою глупую исторію Леону, корми его вкусными обѣдами и ужинами, угощай двухрублевыми сигарами...»

— Итакъ, любезный Леонъ, — торжественно говорилъ между тѣмъ Мельниковъ, — я начинаю исторію моей жизни и надѣюсь, что она васъ чему-нибудь научитъ. Раскурите сигару и приготовьтесь слушать.

— Не назовемъ ли мы, папá, твою исторію просто «исторіей безъ деталей» — предложила мамá.

— Да, да, — восторженно поддержалъ Леонъ, — «исторія безъ деталей!»

— Если вы настаиваете, то я ничего противъ не имѣю. Мнѣ самому нравится это названіе.

Онъ хлебнулъ чаю изъ стакана, посмотрѣлъ внимательно на мамá, на Леона, на варенье и звучно произнесъ:

Исторія безъ деталей.

«Главной задачей моей жизни, — началъ Мельниковъ, медленно, гладко, съ легкимъ пафосомъ, — была выработка въ деталяхъ правилъ поведенія, ведущихъ къ долгóлѣтнему, здоровому и спокойному существованію... На эту тему я написалъ книгу «Катехизисъ человѣка», которую вы, любезный Леонъ, получите отъ меня и въ подарокъ, и въ назиданіе... Скажу, дабы больше не вернуться къ этому, что жизнь я считаю самымъ лучшимъ, красивымъ и поэтическимъ подар-

комъ землѣ... Человѣкъ, какъ всѣмъ извѣстно, смертенъ. Природа умираетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ... Исходя изъ послѣднихъ двухъ положеній, не требующихъ, впрочемъ, доказательствъ, я сейчасъ, если вы удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ вниманія, нарисую рядъ картинъ...

— О!..—воскликнулъ тутъ Леонъ.

— Картинъ...—упрямо повторилъ Мельниковъ... — Картины эти, какъ части предмета, сложенные правильно и съ знаніемъ дѣла, образуютъ новую, цѣльную, вполне законченную картину моей жизни. Отъ бѣдности къ богатству, отъ безвѣстности къ извѣстности, отъ тьмы къ свѣту, —таковъ былъ мой путь. Отъ ребячества къ зрѣлости, отъ безразличности къ пристрастіямъ,—таково было мое преображеніе. Вотъ въ краткихъ и энергическихъ словахъ вся исторія моей жизни...

— Прекрасная исторія,—похвалилъ Леонъ, выслушавъ Мельникова.—Но, что особенно цѣнно въ ней, достоуважаемый Григорій Александровичъ, — тонко прибавилъ онъ,—такъ это полное и совершенное отсутствіе деталей.

— Детали не нужны, — съ легкимъ презрѣніемъ, отозвалась мамѣ.—Вѣдь мы назвали ее: «Исторія безъ деталей».

— Да,—скромно сказалъ Мельниковъ, —ненависть къ деталямъ, — мое достоинство, говорю прямо безъ ложнаго стыда: Детали должны быть всегда, я сказалъ бы, гдѣ-то въ сторонѣ, за кулисами жизни. Несомнѣнно, да и никто не станетъ спорить съ утвержденіемъ, что и онѣ, подчеркиваю «и», играютъ важную, подготовительную роль во всемъ, что совершается,—но никогда ихъ не слѣдуетъ переоцѣнивать и выдвигать на первыя позиціи. Процессъ жизни, любезный Леонъ, въ сущности совершается въ схемахъ, и мыслимо ли было бы показать вамъ, не потерявшись въ лабиринтъ пустяковъ, какъ постепенно довольно жалкое жилище, гдѣ я провелъ мое дѣт-

ство, превратилось въ грандіозную квартиру, изысканно и со вкусомъ убранную предметами роскоши. Спрашиваю, мыслимо ли было бы, не минуя деталей, дать выпуклый, я сказалъ бы, скульптурный рисунокъ?

— Вы совершенно правы,—согласился Леонъ.—Невѣжда тотъ, кто осмѣлился бы потребовать этого отъ васъ. Но, простите за нескромный, можетъ быть, неумѣстный вопросъ. Кто же, однако, были тѣ люди, которые имѣли счастье называться вашими родителями?

— Вотъ тутъ, любезный Леонъ, мы подходимъ близко, такъ сказать, къ сердцу нашей темы.. Минуя детали, скажу лишь, что родители мои были люди довольно простого званія, но, прибавлю, что нисколько не стыжусь этимъ, а горжусь.. Отецъ такого человѣка, какъ я, долженъ былъ быть ремесленникомъ.. Описать его, разумѣется, нисколько не трудно. Во всякомъ случаѣ нужно признаться, что внѣшность отца, никому не казалась особенно привлекательной. Это былъ, какъ мнѣ помнится, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, а можетъ быть, и старше, высокаго роста, со слабо развитой грудной клѣткой и характера очень уступчиваго во всемъ, что не касалось его интересовъ и кармана. Подчеркиваю «кармана». Изъ этого вы ясно видите, что дѣтство мое было ужаснымъ. Минуя детали, я отмѣчу лишеніе всего, что скрашиваетъ жизнь ребенка и т. д., и т. д.

— Я сочувствую вамъ отъ всей души! — съ пафосомъ воскликнулъ Леонъ.—Но, продолжайте, продолжайте, ради Бога... Я сгораю отъ нетерпѣнія узнать, что было дальше!

— Перейдемъ прямо къ гимназическому періоду,—сказалъ Мельниковъ, кивнувъ благосклонно головой.— Я не охотникъ жаловаться на что-либо, — я самъ дѣлалъ свою жизнь.. Долженъ признаться, что въ гимназїи я часто игралъ въ перья. Въ моемъ распоряженїи всегда имѣлось нѣсколько хорошихъ перьевъ, по прозванію «дюки», и благодаря этимъ «дюкамъ» я

былъ непобѣдимъ. Но не для пустой забавы я игралъ, любезный Леонъ. Выигранныя перья продавались мною лавочникамъ, а на вырученныя деньги я покупалъ книжки, безъ которыхъ, какъ извѣстно, нельзя учиться. Я, конечно, не стану вдаваться въ детали, но все же не могу отрицать, что былъ очень хитеръ на выдумки и оборотливъ. Со смѣхомъ вспоминаю, какъ за какую-нибудь мелочь, вродѣ копѣйки, я прокалывалъ иглой свою щеку изнутри, чѣмъ вызывалъ удивленіе и одобреніе моихъ добрыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе гимназію не кончили... Но какъ и все въ мірѣ, фокусы мои пріѣдались и приходилось каждый разъ изобрѣтать что-нибудь новое. Я научился вводить въ носъ длинные гвозди и эта новинка, со смѣхомъ вспоминаю, имѣла такой успѣхъ, что она заплатила за полугодіе правоученія. Потомъ я глоталъ ножи, любезный Леонъ! Я ихъ великолѣпно, артистически глоталъ. Сейчасъ я уже не могу обойтись безъ халата, безъ рубахи, одѣваемой не черезъ голову, а какъ сюртукъ, безъ телефона, отборной пищи, извозчика, а, между тѣмъ, я въ гимназіи и даже въ университетѣ могъ питаться падалью, днями обходиться и безъ нея и спать на голой землѣ... Вижу я себя и въ роли изобрѣтателя новой ваксы для чистки сапогъ. Не мало я учительствовалъ и думаю, что во мнѣ погибъ великій педагогъ. Впрочемъ, послѣднее къ дѣлу не относится и перейдемъ къ сути...

— Превосходная исторія, — опять замѣтилъ Леонъ. — Я слушаю съ наслажденіемъ, какого уже давно не испытывалъ.

— Продолжай, — попросила мамá, — ты такъ прекрасно рассказываешь...

— Я продолжаю. Въ университетѣ я стоялъ уже на болѣе прочномъ фундаментѣ и только стремился къ скорѣйшему полученію диплома, который долженъ былъ раскрыть предо мной всѣ двери. Упомяну лишь вскользь, что я ни разу ни въ чемъ не былъ замѣшанъ и никакихъ исторій со мной не было. Я не

признавалъ никакихъ кружковъ. Кружковый ядъ не отравилъ моей души и именно потому, что я уже съ дѣтства былъ закоренѣлымъ практикомъ. Отбросимъ детали и возьмемъ такой примѣръ... Что дала намъ вспышка начало восьмидесятыхъ годовъ? Вы, любезный Леонъ, вышли изъ седьмого класса и кое-что, вѣроятно, знаете объ этомъ? Что она намъ дала?

— Но ничего, многоуважаемый Григорій Александровичъ! Кто же не знаетъ, что ничего,—дѣлая видъ, что хорошо освѣдомленъ въ этомъ вопросѣ, отвѣтилъ Леонъ.

— Абсолютно ничего,—подтвердилъ Мельниковъ, вдругъ разсердившись.—Кромѣ безпокойства въ университетѣ,—ничего! Что бы тамъ ни говорили разные прогрессисты, утверждаю,—ничего!...

— Да и какъ она могла дать? — говорилъ Леонъ, рѣшительно не знавшій о чемъ идетъ рѣчь.—Однимъ словомъ, ничего и ничего.

— Но бросимъ эту непріятную тему,—потребовалъ Мельниковъ, приходя опять въ равновѣсіе.—Я не люблю политики и прошу никогда не говорить о ней въ моемъ домѣ. Позвольте и мнѣ не говорить о ней. Теперь возьму другой примѣръ, который имѣетъ прямое отношеніе къ моему разсказу. Человѣкъ совершилъ преступленіе, которое карается уголовными законами. Можно ли предположить, что этотъ человѣкъ нарочно, безъ сопротивленія положить голову подъ топоръ уголовной кары? Разумѣется, нѣтъ, любезный Леонъ. Но что можетъ выиграть адвокатъ, который взялся бы его защищать? Ни гроша, милый Леонъ! И вотъ я, получивъ свой дипломъ и попрактиковавъ у адвокатовъ, пришелъ къ твердому убѣжденію, что уголовныя дѣла суть лишь шумиха, фейерверкъ, мыльные пузыри, въ то время, какъ вся, я сказалъ бы, сметана лежитъ только и только въ гражданскихъ процессахъ. Для примѣра остановлюсь на моемъ первомъ дѣлѣ. Помнишь, мамъ?

— Это было дѣло о банкротствѣ чайной фирмы

Исаевыхъ,—отвѣтила мамá.—Въ этомъ году мы и поженились.

— Совершенно вѣрно,—съ удовольствіемъ подтвердилъ Мельниковъ.— Но какъ я велъ дѣло, любезный Леонъ? Изъ моихъ рукъ не могли, увѣряю васъ, вырваться ни должникъ, ни кредиторы. Говорю это вамъ по секрету, какъ своему человѣку и желая добра. Въ теченіе одного года я извлекъ изъ процесса до двадцати тысячъ рублей.

— Но вы какой-то геній,—воскликнулъ Леонъ,—ловя руку Мельникова, чтобы крѣпко пожать ее.— Двадцать тысячъ? Неслыханно! А значить ли это, Григорій Александровичъ, что и я долженъ сдѣлаться адвокатомъ? Такъ ли мнѣ васъ надо понять?

Въ эту минуту мамá поднялась и, производя милое шуршаніе платьемъ, выскользнула изъ кабинета. Мельниковъ, удивленно раскрывъ ротъ, послѣдилъ за ней глазами, а Леонъ любовно... Потомъ Мельниковъ повернулся и вдругъ шепотомъ сказалъ:

— Въ сущности это было бы недурно, если бы вы могли сдѣлаться адвокатомъ, но оно уже поздно. Съ другой стороны всякая профессія хороша въ своемъ родѣ. Все дѣло, любезный Леонъ, только въ правилахъ и принципахъ. Я, на примѣръ,—еще тише зашепталъ онъ,—не совѣтовалъ бы вамъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдующимъ правиломъ: «подставь ногу человѣку съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ разбился въ дребезги». О, нѣтъ, о, нѣтъ! Также избѣгайте взять его за глотку съ такой силой, чтобы онъ задохнулся. Умѣреннѣе, умѣреннѣе, любезный Леонъ! Усвойте себѣ кошачьи привычки... Также я не скажу, что надо совершенно опустошить его карманъ, даже если есть къ тому случай, и не доводите своего человѣка до того, чтобы онъ готовъ былъ броситься на васъ съ ножомъ въ рукахъ. Всего этого избѣгайте, милый Леонъ. Холите, ухаживайте, оберегайте тѣхъ людей, которые будутъ вамъ полезны. Заботьтесь объ ихъ относительномъ благополучіи, старайтесь даже

временно утучнить ихъ и лишь тогда, какъ по каналу, потекутъ къ вамъ барская квартира, чудные обѣды, лучшія ткани и т. д., и т. д.

— Замѣчательно, замѣчательно!—съ восхищеніемъ отозвался Леонъ, спрашивая себя, не начать ли апплодировать.

— Изъ этого, любезный Леонъ, вы уже можете понять, что меня, подчеркиваю «что», вознесло высоко. Затѣмъ, принципъ страхованія проходитъ у меня красной нитью черезъ всю жизнь, и я смѣло могъ бы крикнуть всѣмъ своимъ добрымъ друзьямъ: «вотъ спасеніе!» Все, что вы у меня видите, и все, что нажито мной, и все живое въ этомъ домѣ застраховано. Мы не боимся ни черныхъ дней, ни смерти. Умру ли я,—мамá получить пятьдесятъ тысячъ отъ страхового общества...

— О, не говори о своей смерти,—испуганно произнесла мамá, появляясь въ комнатѣ; въ рукѣ она держала небольшой букетъ изъ розъ,—ради Бога!

— Не говорите, объ этомъ,—попросилъ Леонъ.— Меня бросаетъ въ дрожь при одной только мысли о чемъ-нибудь подобномъ.

— Милые мои, —сказалъ растроганный Мельниковъ,—какъ пріятна мнѣ ваша заботливость! Я привелъ лишь примѣръ къ слову. Въ дѣйствительности я проживу долго, не менѣе семидесяти лѣтъ, а теперь мнѣ едва лишь сорокъ три.

— Но семьдесятъ лѣтъ тоже мало,—съ грустью промолвила мамá, поднося букетъ къ лицу и нѣжно вдыхая его аромать.—Я хочу, чтобы ты прожилъ... восемьдесятъ лѣтъ.

— Дитя,—отвѣтилъ онъ,—что же я буду дѣлать, когда мнѣ исполнится восемьдесятъ лѣтъ? Я всѣхъ переживу...

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула мамá.—Я и такъ не хочу. Лучше всего было бы, чтобы ты умеръ спустя одну минуту послѣ моей смерти,—прибавила она, шаловливо щекоча букетикомъ свою шею.

— Ни за что не соглашусь на это,—взволнованно произнесъ Мельниковъ.—Ты должна изъ любви ко мнѣ, подчеркиваю «ты», умереть спустя одну минуту послѣ моей смерти.

— Не проси! Я не могу!—букетикъ очутился у ея губъ,—ты меня огорчаешь!

— Но, простите,—вмѣшался Леонъ,—зачѣмъ вамъ собственно говорить о такихъ ужасахъ, когда кругомъ васъ все хорошо. Вы молоды, сильны. Зачѣмъ вы мучаете себя?

— Въ самомъ дѣлѣ, мамá, почему мы заговорили о смерти?—съ удивленіемъ спросилъ Мельниковъ.

— Это ты началъ,—отвѣтила мама.

— Кажется, ты,—усомнился Мельниковъ.

— Я началъ,—вмѣшался Леонъ, чтобы помирить обоихъ—ради Бога, простите меня.

— Итакъ,—продолжалъ Мельниковъ, когда всѣ успокоились,—исторія моей жизни, собственно, кончена. Вамъ, Леонъ, теперь понятно, какими принципами и правилами я руководствовался и, разумѣется, незачѣмъ перечислять подробно все, что мной было сдѣлано. Когда-нибудь въ другой разъ мы еще поговоримъ. Не могу не упомянуть лишь объ одномъ, сказалъ бы единственномъ, забавномъ случаѣ, который приключился со мной въ домѣ кліента, куда былъ приглашенъ на вечеръ. Это было еще за годъ до того, какъ я взялъ дѣло Исаевыхъ. Залъ, помню, былъ полонъ гостей. Шныряли лакеи. Разносили чай съ бисквитами и т. д. Я, полный надеждъ, сидѣлъ съ одной, очень чопорной дамой не первой молодости и рассказывалъ ей съ увлеченіемъ, вполне понятнымъ тогда, о моихъ драгоцѣнныхъ жизненныхъ выводахъ. Какъ вдругъ,—не могу вспомнить объ этомъ безъ смѣха, она наклонилась къ моему уху и шепнула нѣчто такое, отчего на мигъ передо мной заплясалъ залъ со всѣми гостями. Конечно, я былъ недуренъ, довольно импозантенъ въ своемъ фракѣ, но никогда, подчеркиваю «никогда», у меня и тѣни мысли не было, что могу

сдѣлаться предметомъ вождельнѣй дамъ не первой молодости.

— Ужасно...—прошепталь Леонъ, стыдливо отвернувъ глаза.

— Замѣтте цинизмъ, съ какимъ она, хотя и въ деликатной формѣ, сдѣлала мнѣ предложеніе. При этомъ она назвала меня, представьте себѣ, «душкой»! Какъ вамъ нравится, такое приключеніе, любезный Леонъ? «Сударыня», съ достоинствомъ сказалъ я, поднимаясь, «перво-на-перво я не душка».

— Ахъ, какая ужасная женщина! — воскликнулъ Леонъ, скосивъ лицемѣрно глаза.—Неужели же такія женщины существуютъ?

— Существуютъ. И вамъ то, Леонъ, я совѣтую больше всего беречься ихъ.

— Папá, — вмѣшалась тутъ неожиданно мамá, — я вижу, что ты начинаешь переходить къ деталямъ. Твоя исторія кончена, а къ тому же и часы пробили двѣнадцать.

— Двѣнадцать часовъ?—съ удивленіемъ произнесъ Леонъ.—Какъ быстро пролетѣло время!

— Ты всегда права, милая мамá, — промолвилъ Мельниковъ.—Я дѣйствительно кончилъ и усталъ. Пора разойтись. Мнѣ остается еще передать Леону «Катехизисъ челоувѣка» и сказать ему пару словъ. Молодой челоувѣкъ, — съ чувствомъ обратился онъ къ Леону, который быстро поднялся, — вотъ «Катехизисъ челоувѣка». — Онъ вынулъ изъ бокового кармана своего халата тоненькую книжку. — Дарю вамъ эту книжку съ искреннимъ удовольствіемъ. Храните ее, любите ее..

— Благодарю, благодарю васъ, — съ притворнымъ волненіемъ говорилъ Леонъ, прижимая «Катехизисъ» къ сердцу. — Я буду учиться по этой книжкѣ... Разрѣшите ли вы мнѣ приходить къ вамъ, какъ къ роднымъ? Я чувствую, что перерождаюсь въ ващемъ обществѣ.

— Приходите, — тихо сказала мамá, опуская глаза.

— Мерси, благодарю, — пробормоталь Леонъ, осто-

рожно пожирая глазами ея руки, ея шею... — Позвольте ли вы мнѣ обнять васъ, дорогой Григорій Александровичъ? — съ сильнымъ чувствомъ вдругъ сказалъ онъ, идя бокомъ къ Мельникову.

— О, съ удовольствіемъ, любезный Леонъ...

Они обнялись, и Леонъ, послѣ короткой дружеской борьбы, поцѣловаль-таки бороду Мельникова. Потомъ онъ подошелъ къ мамѣ и красиво поклонился ей.

— Прощайте, — прошепталъ онъ, наскоро дѣлая бархатные глаза.

«Чудная бабенка», — сказалъ его взгляды, — «цѣлую твои губы, твои плечи... Думай обо мнѣ — я люблю тебя!..»

— Но, до свиданья, — отвѣтила она тихимъ, удивленнымъ голосомъ. — Не прощайте...

«Будеть моей любовницей», — увѣренно подумалъ Леонъ.

— Не прощайте, — съ томностью произнесъ онъ громко.

— Не прощайте, — подтвердилъ папѣ. — Спрячьте «Катехизисъ» въ карманъ. Вы его можете потерять...

— Вы всегда правы, — сказалъ Леонъ, покорно положивъ книжку въ карманъ.

Вошла Юлія. Леонъ въ послѣдній разъ поклонился и медленно сталъ отступать...

— Не прощайте, — повторилъ онъ со вздохомъ и пошелъ за Юліей.

Дверь медленно закрылась за ними.

«Сейчасъ обниму Юльку!» — мелькнуло у Леона.

Лицо у него преобразилось, густо покраснѣло... Онъ тихо чавкнулъ... Какъ котъ съ топорщившимися усами, съ поблескивавшими зрачками и, ступая мягко, онъ сталъ подкрадываться къ ней... «Онъ вытащитъ ее на лѣстницу, онъ уговоритъ ее сегодня же пойти съ нимъ куда-нибудь, онъ подождетъ ее на улицѣ!»...

И лишь, какъ отголосокъ, какъ взбадрывающая музыка, гдѣ-то далеко въ немъ звучало:

«Мамѣ будетъ моей любовницей!.. Я познакомлюсь

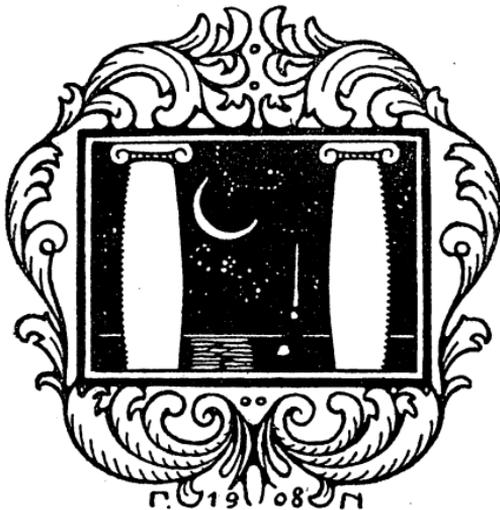
съ миллионеромъ Гагеномъ... Всѣ люди болваны, дурачье, — я знаю ихъ слабости, и: «ахъ, какой я молодецъ, и, ахъ, мерзавецъ, и ахъ, Леончикъ»... а совсѣмъ глубоко, про себя:

«Всѣхъ васъ, сволочь, запутаю, всѣхъ заберу въ руки... Погодите, покажетъ себя еще Леонъ Дрей!»

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Валерій Брюсовъ
ИСПОЛНЕННОЕ
ОБЪЩАНІЕ

ПОЭМА

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Благоговѣнно посвящается памяти В. А. Жуковского.

I.

Угрюмъ и грозень замокъ Твидь.
Онъ со скалой какъ будто слить,
Какъ будто выросъ изъ скалы.
Гнѣздятся по угламъ орлы,
Отъ стѣнъ идетъ нагой отвѣсъ,
Внизу синѣетъ хвойный лѣсъ,
И, недоступно далека,
Змѣится бѣлая рѣка.

Владыка замка, Гуго Твидь,
Давно войной и славой сытъ.
Довольно у него добра,
Мѣховъ, коней и серебра;
Казнѣ его и счета нѣтъ;
Съ нимъ не тягается сосѣдъ,
А Твидь оспорить короля;
Ему принадлежитъ земля,
Докуда достигаетъ взоръ;
Въ его рукѣ какъ громъ топоръ;
Ему покорна и вѣрна
Его прекрасная жена.

Ее онъ дѣвочкой увезъ
На свой незыблемый утесъ;
Хранилъ года, какъ цѣнный кладъ;
Воспитывалъ, какъ добрый братъ,

Чтобъ послѣ выбрать жениха;
Берегъ отъ тайнаго грѣха
Межъ вѣрныхъ слугъ и старыхъ дѣвъ;
Но, Божьей волей, овдовѣвъ,
Назначилъ ей удѣлъ иной,
И сдѣлалъ плѣнницу женой.

Гертруда вся — какъ сладкій сонъ.
Туманной тѣнью углубленъ
Ея лучистый взоръ; у ней
Звукъ голоса — какъ пѣнье фей,
И розсыпь золотыхъ волосъ —
Какъ кудри дѣвъ изъ міра грезъ;
Она легка — какъ тихій снѣгъ,
Ея беззвученъ легкій бѣгъ,
Ея шаговъ не помнитъ слухъ,
Какъ будто мимо вѣялъ духъ.

Вся жизнь Гертруды, съ раннихъ лѣтъ,
Прошла, вдали отъ золь и бѣдъ,
На неприступной высотѣ.
Она лишь смутно, какъ въ мечтѣ,
Знавала рѣки и лѣса;
Ей были ближе небеса,
Гдѣ тихо облака плывутъ,
Гдѣ ночью ангелы поютъ,
Да лики съ сумрачныхъ иконъ
Христа и вдумчивыхъ мадоннъ.
Она была страстей чужда,
Людей не зная; иногда
Ей пѣлъ зашедшій къ нимъ пѣвецъ
О связи любящихъ сердець,
Но внятнѣй, чѣмъ любовный стихъ,
Ей были житія святыхъ.

И, зная, какъ она живетъ,
Легенды, заживо, народъ
Объ ней слагалъ, — и слухъ ходилъ,
Что чудо ей Господь явилъ.

Въ своей молельнѣ, въ дни поста,
Она усердно у креста
Одна молилась въ поздній часъ,
И слезы изъ прекрасныхъ глазъ
Лились Христу на язвы ногъ;
И, вдругъ, изваянный вѣнокъ
Надъ каменнымъ святымъ челомъ
Расцвѣлъ, какъ вѣтка подъ дождемъ!
И вѣрили, — что вся страна
Ея мольбой охранена.

2.

Шестыя сутки въ замкѣ Твидѣ
Огонь до полночи блещитъ.
Въ восточной башнѣ угловой
Гость водворился дорогой:
Графъ Робертъ, — Гуго давній другъ.
Одинъ, безъ спутниковъ и слугъ,
Обѣтомъ связанный своимъ,
Идетъ онъ, скромный пилигримъ,
Въ одеждѣ инока и босъ,
Въ страну, гдѣ пострадалъ Христосъ.

Свершилъ графъ Робертъ тяжкій грѣхъ.
И нѣтъ съ тѣхъ поръ ему угѣхъ,
И чуждъ ему веселый пиръ,
И грустенъ радостный турниръ.
Въ его душѣ клеймо одно
Рукой горящей вождено;
Въ его душѣ одна лишь страсть;
Предъ гробомъ Господа упасть
И вымолить себѣ покой..
Зачѣмъ же въ башнѣ угловой,
Гдѣ думалъ вечеръ отдохнуть,
Онъ медлитъ, позабывъ свой путь?

Графъ Робертъ молодъ и красивъ.
Въ его кудряхъ стальной отливъ;
Всегда онъ смотритъ словно въ даль;
Но, затаивъ въ себѣ печаль,
Его глаза — какъ два клинка;
Его слова, какъ облака,
Мѣняютъ формы каждый мигъ;
Но ярче и мудрѣ книгъ
Его обдуманная рѣчь,
Сердца разящая какъ мечъ.

Съ Гертрудой встрѣтись въ первый разъ,
Не поднялъ Робертъ темныхъ глазъ.
То было поздно, въ часъ глухой,
На узкой лѣстницѣ витой,
Гдѣ злыя тѣни, при огнѣ,
Качались грозно по стѣнѣ.
Промолвилъ онъ, лицо клоня:
«Молись, святая, за меня!»
И былъ встревоженной мольбой
Ея отвѣтъ: «Господь съ тобой!»

Но день спустя, въ такой же часъ,
Опять вдали отъ чуждыхъ глазъ,
Они сошлись. Былъ мракъ унылъ,
Надъ черной бездной вѣтеръ вылъ,
И въ свѣтѣ молніи — блѣдна
Была Гертруда у окна.
Шепнулъ смиренный пилигримъ:
«Твоей молитвой я хранимъ
Сегодня!» Но, смотря во тьму,
Та не отвѣтила ему.

Когда же, въ третій разъ, опять
Пришлось имъ вмѣстѣ задрожать
На башнѣ передъ ликомъ звѣздъ, —
Съ груди сорвалъ онъ черный крестъ,
И палъ къ ногамъ ея, и ей
Сказалъ безвольно: «Будь моею!»

Сказаль, и къ ней лицомъ приникъ...
И темень былъ безмолвный мигъ...
Но вдругъ, какъ солнце впереди,
Ея отвѣтъ зажегся: «Жди!»

Письмо Гертруды.

«Мой господинъ! мой царь! мой братъ!
Свершилось. Нѣтъ пути назадъ.
Не жаль мнѣ въ прошломъ ничего.
Хочу лишь взора твоего,
Твоихъ, огнемъ горящихъ усть.
Миръ безъ тебя и дикъ и пусть.
Я годы цѣлые спала;
Взошла денница и сожгла
Мои глаза своимъ лучомъ.
Рублю я радостнымъ мечомъ
Нить жизни краткой — пополамъ.
Души спасенье я отдамъ
За день съ тобою, — и въ Аду
У ногъ твоихъ я Рай найду!
Какъ сонъ, я скину дни мои!
Увижу лѣсъ, поля, ручьи,
Увижу вольныхъ пѣвчихъ птицъ!
У нашихъ западныхъ границъ
Есть логъ и три Проклятыхъ Пня:
На склонѣ дня тамъ жди меня!»

3.

Алѣютъ тихо облака.
И безразсудна и робка,
Лицо закрывъ густой фатой,
Въ одеждѣ странницы простой,
Гертруда вышла изъ воротъ.
Ее никто не поведетъ,

Ее никто не охранить,—
Но тщетно будетъ Гуго Твидъ
Искать измѣнницы жены.
Ея движенья рѣшены,
Какъ рѣшена ея судьба:
Она — счастливая раба,
Пока захочетъ властелинъ,
Пусть жизнь, пусть годъ, пусть день одинъ.
А послѣ — дальній монастырь
Ей вновь закроетъ высь и ширь.

Межъ буквѣвъ мрачныхъ и нѣмыхъ,
Дорогой, полной чаръ лѣсныхъ,
Скользятъ Гертруда въ тишинѣ,
И мѣръ предъ ней — какъ мѣръ во снѣ,
Какъ память о иныхъ мѣрахъ,
Порой томящая въ мечтахъ.
Пьянитъ свобода, какъ вино,
И сердце мыслью прожжено:
Онъ ждетъ, онъ встрѣтитъ, и они
Сольютъ свои уста въ огни,
Сплетутъ извивы нѣжныхъ рукъ,
Замрутъ въ истомѣ сладкихъ мукъ,
И страстный взглядъ любимыхъ глазъ
Она увидитъ въ первый разъ!

Она идетъ впередъ, впередъ...
Такъ лишь лунатики обходятъ
Свершаютъ ночью вдоль стѣны
При свѣтѣ пристальномъ луны.
Она скользитъ какъ легкой челнъ
По вѣтру, надъ качаньемъ волнъ,
Храня безволие свое.
Не ангелъ ли ведетъ ее?
Не Богъ ли правый съ высоты
Благословилъ ея мечты?

Но чу! глухой, далекій скокъ.
И вторить лѣсъ и вторить логъ
Бряцанью шпоръ и лаю псовъ.
Не скрыться межъ лѣсныхъ стволовъ!
Не упредить лихихъ коней!
Все ближе, ближе, все яснѣй,
Все безпощаднѣй стукъ копытъ, —
И предъ Гертрудой Гуго Твидъ!

4

Глуха подземная тюрьма.
Въ ней смрадъ и сырость, тишь и тьма.
Порой въ ней тѣни говорятъ,
И кости давнія стучатъ
Подъ непривычную ногой,
Рождая отзвукъ гробовой, —
Но звуки, умирая тутъ,
Гранитной толщи не пробьютъ,
Ни въ замкѣ, ни среди полей
Ничьихъ не возмутятъ ушей!
И съ воли къ тѣмъ, кто здѣсь забыть,
Зовъ ни одинъ не долетитъ!

Припавъ къ стѣнѣ, въ сыромъ углу,
Гертруда не глядитъ во мглу,
Не плачетъ, тщетно не зоветъ.
На мигъ сверкнулъ ей небосводъ
Сіяньемъ пламенной зари, —
И вновь померкли янтари.
На мигъ, въ сіяющемъ вѣнцѣ,
Съ улыбкой странной на лицѣ,
Маня, предстала ей Любовь, —
И въ темный гробъ упала вновь.
На мигъ зажглась надъ ней звѣзда, —
Чтобъ закатиться навсегда!

Томятъ видѣнья въ тишинѣ!
Въ бреду больномъ иль въ зыбкомъ снѣ
Гертруда видитъ дальній лѣсъ,
Глубь вечерѣющихъ небесъ,
И логъ и три Проклятыхъ Пня...
При свѣтѣ меркнушаго дня,
Къ сухой корѣ лицомъ припавъ,
Тамъ ждетъ ее печальный графъ.
Его глаза блестятъ во мглѣ;
Высокій посохъ — на землѣ;
А что въ его рукахъ? — кинжалъ?
Всталъ полный мѣсяцъ, кругло-аль,
И чрезъ глазницы мрачныхъ тучъ
Сталь наводитъ на все свой лучъ.

И кажется Гертрудѣ вдругъ:
Благоухаетъ логъ и лугъ,
И снова, по травѣ полянъ,
Она бѣжитъ въ ночной туманъ.
Слабѣютъ силы; на ногахъ
Какъ будто цѣпи; хладный страхъ
Растетъ на сердцѣ... Поворотъ...
И старый букъ... И онъ... И вотъ
Слетаетъ съ устъ невольный стонъ, —
И милый, милый къ ней склоненъ!
Она сквозь слезы, чуть жива,
Лепечетъ нѣжныя слова,
И слышитъ лепетъ нѣжныхъ словъ,
И видитъ страстный блескъ зрачковъ,
И, холодѣя вся какъ трупъ,
Впиваетъ ласку жданныхъ губъ.

Что это? смерть иль страсти мигъ?
Стонъ боли или счастья крикъ?
Со странно-радостнымъ лицомъ
Поверглась узница ничкомъ.
Въ темницѣ, царственно-одна,
Стоитъ и смотритъ тишина.

Померкъ на западѣ пожаръ.
 Настало время тайныхъ чаръ.
 Раскрыли звѣзды ширь и высь;
 Сквозь вѣтви эльфы пронеслись;
 Вдали короной золотой
 Блеснулъ подъ букомъ Царь Лѣсной;
 И на полянѣ смѣхъ звончѣй
 Его безпечныхъ дочерей.

Но графа не коснется страхъ.
 Не лезвее ль въ его рукахъ?
 Не крестъ ли на его груди?
 Но мракъ все гуще впереди.
 Давно прошелъ условный часъ,
 Плылъ мѣсяцъ, и межъ тучъ угасъ,
 Была надежда и прошла,
 И мгла кругомъ, и въ сердцѣ мгла...
 Слабѣетъ, никнетъ гордый духъ,
 И графъ молитву шепчетъ вслухъ.

«Ты не пришла, ты не придешь!
 Твое письмо — иль смѣхъ иль ложь!
 А я, смиренный пилигримъ,
 Обѣтомъ связанный своимъ,
 Посмѣлъ о радости мечтать!
 Бѣжать я долженъ словно тать,
 Въ Святую Землю поспѣшить,
 У гроба Господа сложить
 И прежній грѣхъ и эту страсть!
 Къ кресту пречистому припасть,
 Да скажетъ мнѣ Господь: пролью
 Елей я на-душу твою!
 Но если... Если въ замкѣ томъ
 Она томится подъ замкомъ,
 И ждутъ ее — и судъ и казнь!
 О, сердце сжавшая боязнь!

О, ужасъ, впившійся въ мечты!
Но что во тьмѣ?.. Кто близко?.. Ты?»

Лицо закрывъ густой фатой,
Въ одеждѣ странницы простой,
Какъ черный призракъ черезъ тьму
Гертруда тихо шла къ нему.
И графъ спѣшитъ навстрѣчу ей,
Зоветь небесной и своей,
И ризы влажныя края
Цѣлуетъ, счастья не тая,
И шепчетъ, что имъ должно прочь,
Что клонится къ исходу ночь.

Но, словно статуя блѣдна,
Молчитъ въ его рукахъ она
И только льнетъ къ нему нѣжнѣй,
Какъ тѣнь среди другихъ тѣней.
Онъ близостью ея сожженъ,
И страсти, бьющей въ сердцѣ, онъ
Уже не можетъ одолѣть!
Готовъ онъ вмѣстѣ умереть
За мигъ блаженства здѣсь, теперь...
Закатный мѣсяцъ, словно звѣрь,
Взглянулъ на нихъ изъ низкихъ тучъ...
Чу! гдѣ-то близко брызнулъ ключъ...
И вотъ, подъ мѣрный говоръ струй,
Сверкнулъ ихъ первый поцѣлуй!

Безъ клятвъ былъ заключенъ ихъ бракъ.
Свидѣтелемъ былъ строгій мракъ;
Межъ травъ, обрызганныхъ росой,
Стоялъ незримый аналой;
Свѣтили звѣзды имъ съ небесъ;
Пропѣлъ имъ хоръ могучій лѣсъ;
И эльфы, легкіе какъ дымъ,
Привѣтствіе шепнули имъ;
И, мимо проходя тропой,
Благословилъ ихъ Царь Лѣсной.

Храня лица спокойный видъ,
 Сошелъ на утро Гуго Твидъ
 Съ ватагой слугъ въ свою тюрьму.
 Чуть факелы вспугнули тьму, —
 Всѣ вдругъ поникли головой:
 Лежалъ предъ ними трупъ нѣмой.
 Была Гертруда хороша,
 Какъ будто грѣшная душа
 Съ восторгомъ отошла, предъ тѣмъ
 Увидѣвъ благостный Эдемъ.
 Казалось: спить Гертруда, сжавъ
 Въ рукѣ пучекъ цвѣтовъ и травъ.
 И было явно всѣмъ, что тутъ
 Не нуженъ больше грозный судъ!

И въ тотъ же день бѣднякъ пастухъ,
 Свирѣлю улаждая слухъ,
 Привелъ овецъ къ Проклятымъ Пнямъ,
 И трупъ нашелъ, простертый тамъ.
 Графъ Робертъ словно тихо спалъ.
 Высокій посохъ и кинжалъ
 Лежали близъ, въ травѣ густой.
 Былъ графъ прекрасенъ какъ живой,
 Съ улыбкой счастья на устахъ.
 Но въ крѣпко стиснутыхъ рукахъ
 Съ собой въ могилу онъ унесъ
 Прядь золотистую волосъ.

Начато въ 1901 г.
 Кончено въ 1907 г.

АЛ. БЛОКЪ

КЛЕОПАТРА

• ТЫ И Я •

КЛЕОПАТРА.

Открыть паноптикумъ печальный
Одинъ, другой и третій годъ.
Толпою пьяной и нахальной
Спѣшимъ... Въ гробу царица ждетъ —

Она лежитъ въ гробу стеклянномъ —
И не мертва, и не жива.
А люди шепчутъ неустанно
О ней безстыдныя слова.

Она раскинулась лѣниво —
Навѣкъ забыть, навѣкъ уснуть...
Змѣя легко, неторопливо
Ей жалитъ восковую грудь...

Я самъ — позорный и продажный —
Съ кругами синими у глазъ —
Пришелъ взглянуть на профиль важный,
На воскъ, открытый напоказъ...

Тебя разсматриваетъ каждый,
Но если бъ гробъ твой не былъ пустъ,
Я услыхалъ бы не однажды
Надменный вздохъ истлѣвшихъ устъ:

- Кадите мнѣ. Цвѣты рассыпьте.
- Я въ незапамятныхъ вѣкахъ
- Была царицею въ Египтѣ.
- Теперь — я воскъ. Я — тлѣнъ. Я — прахъ.

Царица! Я плѣненъ тобою!
Я былъ въ Египтѣ лишь рабомъ,
А нынѣ суждено судьбою
Мнѣ быть поэтомъ и царемъ!

Ты видишь ли теперь изъ гроба,
Что Русь, какъ Римъ, пьяны тобой?
Что я и Цезарь — будемъ оба
Въ вѣкахъ равны передъ судьбой? —

Замолкъ. Смотрю. Она не слышитъ,
Но грудь колыхится едва
И за прозрачной тканью дышитъ...
И слышу тихія слова:

- Тогда — я исторгала грозы.
- Теперь — исторгну жгучѣй всѣхъ
- У пьянаго поэта — слезы,
- У пьяной проститутки — смѣхъ.

ТЫ И Я.

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волось распущенная прядь
На плечи темныя спустилась.

Миръ не великъ и не богатъ —
И не глядѣть бы взоромъ чернымъ!
Вѣдь только люди говорятъ,
Что надо ждать и быть покорнымъ...

А здѣсь — какая-то свирѣль
Поетъ надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель».
«Ласкай не милаго ребенка»...

Я тоже — здѣсь. Съ моей судьбой,
Надъ лирой гнѣвной, какъ сѣкира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарахъ міра...

Я вѣрю мглѣ твоихъ волось
И твоему великолѣпью.
Мой сирый духъ — твой вѣрный песъ —
У ногъ твоихъ грохочетъ цѣпью...

И вотъ опять, и вотъ опять,
Встрѣчаясь съ этимъ темнымъ взглядомъ
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить съ тобою рядомъ...

Мечта! Что жизни сонъ глухой?
Отрава—вслѣдъ иной отравѣ...
Я измѣню тебѣ, какъ той,
Не измѣняя, не лукавя..

Забавно жить! Забавно знать,
Что подъ луной ничто не ново,
Что мертвому дано раждать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нѣтъ,
Что людямъ дамъ, что ты дала мнѣ.
А люди—на могильномъ камнѣ
Начертятъ прозвище: поэтъ.

СМЕРТЬ ЧЕЛОВѢКА

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ
НОВЫЙ ВАРИАНТЪ ПЯТОЙ КАРТИНЫ
• ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА •

ОТЪ АВТОРА.

Уже послѣ постановки «Жизни Человѣка» на сценѣ я убѣдился въ нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ, допущенныхъ мною какъ противъ формы, такъ и противъ основного замысла пьесы.

Въ отношеніи формы я считаю возможнымъ оставить пьесу безъ измѣненій — пусть первый мой опытъ нео-реалистической драмы остается такимъ, какимъ созданъ онъ въ ту пору сомнѣній и колебаній. Иное дѣло — ошибки противъ основного замысла драмы.

Оставляя за другими право рѣшить, насколько я правъ или ошибаюсь въ толкованіи смысла человѣческой жизни, я долженъ ради себя самого, въ цѣляхъ наибольшей послѣдовательности и ясности, исправить тѣ недостатки пьесы, которые либо затемняютъ основную ея идею, либо представляютъ ее въ недостаточно полномъ и законченномъ видѣ.

Въ пятой картинѣ, вариантъ которой я нынѣ предлагаю, самымъ существеннымъ недостаткомъ являлось вотъ что: вторженіе въ драму относительно случайнаго элемента въ лицѣ Пьяницъ и отсутствіе столь необходимой и столь важной въ жизни группы, какъ Наслѣдники, естественно завершающей собою группы Родственниковъ, Друзей и Враговъ Человѣка.

Правда, введеніемъ въ пьесу кабака и пьяницъ, я отнюдь не хотѣлъ сказать, что каждый человѣкъ неизбѣжно умираетъ въ кабакѣ, и нѣкоторые изъ моихъ критиковъ, рассуждавшіе такъ: «я въ кабакъ не хожу—

слѣдовательно, все это неправда — слѣдовательно, я никогда не умру — слѣдовательно, какая же это «Жизнь Человѣка!» были совершенно неправы. Но то одиночество умирающаго и несчастнаго человѣка, для показанія котораго выведены эти столь же одинокіе и несчастные люди, съ большей полнотой можетъ быть охарактеризовано появленіемъ Наслѣдниковъ. Если Пьяницы только предоставляютъ Человѣку умереть одиноко, то Наслѣдники убѣждаютъ его умереть, толкаютъ его къ смерти — съ естественной безжалостностью всѣхъ тѣхъ, кто приходитъ на смѣну. Смѣна — вотъ и еще важный моментъ, упущенный мною изъ виду при первоначальномъ изображеніи «Смерти Человѣка».

Отсутствовало въ моей пьесѣ Милосердіе, что также многимъ казалось неправдивымъ. Теперь оно представлено въ лицѣ Сестры Милосердія; и хотя за все время она не открываетъ глазъ ни разу, но самымъ присутствіемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что Милосердіе дѣйствительно существуетъ.

Памятуя, однако, что всякая правда есть лишь новая, но еще не доказанная ошибка, я прекращаю мои, быть можетъ, излишнія объясненія и предоставляю новую картину «Смерти Человѣка» на благосклонный судъ читателя.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

СМЕРТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Высокая мрачная комната, въ которой умерли сынъ и жена Человѣка. На всемъ лежитъ печать разрушенія и смерти. Стѣны покосились и грозятъ паденіемъ; въ углахъ раскинулась паутина—правильные свѣтлые круги, включенные безысходно одинъ въ другой; грязно-сѣрыми прядями спускается мертвая паутина и съ нависшаго потолка. Точно подъ упорнымъ давленіемъ мрака, черной безграничностью объявшаго домъ Человѣка, подались внутрь и покривились два высокія окна; если окна не выдержатъ и провалятся, то мракъ вольтется въ комнату и погаситъ слабый, умирающій свѣтъ, которымъ озаряется она.

Въ задней стѣнѣ колѣнчатая лѣстница, ведущая на верхъ въ тѣ комнаты, гдѣ происходилъ когда-то балъ; внизу видны кривыя погнувшіяся ступени, дальше онѣ теряются въ густой насупившейся мглѣ. У той же стѣны подъ искривленнымъ, порваннымъ балдахиномъ кровать, на которой умерла жена Человѣка.

Справа темное жерло холоднаго, давно потухшаго огромнаго камина; большая куча сѣрой мертвой золы, въ которой бѣлѣетъ полуобгорѣлый листъ какой-то бумаги, повидимому чертежа. Передъ каминомъ, въ креслѣ, сидитъ неподвижно умирающій Человѣкъ; въ томъ, какъ оборванъ его халатъ, въ томъ, какъ лох-

маты и дики его нечесанные сѣдые волосы и борода, чувствуется полная заброшенность и одиночество умиранія. Въ сторонѣ отъ Человѣка, на такомъ же креслѣ, крѣпко спитъ Сестра Милосердія съ бѣлымъ крестомъ на груди; за все время картины она не просыпается ни разу.

Вокругъ умирающаго Человѣка, обнимая его тѣснымъ кольцомъ жадно вытянутыхъ лицъ, сидятъ на стульяхъ Наслѣдники. Ихъ семь человѣкъ, три женщины и четверо мужчинъ. Ихъ шеи хищно вытянуты по направленію къ Человѣку, рты жадно полураскрыты; напряженно-скрюченные пальцы на поднятыхъ рукахъ походятъ на когти хищныхъ птицъ. Есть среди нихъ толстые и весьма упитанные люди, особенно одинъ господинъ, жирное тѣло котораго безформенно расплывается на стулѣ, но по тому, какъ они сидятъ, какъ они смотрятъ на Человѣка, — кажется, что всю жизнь они были голодны и всю жизнь ожидали наслѣдства. Голодны они какъ будто и сейчасъ.

Въ углу неподвижно стоитъ Нѣкто въ сѣромъ съ догорающей свѣчею. Узкое синее пламя колеблется, то ложась на край, то острымъ язычкомъ устремляясь вверхъ. И могильно сини блики на каменномъ лицѣ и подбородкѣ Его.

Разговоръ Наслѣдниковъ.

Говорятъ громко:

— Дорогой родственникъ, вы спите?

— Дорогой родственникъ, вы спите?

— Дорогой родственникъ, вы спите или нѣтъ?

Отвѣчайте намъ.

— Мы ваши друзья!

— Ваши наслѣдники.

— Отвѣчайте намъ!

Человѣкъ молчитъ. Наслѣдники переходятъ на громкій шопотъ.

— Онъ молчитъ.

— Онъ ничего не слышитъ: онъ глухъ.

— Нѣтъ, онъ притворяется. Онъ ненавидитъ насъ, онъ радъ былъ бы насъ выгнать, но не можетъ: мы его наслѣдники!

— Каждый разъ, когда мы приходимъ, онъ смотритъ на насъ такъ, точно мы пришли убивать его. Какъ будто не умретъ онъ и самъ!

— Глупецъ!

— Это отъ старости. Отъ старости всѣ люди становятся глупы.

— Нѣтъ, это отъ жадности. Онъ радъ былъ бы унести въ могилу все. Онъ не знаетъ, что въ могилу человѣкъ уходитъ одинъ.

— Почему вы такъ ненавидите нашего дорогого родственника?

— Потому, что онъ медлитъ умирать. (Громко:) Старикъ, почему ты не умираешь? Ты портишь намъ жизнь, ты грабишь насъ. Твое платье рвется и гниетъ, твой домъ разрушается, твои вещи старѣютъ и теряютъ цѣнность!

— Это правда. Онъ насъ грабитъ!

— Тише! Зачѣмъ кричать!

— Старикъ, ты обираешь насъ!

— Но, можетъ быть, дорогой родственникъ слышитъ насъ?

— Пусть слышитъ! Правду всегда полезно слышать.

— Но, можетъ быть, у него еще хватитъ силы составить завѣщаніе и лишить насъ наслѣдства?

— Вы думаете?

Натянуто смѣются. Продолжаютъ нѣжными голосами, громко, такъ чтобы слышалъ Человѣкъ.

— Пустяки. Онъ всегда былъ умнымъ человѣкомъ, склоннымъ къ юмору, и прекрасно понимаетъ шутку. Не правда ли, дорогой родственникъ?

— Конечно, мы шутили.

— Мы можемъ ждать сколько угодно. Намъ только жаль его. Такъ грустно день и ночь сидѣть одному передъ потухшимъ каминомъ,—не правда ли, дорогой родственникъ?

— Почему онъ не ляжетъ въ постель?

— Такъ, маленькая причуда. На этой постели умерла его жена, и онъ никому не позволяетъ коснуться ни бѣлья, ни подушекъ.

— Но время уже коснулось ихъ!

— Отъ нихъ пахнетъ гнилью.

— Здѣсь отовсюду пахнетъ гнилью.

Нюхаютъ.

— Когда я подумаю... Нѣтъ, когда я подумаю, что въ этомъ каминѣ онъ непроизводительно жегъ цѣлыя бревна...

— А вы помните его балъ? Нашъ милый родственникъ такъ сорилъ деньгами!

— Нашими деньгами!

— А вы помните, какъ онъ баловалъ жену, эту ничтожную женщину?

— Добавьте: которая обманывала его.

— Тише!

— У которой была дюжина любовниковъ!

— Тише! Тише!

— Которая жила съ лакеемъ! Да, съ своимъ лакеемъ. Я сама видѣла однажды, какъ они переглянулись.

— Но она умерла! Не оскверняйте могилъ клеветою!

— Но это правда: я сама слыхала о томъ же.

— Бѣдный, обманутый глупецъ!

— Вы не замѣчаете украшеній въ его почтенной сѣдинѣ?

— Тише! Тише!

Съ возгласами «тише! тише!» переглядываются и тихонько смѣются.

— Человѣкъ не имѣеть права думать только о самомъ себѣ. Когда я рассчитаю, сколько онъ могъ бы намъ оставить, и сколько намъ остается..

— Гроши!

— Нужно благодарить Провидѣніе и за то, что осталось. Нашъ почтенный родственникъ такъ не бережливъ.

— Взгляните на его халатъ: развѣ можно такъ обращаться съ дорогими вещами.

— Вы думаете? Я не вижу отсюда, что это за матерія.

— Подойдите осторожно и пощупайте пальцами. Это шелкъ!

Одна изъ женщинъ подходитъ къ умирающему Человѣку и, дѣлая видъ, что оправляетъ подушку, ощупываетъ матерію. Всѣ съ любопытствомъ слѣдятъ за нею.

— Шелкъ!

Различными жестами Наслѣдники выражаютъ свое негодованіе. Человѣкъ на мгновеніе выходитъ изъ неподвижности и проситъ слабо.

— Воды!

— Что онъ говоритъ? Онъ слышалъ? Чего ему надо?

Человѣкъ.

Воды! Бога ради, воды!

Умолкаетъ. Нѣсколько испуганные Наслѣдники ищутъ воды, но не находятъ. Брезгливо встревоженные голоса:

— Воды!

— Онъ проситъ воды!

— Да дайте же ему воды!

— Воды нѣтъ.

Всѣ разомъ обращаются къ спящей Сестрѣ Милосердія, кричатъ, приставляя руки ко рту въ видѣ рупора:

— Сестра Милосердія!

— Сестра Милосердія!

— Сестра Милосердія!

— Вамъ говорятъ, Сестра Милосердія! Больной просить воды.

— Растолкайте ее. За что же ей платятъ деньги, если она все время спитъ!

— А если вы хотите такую Сестру Милосердія, которая бы не спала, то придется платить еще дороже. Развѣ вы этого не понимаете?

— Она очень устала. У бѣдной женщины такъ много работы!

— Пусть спитъ. У нея такой сонъ, что жаль его тревожить.

— Дорогой родственникъ, вы не можете подождать? Сестра очень устала и спитъ.

Человѣкъ не отвѣчаетъ, и всѣ снова разсаживаются по мѣстамъ, полукругомъ. Слабый свѣтъ, озаряющій комнату, медленно гаснетъ—въ углахъ встаетъ мракъ. Тяжело, откуда-то сверху, ползетъ мракъ по ступенямъ, стелется по потолку, безшумно липнетъ къ каждому углубленію.

— Онъ успокоился. Бѣдный!

— Какъ темно! Господа, вы не замѣчаете, какъ темно.

— Когда я подумаю, что такъ, передъ каминомъ, онъ можетъ просидѣть еще долго—недѣли, мѣсяцы, мнѣ хочется схватить его за тощую шею и удушить.

— Позвольте: вы такъ беспокоитесь о наслѣдствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я не знаю, кто вы?

— И я не знаю! И я!

— Вы просто человѣкъ съ улицы: какое вы имѣете право на наслѣдство?

- Я такой же наслѣдникъ, какъ и вы.
- Нѣтъ, сударь, вы мошенникъ!
- Нѣтъ, это вы мошенникъ!
- Тише! Тише!
- Его надо выгнать! Вонъ!
- Вы всѣ мошенники!
- Тише! Вы разбудите его!

Яростно, оскаливъ зубы, грозятъ другъ другу сжатыми кулаками.

- Господа, свѣтъ гаснетъ! Я почти не вижу лицъ.
- Надо уходить. Еще одинъ погибшій день!
- Надо уходить.
- А я останусь. Я не пойду отсюда. Это мой домъ. Мой, мой, мой!
- Васъ съѣдятъ здѣсь крысы.

Въ изступленіи:

- Это мой домъ — мой, мой, мой!
- Одна седьмая часть, г. наслѣдникъ съ улицы, во всякомъ случаѣ не больше, какъ одна седьмая часть.
- Это мой домъ! Мой!
- Господа, темнѣетъ.
- Спокойной ночи, дорогой родственникъ!
- Спокойной ночи, дорогой родственникъ!
- Спокойной ночи, дорогой родственникъ!

Поочереди, низко кланяясь Человѣку, уходятъ. Нѣкоторые поднимаютъ вялую, блѣдную руку умирающаго, лежащую на ручкѣ кресла, и нѣжножимаютъ ее. Наслѣдникъ съ улицы остается одинъ. Презрительно взглянувъ на безмолвныхъ Человѣка и Сестру Милосердія, онъ быстро и рѣшительно, съ гнѣвнымъ видомъ, изслѣдуетъ комнату: трогаетъ стѣны, щупаетъ матерію на стульяхъ, оцѣниваетъ взглядомъ то, до чего не можетъ дотянуться руками. Подходитъ къ кровати, на которой умерла жена Че-

ловѣка, и пробуеъ крѣпость бѣлья. Но гнилая матерія расплзается подѣ пальцами и, бѣшено топнувъ ногою, Наслѣдникъ разбрасываетъ подушки и простыни. Потомъ рѣшительно идетъ къ умирающему и останавливается за его спиною.

Рѣчь наследника.

— Послушай, старикъ. Ты долженъ умереть. Зачѣмъ ты оскорбляешь смерть сопротивленіемъ? Уходи. Освободи живыя вещи отъ твоей мертвой власти,—она свинцовой тяжестью лежитъ надъ всѣмъ. Посмотри: все ждетъ и жаждетъ твоей смерти—эти падающія стѣны,—эта паутина и паукъ, заключенный въ ея круги—этотъ черный каминъ. Прежде онъ дышалъ на тебя огнемъ, теперь въ прохладу могилы зоветъ твое изношенное тѣло. Уходи. Тамъ ты встрѣтишь тѣхъ, кто любилъ тебя и въ чернотѣ и въ сѣдинѣ твоихъ волосъ, и былъ любимъ тобою.

Молчаніе.

— Не вѣришь?!

Обращается въ уголь, гдѣ стоитъ Нѣкто въ сѣромъ.

— Эй, ты! Скажи ему, что тамъ его встрѣтятъ любимые: сынъ его съ проломленной головою, жена, умершая отъ болѣзней и горя.

Молчаніе.

— И ты молчишь? И все молчить? Пусть. Но что бы ни ждало тебя тамъ,—отсюда уходи; я, живой, изгоняю тебя изъ жизни. И когда ты умрешь, я благословлю тебя. Я возложу вѣнки на твой гробъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ гнить твое тѣло, воздвигну памятникъ—если это не будетъ дорого стоить. Уходи!

Молчаніе. Наслѣдникъ снова ходитъ по комнатѣ—но уныніе мѣста, мракъ, непрестанно нарождающійся,

тягучее безмолвіе пугаютъ его. Тревожно мечется онъ, точно позабывъ, гдѣ выходъ, и говоритъ хрипло:

— Сестра милосердія, проснитесь! Сестра! Гдѣ же выходъ?.. Гдѣ же выходъ? Сестра милосердія!

Молчаніе. Въ разныхъ мѣстахъ почти одновременно показываются Старухи. Происходитъ легкая, молчаливая, смѣшная для Старухъ игра: онѣ загораживаютъ выходъ Наслѣднику, кружатъ по комнатѣ и, такъ безшумно перебрасывая его, пропускаютъ, наконецъ, къ двери. Поднявъ надъ головою руки, съ выраженіемъ ужаса, Наслѣдникъ убѣгаетъ. Старухи тихонько смѣются.

Разговоръ Старухъ.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! Какая славная ночь!

— Вотъ мы и снова собрались. Какъ ваше здорье?

— Покашливаю.

Тихо смѣются.

— Теперь недолго. Онъ сейчасъ умереть.

— Посмотрите на свѣчу. Пламя синее, узкое и стелется по краямъ. Уже нѣтъ воска и только фитиль догораеть.

— Не хочеть гаснуть.

— А когда вы видѣли, чтобы пламя хотѣло гаснуть?

— Не спорьте! Не спорьте! Хочеть пламя гаснуть или не хочеть, а время идетъ.

— Время идетъ.

— Время идетъ.

— А вы помните, какъ онъ родился? Позвольте, дорогой родственникъ, поздравить васъ съ новорожденнымъ!

— А вы помните розовенькое платьице и голенькую шейку?

— И цвѣты. Ландыши, съ которыхъ не высохла роса, фіалки и зеленую травку?

— Не трогайте, дѣвушки, не трогайте цвѣтовъ!

Смѣются.

— Время идетъ.

— Время идетъ.

Смѣются. Одна изъ старухъ оправляетъ постель.

— Что вы дѣлаете?

— Я оправляю постель, на которой умерла его жена.

— Зачѣмъ это нужно? Онъ сейчасъ умретъ.

— Не мѣшайте мнѣ. Я оправляю постель, на которой умерла его жена.

— Какая вы добрая!

— Теперь хорошо. Теперь онъ можетъ идти.

— Когда его пустить Тотъ.

— Теперь хорошо. Теперь хорошо.

Широкимъ дыханіемъ черезъ комнату проносится гармоничный, но очень печальный и странный звукъ. Зародившись гдѣ-то наверху, онъ трепетно гаснетъ во мракѣ угловъ. Похоже, какъ будто одна за другою лопнули многія струны.

— Тише! Вы слышите?

— Что это?

— Это тамъ наверху, гдѣ давали балъ. Это музыка!

— Нѣтъ, это вѣтеръ. Я была тамъ. Я видѣла. Я знаю. Это вѣтеръ. Тамъ выбиты стекла и вѣтеръ звенить осколками ихъ такъ гармонично.

— Да, это похоже на музыку.

— Тамъ такъ весело! Тамъ на корточкахъ, въ темнотѣ у ободранныхъ стѣнъ сидятъ гости,—но въ какомъ видѣ, если бы вы знали!

- Мы знаемъ!
- И ляская зубами, лають отрывчато: какъ богато, какъ пышно!
- Вы шутите, конечно?
- Конечно, я шучу. Вы знаете мой веселый характеръ.
- Какъ богато! Какъ пышно!
- Какъ свѣтло!

Тихо смѣются.

- Напомните ему.

Тѣсно окружають Человѣка, льнутъ къ нему мягкими движеніями, ласкають костлявыми руками, засматриваютъ въ лицо и шепчутъ вкрадчиво, вѣдаясь въ самую глубину стараго сердца:

- Ты помнишь?
- Какъ богато! Какъ пышно!
- Ты помнишь, какъ играла музыка на твоёмъ балу?
- Онъ сейчасъ умретъ.
- Кружились танцующіе и музыка играла такъ пышно, такъ красиво. Она играла такъ.

Тихо напѣваютъ мотивъ музыки, что играла на его балу.

- Ты помнишь?
- Устроимъ балъ! Я такъ давно не танцевала!
- Вообрази, что это дворець, сверхъестественно красивый дворець!
- Ты помнишь? Вотъ заливаются пѣвучія скрипки. Вотъ нѣжно поетъ свирѣль. Вотъ...

Внезапно, перебивая рѣчь старухъ, начинаетъ играть музыка, наверху въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится залъ.

Звуки приносятся громкіе и отчетливые. Старухи прислушиваются.

- Тише! Вы слышите?
- Они играют!
- Музыканты играют!

Дико кричить:

- Эй, музыканты, сюда!

Остальные вторят:

- Эй, музыканты, сюда! Эй, музыканты, сюда!

Музыка наверху смолкает. Почти въ то же мгновение по искривленнымъ ступенямъ, выйдя изъ мрака, спускаются тѣ три музыканта, что играли на балу. Выходятъ на середину, становятся въ рядъ, какъ стояли тогда. Тотъ, что со скрипкой, аккуратно подстиляетъ на плечо носовой платокъ, и всѣ трое начинаютъ играть съ чрезвычайной старательностью. Но звуки тихи, нѣжны и печальны, какъ во снѣ.

- Вотъ и балъ!
- Какъ богато! Какъ пышно!
- Какъ свѣтло!
- Ты помнишь?

Тихо напѣвая подъ музыку, начинаютъ кружиться вокругъ Человѣка, манерничая и въ дикой уродливости повторяя движенія дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, танцовавшихъ на балу. При первой музыкальной фразѣ онѣ кружатся, при второй сходятся и расходятся граціозно и тихо. И тихо шепчутъ:

- Ты помнишь?
- Ты сейчасъ умрешь, а ты помнишь?

- Ты помнишь?
- Ты помнишь?
- Ты сейчас умрешь, а ты помнишь?
- Ты помнишь?

Танецъ становится быстрѣе, движенія рѣзче. Въ голосахъ поющихъ Старухъ проскальзываетъ странная, визгливая нотка; такой же странный смѣхъ, пока еще сдержанный, тихимъ шуршаніемъ пробѣгаетъ по танцующимъ. Проносясь мимо Человѣка, бросаютъ ему въ ухо отрывистый шепотъ:

- Ты помнишь?
- Ты помнишь?
- Какъ нѣжно, какъ хорошо!
- Какъ отдыхаетъ душа!
- Ты помнишь?
- Ты сейчас умрешь, сейчас умрешь, сейчас умрешь...
- Ты помнишь?

Кружатся быстрѣе, движенія рѣзче. Внезапно все смолкаетъ и останавливается. Застываютъ съ инструментами въ рукахъ музыканты; въ тѣхъ же позахъ, въ какихъ застало ихъ безмолвіе, замираютъ танцующія.

Человѣкъ встаетъ, шатаясь и невѣрными шагами идетъ къ постели. Одна изъ Старухъ загоразиваетъ ему путь и шепчетъ въ лицо:

- Не ложись въ постель! Ты тамъ умрешь!
- Ты тамъ умрешь!
- Берегись постели!

Человѣкъ безпомощно останавливается и молитъ въ тоскѣ:

— Помогите мнѣ кто-нибудь. Я не могу дойти до постели.

И вдругъ точно видитъ все. Видитъ злобно насто-
жившихся Старухъ, блудливо заигрывающихъ со
смертью; видитъ разрушеніе и мракъ и смерть, ца-
рящія вокругъ; видитъ какъ бы впервые каменный
ликъ Нѣкогого въ сѣромъ и свѣчу, копошно дого-
рающую въ рукѣ Его. Поднимаетъ руку — и отсту-
паютъ Старухи. Закидываетъ сѣдую, грозно-пре-
красную голову, выпрямляется, готовясь къ послѣд-
нему бою, и кричитъ неожиданно громко, призывнымъ
голосомъ, полнымъ тоски и гнѣва.

Въ первой короткой фразѣ еще звучитъ старческая
слабость; но съ каждой послѣдующей голосъ моло-
дѣетъ и крѣпнеть; и, отражая на мгновеніе вернувшуюся
жизнь, высоко взметывается красное, тревожное
пламя свѣчи, озаряя окружающее суровымъ отсвѣ-
томъ пожара:

— Гдѣ мой оруженосецъ?—Гдѣ мой мечъ?—Гдѣ
мой щитъ? — Я обезоруженъ! — Скорѣе ко мнѣ! —
Скорѣе!—Будь прокляты!

Падаетъ у подножья постели и умираетъ.

Въ то же мгновеніе, бессильно взметнувшись еще разъ,
гаснетъ пламя, и сильный сумракъ поглощаетъ пред-
меты. Будто подались, наконецъ, стѣны и окна, задер-
живавшія мракъ, и густой, черною, побѣдоносной
волною онъ заливаютъ все; только свѣтлѣетъ лицо умер-
шаго Человѣка. Тихій, неопредѣленный говоръ Ста-
рухъ, шушуканіе, пересмѣиваніе.

Нѣкто въ сѣромъ.

— Тише! Человѣкъ умеръ!

Молчаніе, тишина. И тотъ же холодный, равнодушный
голосъ повторяетъ изъ глубокой дали, какъ эхо.

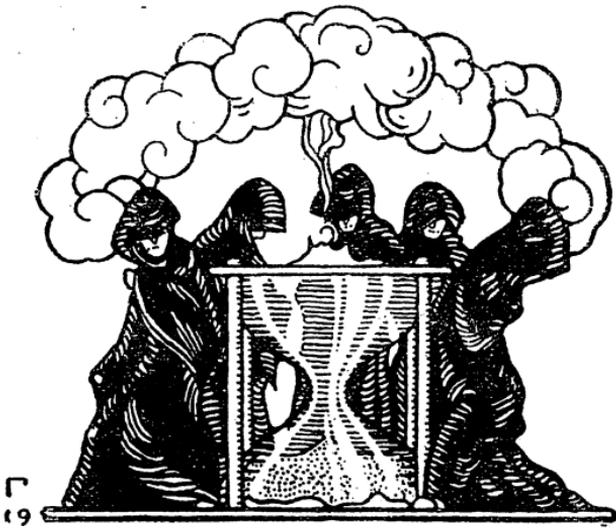
— Тише! Человѣкъ умеръ.

Молчаніе, тишина. Медленно густѣетъ сумракъ, но еще видны мышиныя фигуры насторожившихся Старухъ. Вотъ тихо и безмолвно онѣ начинаютъ кружиться вокругъ мертвеца—потомъ начинаютъ тихо напѣвать — начинаютъ играть музыканты. Сумракъ густѣетъ, и все громче становятся музыка и пѣніе, все безудержнѣе дикій танецъ. Уже не танцуютъ, а бѣшено носятся они вокругъ мертвеца, топя ногами визжа, смѣясь непрерывно дикимъ смѣхомъ. Наступаетъ полная тьма. Еще свѣтлѣетъ лицо мертвеца, но вотъ гаснетъ и оно. Черный, непроглядный мракъ.

И во мракѣ слышно движеніе бѣшено танцующихъ, взвизгиванія, смѣхъ, нестройные, отчаянно громкіе звуки оркестра. Достигнувъ наивысшаго напряженія, всѣ эти звуки и шумъ быстро удаляются куда-то, замираютъ... Тишина.

Опускается занавѣсъ.

20 февраля 1908 г.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

ПИСАТЕЛИ: ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ, М. АРЦЫБАШЕВЪ, ШАЛОМЪ АШЪ, К. БАЛЬМОНТЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ, ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ, ИВ. БУНИНЪ, АНДРЕЙ ВЪЛЫЙ, В. ВЕРЕСАЕВЪ, КНУТЪ ГАМСУНЪ, Г. ГАУПТМАНЪ, С. ГОРОДЕЦКІЙ, БОР. ЗАЙЦЕВЪ, МАРКЪ КРИНИЦКІЙ, М. МЕТЕРЛИНКЪ, О. МИРБО, В. МУЙЖЕЛЬ, С. НАЙДЕНОВЪ, А. СЕРАФИМОВИЧЪ, С. СЕРГЪЕВЪ-ЦЕНСКІЙ, ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ, А. СТРИНДБЕРГЪ, Н. ТЕЛЕСЕВЪ, Е. ЧИРИКОВЪ, ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ, СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ, АНАТОЛЬ ФРАНСЪ И ДР.

ХУДОЖНИКИ: Б. АНИСФЕЛЬДЪ, И. БИЛИБИНЪ, АЛЕКСАНДРЪ ВЕНУА, Л. БАКСТЪ, АКСЕЛЬ ГАЛЛЕНЪ, А. ГАУШЪ, Т. Т. ГЕЙНЕ, З. ГРЖЕВИНЪ, Ю. ДИЦЪ, М. ДОБУЖИНСКІЙ, В. ЗАМИРАЙЛО, Д. КАРДОВСКІЙ, К. КОЛЬВИТЦЪ, В. КУСТОДЕВЪ, Е. ЛАНСЕРЕ, В. МИЛОТИ, А. ОСТРОУМОВА, Н. РЕРИХЪ, Ю. РЪПИНЪ, К. СОМОВЪ, СТЕЙНЛЕНЪ, В. СЪРОВЪ, В. ЧЕМБЕРСЪ, С. ЧЕХОНИНЪ, О. ШАРЛЕМАНЪ, С. ЯРЕМИЧЪ И ДР.

Цѣна cadaго альманаха 1 рубль, въ переплетѣ 1 р. 25 коп.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА. — А. КУПРИНЪ. ВРЕДЪ. — С. СЕРГЪЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. ЛѢСНАЯ ТОПЬ. — Н. ГАРИНЪ. КОГДА-ТО... — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. ПОЛКОВНИКЪ РОЗОВЪ.

II.

ГОРОДЪ: В. БРЮСОВЪ. ГОРОДЪ. (СТИХОТВОРЕНІЕ).
М. ДОБУЖИНСКІЙ. ГОРОДЪ. БУДНИ. ПРАЗДНИКЪ. (РИСУНКИ).
Л. БАКСТЪ. УЛИЦА. (РИСУНОКЪ). Н. РЕРИХЪ. ГОРОДЪ. (РИСУНОКЪ).

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ
КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. МУЙЖЕЛЬ. ПОКА...—А. КОЙРАНСКИЙ. ХОЛОДЪ.—И. БУНИНЪ.
У ИСТОКА ДНЕЙ.—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. МАЙ.

II.

СТИХИ.

ИВ. БУНИНЪ. ПЕТРОВЪ ДЕНЬ. ПРОВОДЫ. ГЕЙМДАЛЬ.
АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТЪ.
СЕРГ. ГОРОДЕЦКИЙ. РУСЬ. ВЕСНЯНКА.
АЛ. БЛОКЪ. Н. Н. ВОЛОХОВОЙ. ЛЕГЕНДА.

III.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „СМЕРТЬ“ 6 рис.

IV.

СЕНТЬ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВЪНЦА.

*РАЗРЪШЕННЫЙ АВТОРОМЪ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЗИН. ВЕНГЕРОВОЙ
И В. ВИНШТОКА.*

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ТЪМА.—ИВ. БУНИНЪ. АСТМА.—
БОР. ЗАЙЦЕВЪ. СЕСТРА.—А. КУПРИНЪ. ИЗУМРУДЪ.—
А. СЕРАФИМОВИЧЪ. ПЕСКИ.

II.

АЛ. БЛОКЪ. СТИХИ.
Г. ЧУЛКОВЪ. ЗОЛОТАЯ НОЧЬ. СТИХИ.

III.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. РОМАНЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ШИПОВНИКЪ»

подъ редакціей Леонида Андреева.

Въ теченіе 1908 года будутъ выпущены четыре книги (IV, V, VI, VII).

Печатается книга четвертая.

Содержаніе: Борисъ Зайцевъ. Аграфена. Повѣсть.— Семенъ Юшкевичъ. Похожденія Леона Дрея. Романъ.— Валерій Брюсовъ. Исполненное обѣщаніе. Поэма.— Леонидъ Андреевъ. Смерть Человѣка.

Въ слѣдующихъ альманахахъ будутъ помѣщены между прочимъ:

М. Метерлинкъ. Синяя птица (съ рисунками Б. Анисфельда). Переводъ съ рукописи.— Ѳедоръ Сологубъ. Капли крови. Романъ.— Бор. Зайцевъ. Сны.— С. Сергѣевъ-Ценскій. Печаль полей. Повѣсть.— Леонидъ Андреевъ. Навуходоносоръ.— Ѳедоръ Сологубъ. Антихристовъ корень. Бѣлая березка. Разказы.— Шаломъ Ашъ. Сабатай Цеви.— С. Сергѣевъ-Ценскій. Береговое.— К. Бальмонтъ. Литва.— Леонидъ Андреевъ. Наша тюрьма.

Цѣна каждой книги 1 рубль.

Начиная съ IV альманаха издательство «Шиповникъ» выпускаетъ наряду съ обычнымъ изданіемъ особое улучшенное изданіе (на веленовой бумагѣ и пр.) исключительно по подпискѣ.

Подписка открывается на четыре альманаха за 1908 г. (кн. IV, V, VI, VII). Цѣна по подпискѣ за четыре книги съ пересылкой 4 руб.— Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 руб.; по полученіи IV и V книгъ по 1 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ издательства: С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, д. 17.

Улучшенное изданіе въ отдѣльную продажу не поступаетъ.

Съверные сворники

издательство
«Шиповникъ»

Юхани Ахо.
А. Ернифельтъ и др.
А. Эленшлегерь.
Г. Драхманъ.
Сѣренъ Киркегоръ.
I. П. Якобсенъ.
С. Шандорфъ.
Г. Гейбергъ.
Германъ Бангъ.
I. Геллерупъ
Б. Ларсенъ.
Амалия Скрамъ.
Кнутъ Юртъ.
Густавъ Видъ.
Отто Руанъ.
К. Михаалисъ.
Якобъ Кнудсенъ.
М. Андерсенъ — Некосъ.
Юг. Йенсенъ.
Христенсенъ и др.
Магд. Торевенъ.
Ионасъ Ли.
Арне Гарборгъ
Ал. Кьелландъ.
С. Обстфельдеръ.
Габриель Финне.
В. Крагъ.
Томасъ Крагъ.

Эрикъ Ли.
Кнутъ Гамсунъ.
Гансъ Э. Княкъ.
Р. Йольсенъ.
Софусъ Оръ.
Х. Крогъ.
К. Нерупъ.
Гансъ Оврулъ.
Сигурдъ Матисенъ и др.
К. Л. Альмквистъ.
Фред. Бремеръ.
А. Стриндбергъ.
Торъ Гедбергъ.
Г. афъ Гейерстамъ.
В. ф. Гейденстамъ.
Оскаръ Левертинъ.
Ола Гансонъ.
Перъ Галльстрѣмъ.
Вильг. Экелундъ.
Свенъ Лидманъ.
Яльмаръ Сѣдербергъ.
А. ф. Клинокстрѣмъ.
Густавъ Ульманъ.
К. Т. Оссианъ-Нильсонъ.
Артуръ Меллеръ.
Сигурдъ Сивертъ.
Викторъ Бикстрѣмъ.
Гуго Эбергъ, и др.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Иенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорской).
Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — Зельма Лагер-
лѣфъ. Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго). —
Августъ Стриндбергъ. Преступникъ (пер. С. Городецкаго). —
Германъ Бангъ. Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Федора
Сологуба). — Оскаръ Левертинъ. Зельма Лагерлефъ (статья).
Теодоръ Вольфъ. Иенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

(2-ое изданіе).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

Кнутъ Гамсунъ. Мистеріи. Пер. А. Острогорской. Ола
Гансонъ. *Sensitiva amorosa*. Пер. Ю. Балтрушайтиса.
А. Купринъ. О Кнутъ Гамсунъ. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Иенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер.
С. Городецкаго Гаральдъ Геффдингъ. Потомокъ Гамлета (статья
о Киркегоръ). Сѣренъ Киркегоръ. I. Несчастнѣйшій. II. Афо-
ризмъ. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КНУТЬ ГАМСУНА,

въ 12 томахъ съ критико-биографическимъ очеркомъ и портретами автора, при ближайшемъ участіи К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Переводы исключительно съ норвежскаго.

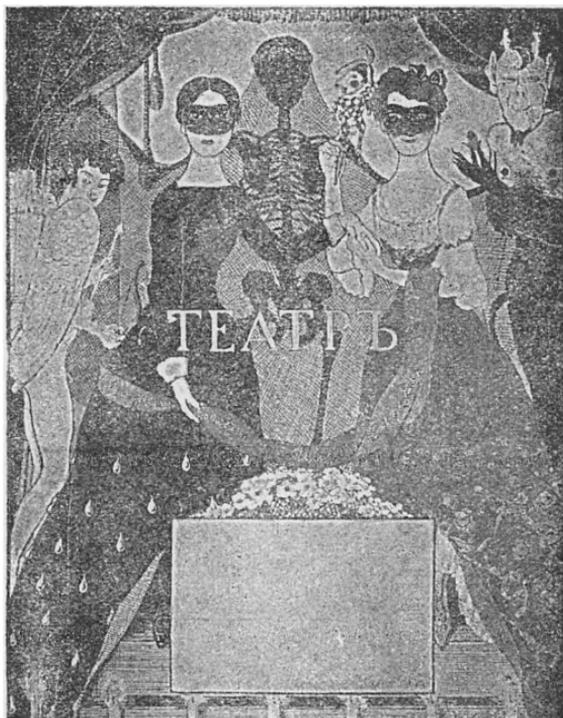
Содержаніе: т. I) Духовная жизнь современной Америки. Голодь. т. II) Мистеріи. т. III) Редакторъ Люнге. т. IV) Новь. т. V) Панъ. Съеста. т. VI) У вратъ Царства. Драма жизни. Вечерняя Заря. т. VII) Викторія. Въ сказочной странѣ. т. VIII) Мункенъ Вендтъ. т. IX) Чаща. т. X) Царица Тамара. Дикій Хоръ. т. XI) Мечтатель. Воинствующая жизнь. т. XII) Подъ осенними звѣздами.

Цѣна по подпискѣ за 12 томовъ 12 р. 50 к., съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи. Допускается разсрочка; при подпискѣ—2 руб. 50 коп.; при полученіи каждаго тома—1 руб.; послѣдніе два тома высылаются бесплатно.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ издательства (Большая Конюшенная, 17); въ Москвѣ—въ отдѣленіи издательства (Книжное агентство при книжномъ магазинѣ В. Филимонова, Большая Никольская, д. 22); въ Одессѣ—въ отд. издательства (Книжножурнальное дѣло, Греческая ул., д. 50, кв. 6); въ Кіевѣ въ отд. изд-ва (кн. маг. А. А. Соколовскаго. Крещатикъ, 42).

Печатается и въ февралѣ будетъ разосланъ подписчикамъ томъ V. Содержаніе: Панъ. (Пер. С. Полякова). Съеста. (Пер. С. Полякова).

Въ отдѣльной продажѣ цѣна изданія будетъ повышена.

Ю. СЛОВАЦКІЙ. «КОРДІАНЪ». ПЕР. В. ВЫСОЦКАГО.

С. РАФАЛОВИЧЪ. «ОТВЕРГНУТЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ».

Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. ТОМЪ I. «ГИДАЛЛА».

ПЕР. В. ВАСИЛЕВСКАГО. «МУЗЫКА». ПЕР. З. ВЕНГЕРОВОЙ.

Цѣна 1 р. 20 к.

ТОМЪ II. ЛУЛУ: а) «ВАМПИРЪ». ПЕР. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА;

б) «ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ». ПЕР. ГИБЕРМАНЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. «ПРОВУЖДЕНІЕ ВЕСНЫ».

ПЕР. ПОДЪ РЕДАКЦ. ѲЕДОРА СОЛОГУБА.

Цѣна въ переплетѣ 75 к. (РАЗОШЛОСЬ).

АЛ. БЛОКЪ. ТРИ ПЬЕСЫ: «БАЛАГАНЧИКЪ».

«КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ». «НЕЗНАКОМКА».

Цѣна 1 руб.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ПЯТИ
КАРТИНАХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ
Соч. ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

Обложка, заставки и концовки
В. ЧЕМБЕРСА.
Ц. 60 к.

ЕВ. ЧИРИКОВЪ.

«МАРЬЯ ИВАНОВНА».

Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.

С. НАЙДЕНОВЪ.

«ХОРОШЕНЬКАЯ».

Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ.

«СМЕРТЬ».

Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ.

Ц. 75 коп.

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «АНТОНЪ ЧЕХОВЪ и ХУДОЖЕ-
СТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «К. С. СТАНИСЛАВСКІЙ и
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

«ТЕАТРЪ»

(КНИГА О НОВОМЪ ТЕАТРѢ).

СОДЕРЖАНІЕ:

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. ТЕАТРЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.—Е. АНИЧКОВЪ.
ТРАДИЦІЯ И СТИЛИЗАЦІЯ.—А. ГОРНФЕЛЬДЪ. ДУЗЕ, ВАГ-
НЕРЪ, СТАНИСЛАВСКІЙ.—АЛ. БЕНУА. БЕСѢДА О БАЛЕТѢ.
ВС. МЕЙЕРХОЛЬДЪ. ТЕАТРЪ (КЪ ИСТОРИИ И ТЕХНИКѢ).—
ӨЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТЕАТРЪ ОДНОЙ ВОЛИ.—ГЕОРГІЙ
ЧУЛКОВЪ. ПРИНЦИПЫ ТЕАТРА БУДУЩАГО.—С. РАФАЛО-
ВИЧЪ. ЭВОЛЮЦІЯ ТЕАТРА.—ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. РЕАЛИЗМЪ
И УСЛОВНОСТЬ НА СЦЕНѢ.—АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. ТЕАТРЪ И
СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА.

Обложка АЛ. БЕНУА.

Цѣна 2 рубля.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

**АЛЕКСАНДРЪ
БЕНУА.**

ГОЙЯ

СЪ 40 РЕПРОДУК-
ЦИЯМИ ИЗЪ
PROVERBIOS,
CAPRICHOS,
DESASTROS,
DELLA GUERRA
и др.

ОБЛОЖКА М.
ДОБУЖИНСКАГО
УКРАШЕНИЯ
С. ЯРЕМИЧА.

Цѣна въ переплетѣ
2 рубля.

ОБРИ ВЕРДСЛЕЙ.

65 РИСУНКОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ПО УКАЗАНЮ К. СОМОВА.

Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ВРУБЕЛЬ. Т. ГЕЙНЕ.

КАЛО.

ФЕДOTOBЪ. АКСЕЛЬ ГАЛЛЕНЪ. В. ГОГАРТЪ и др.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НАРОДНЫЯ КАРТИНЫ

ВЪ КРАСКАХЪ.

Цѣна 2, 3, 5 и 10 коп.

Леонидъ Андреевъ. Царь Голодь. Представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ. Рисунки Е. Лансере.

Вор. Зайцевъ. Разказы. Книга I.

Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ, Люди и Земля. Деревня. Миѣъ. Черныя вѣтры. Завтра (2-ое изданіе). Цѣна 50 коп.

Вор. Зайцевъ. Разказы. Книга II.

I. Полковникъ Розовъ. Молодые. Ласка. II. Любовь. Май. III. Сестра. Гость. IV. Аграфена. V. Спокойствіе. Сны. (Печатается). Ц. 1 р.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разказы. Томъ I.

Тундра. Умру я скоро. Маска. Взмахъ крыльевъ. Дифтеритъ. Бредъ. Уголокъ. Вѣрю. Скука. Поляна. Погость. Молчальники. Садъ. Батенька. Убійство. Цѣна 1 руб.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разказы. Томъ II.

Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна 1 руб.

В. Муйжель. Разказы. Томъ I.

Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабья жизнь. Цѣна 1 руб.

Марья Криницкій. Разказы. Томъ I. Содержаніе.

Тора-Аможе. Наслѣдственность. Необходимость жить. Тайна барсука. Матерія. Проклятѣе. Ефимъ. Слѣпецъ. Пошлость. Ложь. Оплоть общества. Цѣна 1 руб.

Федоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. (2-ое изданіе).

Цѣна 1 р. 75 к.

Федоръ Сологубъ. Книга разлукъ. Разказы.

Они были дѣти. Въ толпѣ. Смерть по объявленію.

Голодный блескъ. Цѣна 1 руб.

Шаломъ Апъ. Разказы. Томъ I. (Печатается).

Шаломъ Апъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни въ

Польшѣ. Единственный, разрѣшенный авторомъ,

переводъ съ еврейскаго. Цѣна 75 коп.

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Ц. 30 к.

Б. Ковальскій. Разказы. Томъ I.

Первый валъ. Весна. Только шагъ! Смѣхъ и плачь.

Полуночное солнце. На черноземѣ. Человѣкъ, кото-

рый... Тоска по родинѣ. Ц. 1 р.

Октавъ Мирбо. 638 — Е — 8. (Путешествіе въ автомобиль).

Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ

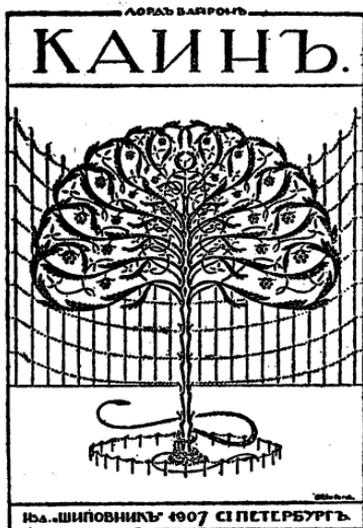
рукописи для издательства „Шиповникъ“. (З. Венгеровой и Л. Бинштока). Цѣна 1 руб. 25 коп.

Анатолий Франсъ. Разказы Жака Турнедо. Единственный,

разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для

издательства „Шиповникъ“. (Н. Минскаго). (Печатается).

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

БАЙРОНЪ.

КАИНЪ.

Переводъ ИВ. БУНИНА.

Обложка, заставки и концовки В. ЧЕМБЕРСА.

Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

ЕВГ. ТАРАСОВЪ. ЗЕМНЫЯ ДАЛИ. Вторая книга стиховъ.
Обложка И. Билибина. Цѣна 60 коп.

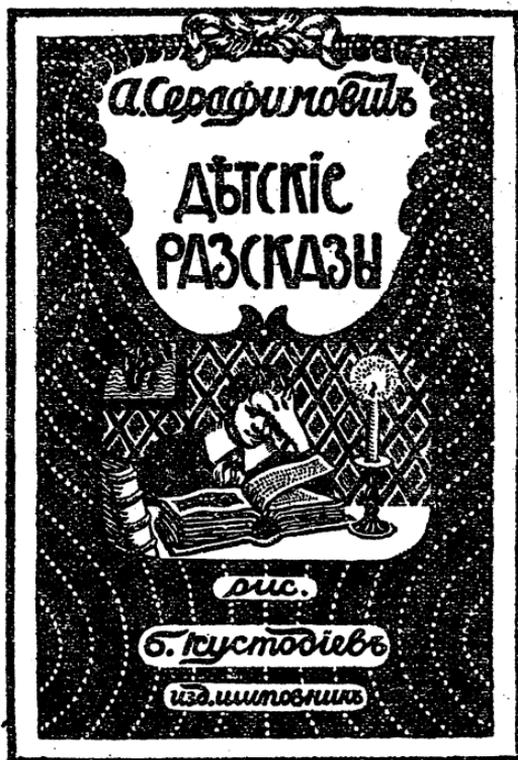
К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ПТИЦЫ ВЪ ВОЗДУХѢ.

Строки напѣвныя.

Обложка И. БИЛИБИНА.

Цѣна 2 р.

А. Серафимовичъ.

ДѢТСКІЕ
РАЗСКАЗЫ

съ рисунками

Б. КУСТОДІЕВА.

Цѣна 1 р.

МОРЩИНКА.

Сказка А. Рѣмизова. Рисунки М. Довужинскаго.

Цѣна въ переплетѣ 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

И. Биливинъ. „Теремъ-Теремокъ“. Сборникъ народныхъ сказокъ, пѣсенъ и прибаутокъ для дѣтей младшаго возраста. Рисунки въ краскахъ.

С. Городецкій. „ІЯ“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками Б. Кустодіева.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ и АЛЕКСАНДРЪ ВЕНУА

СКАЗКИ

(ПЕЧАТАЮТСЯ).

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АЛЬМАНАХЪ

подъ общей редакціей В. Бурцева.

При участіи: Г. Абрамова, Леонида Андреева, В. Бурцева, В. Водовозова, В. Голубева, А. Куприна, Е. Кусковой, А. Луначарскаго, Н. Морозова, Е. Орлова, В. Панкратова, С. Прокоповича, Н. Русанова, Е. Смирнова, Ю. Стеклова, А. Федорова, В. Чернова, Е. Чирикова, П. Щеголева и др.
Художниковъ: Б. Анисфельда, И. Билибина, З. Гржебина, М. Добужинскаго, Б. Кустодіева, Е. Лансере, С. Чехонина.
(Арестована).

К. Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. и предисл. къ русск. изд. П. П. Румянцева. Цѣна 90 к.

А. Луначарскій. Религія и социализмъ. (Печатается).

Гюберъ Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Авторизированный переводъ съ рукописи Ц. 40 к.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ. (Реформизмъ и социальная революція). Съ пред. автора къ русск. изд. Пер. съ итальянскаго, подъ ред. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Цѣна 1 р.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПАМФЛЕТЫ.

А. Луначарскій. Три кадета. Цѣна 40 коп.

А Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. I Побѣдоносцевъ, какъ общественный дѣятель. II Побѣдоносцевъ и православная церковь. Ц. 50 к.

А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Цѣна 55 к.

А. Луначарскій. Пять фарсовъ для любит. Цѣна 40 к.

Ө. Сологубъ. Политическія сказочки (Разошлось).

Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Ц. 75 к.

Н. Троцкій. Туда и обратно. 1. Вмѣсто предисловія. 2. Отъ Петербурга до Березова. 3. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ. 4. Мой побѣгъ — 800 верстъ на оленяхъ. Цѣна 60 коп.

ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:
ССЫЛЬНЫМЪ и ЗАКЛЮЧЕННЫМЪ.
(СВОРНИКЪ).

Содержаніе: Леонидъ Андреевъ. Елеазаръ. М. Арцыбашевъ. Подрапорщикъ Гололобовъ. — В. Вересаевъ. Издали. — Н. Гаринъ. Ревекка. — А. Купринъ. Какъ я былъ актеромъ. — В. Муйжель. Кошмаръ. Стихотворенія: С. Верхоянцевъ. — А. Лукьяновъ. — П. Я. (Л. Мельшинъ). — В. Н. Фигнеръ. — А. Серафимовичъ. На морѣ. — Танъ. Христосъ на землѣ. — Н. Тимковскій. Акваріумъ. — Е. Чириковъ. Облава. — С. Юшкевичъ. Новый пророкъ.

Цѣна книги 1 рубль.

(2-ое изданіе).

Габріэль Девильтъ. Капиталъ. Изложеніе 1-го тома „Капитала“ Маркса. Со вступительной статьей: „Очеркъ научнаго ссціализма“. Пер. съ франц., подъ редакціей І. Гольденберга. Цѣна 75 к.

Шаломъ Ашъ. Времена Мессіи. (На пути въ Сіонъ). Пер. Е. Троповскаго. Цѣна 50 к.

Марія Шефферъ. Среди арестантокъ. Ц. 60 к.

т. Шиповнической.

УЗЫ.

Драма въ 3 дѣйств.,

Ц. 75 к.

А. Немовскій.

ПИСЬМА
НЕНОРМАЛЬНАГО
ЧЕЛОВѢКА.

Ц. 80 коп.